

Зет | Падение

S.M

Начало конца было положено, а несчастные души теперь неизбежно будут следовать по сему пути. Кому-то конец принесет радость вместе с исполнением желаний, а кто-то окажется у разбитого корыта с пониманием того, что то, чего он так желал, не сделает его счастливым.

Война началась, судьбы многих сплетены, "зло" не дремлет, а Империи грозит большая беда. Что ж, посмотрим, к чему это приведет...

Глава 1 Встреча

Ха... Хаах... хах-хаа... Редкие деревца пролетали, сливаясь в одну смазанную картину. Всадница мчалась по холмам, покрытыми мягким зеленым ковром, из-за которых то и дело виднелся еловый лес. Густой, он раскинулся и в даль, и в ширь, настолько густой, что свет еле-еле пробивался меж ветвями.

Всадницу покидали последние силы, что уж говорить о её коне, тот и вовсе готов был упасть замертво в любую минуту. Но он не сдавался, возможно, понимая единственное желание своей хозяйки, он, как преданное животное, хотел исполнить свой долг. Массивные мускулы его сжимались и переливались под темной кожей, густая черная грива бойко развивалась на ветру, маленькие глазки-бусинки смотрели туда же, куда смотрела и она.

«Где же ты, где же, где же?! Ты ведь должна быть там... ТЫ должна быть там! Я верю, что это ты...»

Каждый маленький кустик, каждое небольшое деревце, тень, пробегающий рядом заяц, прыгающая по веткам белка — всё вдруг стало казаться всаднице той, которую она так отчаянно ищет. Каждый раз она вздрагивала, когда очередное нечто в её глазах вдруг превращалось в неё — совсем маленькая, с длинными светло-русыми волосами и добрыми глазами. Хотя, быть может, сейчас она выглядит уже совсем не так...

«Я всё равно найду! Как бы она не выглядела, как бы не изменился её характер, кем бы она ни стала...! Плевать, найду и заберу с собой, и хрена с два еще когда-нибудь отпущу...!!»

Ха...Хаах...Хах-хааа... Протопанная тропинка уже давно скрылась под покровом полевых трав и цветов. Всадника и юноша неслись всё быстрее и быстрее, пробивая себе новый путь через равнину.

Тело девушки совсем не устало, такова была её особенность... Устал её разум и её душа. Без «него» девушка забывала есть и спать, хоть она могла продолжать жить и без этого, но всё же именно сон и еда могли бы сохранить то небольшое человеческое, что в ней осталось. И вот уже много лет она ищет его, без усталости и без отдыха, без желания сдаться и отпустить...

В отличие от девушки, юноша на пару с кобылой уже были на пределе. Скучное и непривычное ему питание оставило юношу без сил, а о бедной скотине и говорить нечего... Старая-старая кляча с ногами как хворостины, заручившись поддержкой всех богов и духов, напивавшись удачей, каким-то чудом стремительно несла двоих путников на своём многострадальном горбу. И ведь причина у неё была совсем не благородная, как у еще одного знакомого коня... она просто боялась за свою жизнь, ведь видела иногда взгляды, наполненные дикой злобой, что её хозяйка иногда кидала на других людей. Такая глазом не моргнет, а голова бедной скотины полетит на землю...

«Где ты, где ты, где ты? Почему ушёл? Почему не сказал? Я сделала что-то не так? Не знаю... Не понимаю... Не помню... Нужно найти! Нужно спросить! Найду и не отпущу больше никогда, без него я не могу...»

Его далекий образ даже спустя столько лет всё еще стоял у девушки перед глазами. Каждый раз, видя свое отражения в стеклах, лужах, витринах и зеркалах, девушке всегда становилось как-то не по себе, грусть и холодная ярость накатывали с новыми силами. Ей было сложно понять, почему именно такие чувства возникали внутри неё, но она точно знала, что должна найти...

Деревья мелькали быстрым потоком мимо неё. Зелено-золотистые травы проносились мимо них. Кони отстукивали копытами ритм, мелодию, что близилась к своей кульминации. Они устали, комок самых разных и порой противоречивых чувств встал у них поперек горла, не давая спокойно вздохнуть.

«Где же ты?! Где ты? Где же ты?! Где ты? Я найду!!! Я отыщу. Марика!!! Зет...»

Кони заржали, резко встав на дыбы — их хозяйки ловко и вовремя остановили их, потянув со всех сил за вожжи. Всадницы застыли в ступоре, лицо одной исказилось в сильном удивлении, вторая же не могла ничего понять, не могла понять себя и это странное чувство, будто она уже где-то виделась с этой черноволосяй женщиной. Хотя обычно её другие люди совсем не волновали, но сейчас...

Марика внимательно следила за женщиной, что стояла напротив неё. Их встреча была странной, потому девушка остерегалась и старалась быть крайне бдительной, любое движение или взгляд не должны были уйти от неё незамеченными. Так она объясняла себе необычный интерес к всаднице, не замечая очень многих вещей — скрытых где-то в глубине чувств, воспоминаний или хотя бы того, что эта женщина напротив была до ужаса похожа на неё саму.

Ларика внимательно следила за маленькой девушкой, что сидела на кобыле перед ней. Ни один взгляд, ни одна эмоция или движение не должно было уйти от неё незамеченным. Она пыталась найти, пыталась найти в ней ту старую и до сего момента позабытую сестру. Вот только их неожиданная встреча почему-то пробудила давно стертую память Ларики, и теперь она с надеждой изучала каждый сантиметр девушки перед ней. Хоть цвет волос и глаз не тот, хоть она теперь и выглядит гораздо взрослее, хоть на некогда светлом и радостном лице теперь не осталось и следа прежнего, Ларика узнавала её... «Ах, не может быть...! Неужели, и правда она... Сестра... моя Марика...!»

— Кто ты? Зачем так смотришь? Что здесь делаешь? Поче... — начала первая Марика с нескончаемым потоком вопросов, только так она могла бы понять, что тут происходит.

— Постой-постой, хватит! — придержал её Зен. — Не стоит быть такой напористой с другими людьми, этой леди, наверное, некомфортно... — продолжал объяснять юноша, забыв на время о женщине, что стояла напротив. Та не могла поверить ни своим глазам, ни ушам. Тихий и хриловатый голос эхом отдавался в её голове, да он был уже совсем другой, многое в нём поменялось, бывшая радость ушла, а на смену ей появилась какая-то кровожадность на пару с глубокой усталостью. Но это был он, тот самый родной голос, которым сестра звала её когда-то очень давно по имени...

Девушка шмыгнула носом... и еще раз... Глаза вдруг стали такими горячими и влажными, а голову будто сжали тисками. Давно позабытые ощущения, последний раз это было в тот самый день, когда она потеряла всё... Противный, отдающий глухой болью ком, встал у неё где-то в горле. Она попыталась глотнуть, но всё было тщетно. Еще пара секунд и девушка уже не могла сдержаться — руки то и дело терли нос, из которого постоянно предательски текли сопли, а рукава накидки размазывали слезы по грустному лицу. Уже достаточно взрослая, опытная и повидавшая слишком многое женщина всхлипывала, пытаясь сдержаться, чтобы не заныть как простой ребенок, но получалось у неё это не слишком хорошо...

— Эм, л-леди? Что с вами, всё в п-порядке? — спохватился юноша, когда услышал звуки плача. — Вот видишь, Марика, что ты с ней сделала? — шепотом произнес он.

— Почему плачешь? Из-за меня? — спросила тогда она. Женщина сначала помотала

головой, взглянула на Марику и вновь разрыдалась.

— Н-нет... «всхлип» ... я не...нет... хнык! Да, да! «Всхлип» ... всё из-за тебя! Я столько, хаа, ждала, столько и-искала...! Где ты... хнык, была?! — встретившись с той, кто так напоминала её маленькую сестру, девушка и сама будто вернулась в детство. Она заливалась слезами, кричала, обвиняла и трясла руками.

— Я не понимаю... Эй, а ты понимаешь? — спросила Марика юношу.

— Не совсем... Быть может, вы уже раньше встречались... Или она просто спутала тебя с кем-то? — Зен подошел к её лошади и подал руку. — Эм, леди, давайте для начала успокоимся...

— Я-я... я не с-спутала... «всхлип»! Я...! — женщина слезла с коня и понуро уставилась на землю, пытаясь что-то объяснить... И вновь она подняла свой взгляд на Марику, остановившиеся было слезы, ручьем потекли опять, и женщина, рыдая словно младенец, бросилась на стоящую в оцепенении от непонимания Марику.

— Аааа...! Хнык, я т-так долго искала... С-сестрааа, хнык!! — кости Марики, казалось, были готовы сломаться от жарких объятий той женщины. Она заливалась слезами, зарывалась в волосы девушки, крутила головой, размазывая сопли... Любой другой на её месте был бы уже давно мертв, однако сейчас Марика почему-то сдерживалась. Ей было неприятно, но отталкивать странную женщину так не хотелось.

Много времени понадобилось на то, чтобы наконец успокоить её — Марика с отрешенным взглядом уставилась в небо, считая облака, а Зен носился с криками вокруг них, не зная, что делать. Юноша был еще слишком слаб к женским слезам, и такая ситуация поставила его в тупик — что бы он ни говорил, что бы не предлагал, женщина не успокаивалась, а стоило ей взглянуть на Марику, она вновь заливалась пуще прежнего.

Но вот минул примерно час, солнечный круг направился уже к другой половине горизонта, а троица теперь сидела на траве. Странная всадница больше не плакала, лишь иногда шмыгала носом, от её прежней не осталось и следа, теперь она была еще больше похожа на Марику — такие же холодные глаза, взгляд, говорящий о том, сколько бед ей пришлось пережить, расправленные плечи, ровная спина да и вообще манера держаться говорили юноше о том, что женщина эта была точно не последним человеком в этом мире.

Марике же эта ситуация уже успела надоесть, она была готова сорваться в любой момент на поиски Зета, и только лишь любопытство и странные, доселе неизвестные, чувства держали её здесь.

— Позвольте представиться, меня зовут Ларика, я горничная дворца озерного города в Стране Вод. — начала первая женщина.

— Приятно с вами познакомиться, леди Ларика. Меня зовут Зен Рассел, сын герцогини Рассел.

— Марика. — каждый раз, когда женщина слышала её голос, она легонько улыбалась, и тем не менее она была крайне недовольна. «Сколько же всего тебе пришлось пережить, чтобы стать... вот такой?», — именно такие мысли и беспокоили её.

— На самом деле, я очень долго искала тебя, се... Марика. Ты не помнишь меня?

— Нет. — холодный голос итак резал её сердце, но обидные слова делали еще больнее.

— В-вот как... Тогда позвольте рассказать свою историю, может, что-то покажется тебе знакомым... — грустно улыбнулась женщина и начала свой рассказ.

В рассказе её было то, чего как ни странно желал именно Зен. Ответы. Истории жизни давали ему знания и опыт, он начинал видеть, как болезни империи разрушают семьи и

судьбы ни в чем не повинных людей.

Классовость их общества сыграла с семьей Ларики злую шутку. Будь они маркизами или герцогами с глубокой историей рода, то знали бы о «святилище исправления», Церковь не посмела бы отбирать их дитя. И насколько бы хорошими, заботливыми, добрыми и мудрыми ни были эти родители, от смертельной болезни империи им было не суждено убежать...

Но как бы мрачна и тяжела ни была её история, Зен всё же увидел и капельку хорошего в ней. Увидел, что существуют на этой земле еще и добрые люди. Те, кто сохранили достоинство, несмотря на окружающую их действительность. Ведь власть и богатство развращают, бедность и положение раба ожесточают и порождают злобу и ненависть. Юноша понял, что ни аристократия, ни простолюдины — никто из них не был правым, никто не был олицетворением добра, это болезни империи сделали их такими порочными...

Ему было тяжело слушать рассказ женщины, тяжело было признавать, что жизни еще нескольких невинных были загублены этой страной, Церковью и властью, идеальностью которой он когда-то так восхищался, но то время уже давно прошло, его ум стал более гибким. И с каждым днем к нему всё чаще приходило осознание того, что именно он должен сделать. Империя была больна, а он как никудышный врач знал лишь один способ избавиться от сей болезни... Её нужно было вырезать с корнем!

Глава 2 Сталью и огнём

Воспоминания — сложная штука. Иногда мы можем ими управлять, забывать плохие, оставлять хорошие на всю свою жизнь. Но это лишь иногда... Как было бы прекрасно, будь у нас такая безграничная власть, как было бы прекрасно, будь такая власть у Марики.

После того, как она стала новой собой, её жизнь разделилась на «до» и «после». Что было там, «до», она почти не знала, было лишь два воспоминания — её имя и образ постоянной боли, безнадежности человека, запертого где-то глубоко под землей в сырости, холоде, за ржавыми железными прутьями. Быть может, вся её жизнь «до» и была такая? Тогда зачем о ней вспоминать? Смысла в этом не было, потому Марика и не пыталась.

«Сестра? Откуда? Раз была, почему не пришла раньше?», — внезапно объявившаяся женщина называла Марику своей сестрой, и последней это не доставляло радости. Она не помнила и не хотела вспоминать. Была ли вообще нужда вспоминать о той, кто оставил её на столько лет, ведь после того, как Зет забрал её из того подземелья, минуло уже очень-очень много лет, несколько десятков, если не больше...

Оставались бы у Марики большинство её прежних чувств, она могла бы сейчас долго рассуждать — принять её как свою сестру или же нет. Но чувств не было вовсе... хотя, может, она просто не могла их осознать.

«Раздражает, зачем она пришла? Только мешает, тратит время. Пусть делает, что хочет, а мне надо идти...»

Так и вышло, что рассказ Ларики о прошлом растрогал разве что Зена, Марику же он ничуть не взволновал, ей не хотелось думать, не хотелось разбираться во всём этом. Появившаяся «сестра» добавила бы ей только проблем, которых у неё, итак, хватало.

— Я пошла. — сказала седовласая девушка и уставилась на Зена. — Ты идешь со мной. — заявила она безотлагательным тоном и села на свою лошадь.

— М-марика... ты уверена, что хочешь вот так уйти? — неуверенно спросил юноша.

— Да, идем. У нас мало времени.

Зен завертел головой, с одной стороны каменное и без единой эмоции лицо Марики, с другой же — грустно улыбающаяся женщина, что только что поведала им о своём прошлом в надежде на... что? Сострадание? Нет, это точно не то, что ей было нужно... Тогда, может, понимание? Или она действительно просто хотела, чтобы Марика вспомнила?

Юноша неуверенно уселся на Старую клячу, расположившись сзади седовласой, а та хотела уже было пришпорить лошадь.

— Я иду с вами! — таким же тоном, как и у «сестры», сказала Ларика.

— Делай, что хочешь. — ответила ей девушка, на секунду задумавшись. Зен мало что понимал из этой ситуации, он вообще почти ничего не знал о двух «сестрах», но ему вдруг подумалось, что, быть может, Марика таким образом принимала Ларику... Отнюдь это было не так, ей было просто всё равно на неё, главное, чтобы не мешалась.

Доселе не виданный, новый образ сестры, её внешний вид, её холодный взгляд, её тихий голос и отсутствие того самого «света», что раньше так сильно исходил от неё — всё это отзывалось болью в сердце служанки Страны Вод. Но кем бы она стала, если бы после такого пустяка оставила свою любимую сестренку?

«Теперь уж я тебя не отпущу! Сколько бы времени не понадобилось, даже если ты так и не вспомнишь... Я всё равно заберу тебя с собой!», — вновь и вновь повторяла она эти слова,

словно молитву, и тихо следовала за сестрой.

...

— Купол долго не продержится. Все в сборе? — спросил я, оглянувшись на солдат.

— Д-да, командир! — как всегда первым отозвался Худой. — Д-даже и п-представить себе не мог, что в-вы так сильны, командир... — замямлил он после.

— Не время для лесты. Сейчас будем выманивать... — сказал я, улыбнувшись.

— Э-это как... командир? — пронеслась волна недоумения по рядам.

Я слез с коня и подошёл к части фортовой стены, которая оказалась заключена под куполом странного металла. Она не сильно изменилась с момента моего последнего здесь пребывания, такая же добротная, плиты выложены точно друг к другу без зазоров и трещин, даже время не смогло ослабить их. Но никто ведь не говорил, что не смогу я?

Металл всё сильнее напитал обе руки, кости стали толще, кожа — прочнее. В ладони появился приятный холодок тяжёлой рукояти, и вскоре я уже держал громадный молот. Свет лишь малыми лучами поступал сюда сзади, и оружие было почти не видно из-за его черноты. Молот весил килограмм сто двадцать, и даже мне было тяжело с ним правильно обращаться, но этого было и не нужно.

Отвёл его чуток назад, а солдаты в первых рядах, опешив, отступили. Мышцы напряглись до предела, так что вены полезли во все стороны, металл рассек воздух, растрепав волосы на голове и даже содрал капюшон накидки. «БУММ!!!», — хлопком раздался звук удара, оглушив меня на мгновение. Стена затряслась и пошла трещинами, а осколки камней посыпались на землю. Приглушенные крики раздались откуда-то сверху, слышал их лишь я. Хорошо, вроде работает.

«БУММ!!!», — пел свою песнь разрушения молот, сталкиваясь с несчастной стеной раз за разом, а та стонала от боли, сжималась и тряслась словно забитая псина. «БУММ!!!» — плиты передо мной превратились уже в кашу из осколков, а широкая трещина, достигавшая самой глубины стен, разошлась до самого их верха.

— Идиоты...! ...не открывайте ворота...! ...то дал приказ?!?! — еле слышимые крики раздавались из форта. И тут же я услышал звон цепей, скрип дерева и характерный гул. Я не сильно надеялся на свою бредовую затею, но она всё же сработала.

Конечно, я мог бы воспользоваться возможностями своего нового дара *Тень* и просто пройти преграду насквозь, оказавшись внутри. Но тогда пришлось бы столкнуться со всеми силами имперской армии разом. Это не стало бы проблемой, но мана... её бы не хватило на защиту войска Бьянки, о чьих жизнях она так печётся. Поэтому и пришлось выманивать их так, раз они не вышли сами, пока мы приближались к форту. Либо они там все поголовно дураки, либо же, наоборот, главнокомандующий слишком умный. Хотя этого стоило ожидать, всё же его дар делает из него великолепного стратега...

— Слушайте команду! Я привлеку здесь внимание, а вы все отправляйтесь обходить форт по правой стороне. Там дойдете до задних ворот. Бревна же взяли?

— Д-да, командир!

— Ими проложите путь через ров и выломаете ворота. Всё понятно?

— Е-есть, командир! Штурм з-значится...

— Какой на хер штурм?! В бой вступлю лишь я, а вы же займете форт, как всё закончится. Теперь понятно?

— К-как скажете, командир!

— Хорошо, через пару минут правая часть купола спадет, тогда и выдвигайтесь. —

сказал я, сев на коня.

— У-удачи вам, командир!!

— Удачи в бою!

— Удачи!!

— Ага, и вам не хворать...

Пришпоренный конь заржал, встав на дыбы, и понесся вперед, не видя преград. Купол пошел трещинами, пропустив нас, и тут же закрылся, оставив войско позади.

— Закрывайте обратно, тупоголовые!!! ЭТО ПРИКАЗ!!!! — орал во всё горло кто-то с стен. Ворота уже почти легли на землю, закрыв ров, и стали медленно подниматься вверх. Двое солдат впереди пыхтели, обливаясь потом, стараясь как можно быстрее выполнить приказ, крутили нехитрый механизм, цепи звенели, и ворота со скрипом трогались с места. Но было уже поздно.

Конь бесстрашно взмыл вверх, перепрыгнув незначительную преграду, и я оказался на другой стороне, заключенный в неприступной крепости полной врагов. Или же это они были заключены здесь со мной?

Испуганные, удивленные, а иногда и полные решимости лица встретили меня на открытой площади. Трясущиеся руки крепко сжимали древки копий и рукояти клинков, что всё норовили выпасть от волнения.

И даже такая толпа напуганных солдат создавала впечатление настоящей армии, латы и одежды все как на подбор, красные и белые тона, одинаковые узоры, отполированные клинки, что блестели под светом солнца. Конечно, я внес смуту в их ряды, но грамотный командир вскоре возьмет их под своё крыло, поэтому надо пользоваться шансом.

Я вытянул правую руку, и пространство стало искажаться, являя армии орудие их сегодняшнего палача — длинная рукоять почти под два метра и серповидное лезвие. Я часто встречал такие у границ со Страной Вод, их воины кажется называли оружие — «глефа». Из-за особенностей странного металла созданное мной оружие несколько отличалось — всё было покрыто угловатыми каналами, отдающими свечением еще более темным, чем сам материал, а лезвие было кривым, что, конечно не влияло на его прочность и остроту.

Я прокрутил рукоять на головой, сделав один лишь взмах, кровь полумесяцем обагрила землю, и две головы солдат, что наконец закрыли ворота, покатались к ногам их товарищей. Испуганность сменилась гневом, решимость — непоколебимостью, и тысячи ртов издали воинственный рёв в унисон: «ААААА!!! За смерть падших!!! ОТОМСТИМ!!!». Имперцы мельтешили, сбегались отовсюду — из барачков, со стен из пристроек. Тысячи теперь смотрели лишь на меня, но именно это мне было и нужно. Я отвел внимание от своего войска и теперь могу сразиться в полную силу, ни о чем не задумываясь. Махнул рукой, и где-то там за стенами развеялся по ветру металлический купол.

Глефа крутилась в моих руках, пела песнь, разрывая потоки воздуха, конь заржал, врываясь в самую гущу имперцев. Я сметал целые ряды, разрезая тела надвое, ни кольчуга, ни латы не были для меня препятствием. Мечи и копья не могли достать даже кончика хвоста моего коня, а двухметровая глефа делала своё дело. Крики боли сменялись воинственным рыком, и солдаты шли, ни о чем не задумываясь, как в последний бой.

Бесчисленные толпы мяса всё прибывали и прибывали, сколько бы я их не убивал, кровь и тела застилали мой взор... наверное, поэтому я и не заметил. Захваченный битвой разум потупился, азарт взял верх, и я упустил из виду шар из чистого пламени, что настиг моего коня быстро и безжалостно с высоты стен.

Скотина заржала и застонала от боли, скинув меня с седла. Еще в падении я заметил опаленный бог и вырванный оттуда же кусок плоти. Я ловко приземлился на ноги и посмотрел в направлении неожиданного удара. На стенах рядами уже стояли сотни лучников и магов, и там же я заметил отличающуюся ото всех остальных фигуру. Громоздкие доспехи и черный плащ, высокий с массивным телом и грозным взглядом. Так ты и есть командир? Уже успел подавить панику и отдать первые приказы, умелый, что тут скажешь. Но вот с конем ты зря так поступил...

Скотина мучалась, умирая очень медленно и болезненно, никому не пожелаешь такой смерти. Глефа в моих руках начала трескаться, обращаясь в черную дымку, меняя свою форму на привычный мне полуторный клинок. Он резко и точно вошел в голову коню, прерывая его страдания. А он мне понравился... И правда, зря вы так. Хотел разобраться сталью на сталь... Не дать ли теперь вам прочувствовать его страдания?!

Сапоги из прочной кожи неведомой твари мгновенно начали крючиться и плавиться, и наседавшие со всех сторон имперцы вдруг остановились в удивлении. Голые теперь стопы оставляли ярко красные следы на каменных плитах, пока я медленно приближался к рядам. Всё вокруг стало смываться и колыхаться как от жара костра, всем, кроме меня, стало тяжело дышать, каждый вздох опалял горло, и они медленно в испуге отступали. Я делал лишь шаг, имперцы — два назад.

— АААРРГХ!!! Ч-что это?!! Что за мать его о-осколка?!! Ааааарггххгх!!! — истошно заорал солдат, чья кольчуга стала плавиться прямо на его теле, стекая вниз густой жидкостью, выжигая кожу и мясо. Противный запах паленой плоти вместе с криками боли разнесся по всему форту. И правда зря вы тронули коня... Даже настроение испортилось.

Глава 3 Обманная стратегия

Кровь, кровь, кровь... Сколько всего уже было сказано об этой, несомненно, загадочной жидкости. Величайшие умы этого странного мира до сих не смогли разгадать всех её тайн и истинного предназначения, но вот люди того мира, откуда взялась моя «раненая душа» уже наверняка знают о ней всё.

И пока эти самые умы бьются в самых невероятных догадках, воин, который каждый день сталкивается с этим алым эликсиром жизни, расскажет о нём гораздо больше. Кровь — это сама жизнь, лишишь её врага — и тот падёт, а выпьешь сам всю без остатка — станешь сильнее. От такого «непотребства» уже давно отошли, и только чудачки или оторванное от мира племя, как то, что я встретил на заснеженных вершинах, всё еще продолжают верить в это. Так делали тысячи лет назад первые правители уже тогда существовавшего Королевства, так делали и первые императоры.

И все они знали о её странностях. Отрубишь руку, и кровь пойдет ручьём красным, как смородина в зиму, отрубишь голову — и та польётся бурной рекой алой, как бархат платьев уличных танцовщиц. До чего же необычна она, у птиц, что покоряют небеса, у птиц коней, что бороздят земные просторы, у тварей, порожденных маной, и даже у людей, что зрят себя на вершине всего мира. От жалких бедняков, аристократов «голубых кровей», до самых-самых, ПРАВИТЕЛЕЙ, что держат свою длань на шеях всех оставшихся. Кровь у всех одна густая и жидкая, бледно-красная и ярко-алая, все равны перед ней...

И ежели пролил ты чью-то кровь, то знай — что вы одной и той же плоти, едины статусом и рангом, и нет ступеней между вами, а значит победа не заставит долго ждать...

Её нужно пролить, это условие, неразрываемый контракт для равных. Но если ты не смог...? Тогда глотай же грязь! Ты не достоин, и участь твоя — лишь ползать у моих ног. Властно? Алчно? Жестоко? Да! Но тирания и упование этой властью будет продолжаться недолго, еще совсем чуть-чуть. И я уйду по своей воле... Только дайте лишь закончить начатое.

Со звоном, с каким кузнец кует железо, клинок беспомощно отскакивает от моей спины. Я вижу, как трясутся руки его от неожиданного сопротивления, как радость от первого попавшего по мне удара уходит без следа, и голова с глазами полными безнадежности падает к ногам моим.

В танце боя я забылся, ушёл в себя и стал предаваться бессмысленным думам. Что же движет ими? Бестолковая покорность Императору? Лживая справедливость? Или же ограниченность их умов, что породил безумный Бог этого мира? Действительно ли, он виноват во всём, в этом беспрекословном подчинении устоям, в закрывании их глаз на ложь и странности. Жалкие, загнанные в угол псы, что привыкли есть объедки и спать под дождем... Им нужен шанс, пример неподчинения. Я стану им, не беспокойтесь, дайте только закончить то, что начал.

Свистят стрелы, бушует пламя, ветер, молнии, трещит земля, а сталь звенит. Главнокомандующий умело управляет своей армией, как пальцами руки, отряды грамотно сменяют друг друга, их поддерживают маги, пытаются скрутить, замедлить, найти слабость, лучники стреляют так, что нет в их напоре даже маленького промежутка спокойствия. Всё это так бесполезно — пострадал лишь конь и плащ, ни одна капля моей крови еще не пала на землю.

Для имперцев же сражение стало бойней. Удары, взмахи и уколы — хрустят кости, чавкает плоть, скрипят латы и звенит кольчуга, для странного металла нет преград. Стало так скучно, что я даже перестал уклоняться в какой-то момент, даже не знаю, на что я надеялся...

Всплеском жара я попытался заставить их воспринимать меня со всей серьезностью, но армия Империи была решительна еще с самого начала, не стоит ждать от них еще чего-то. Видимо, лишь с личными мечами Императора получится устроить интересный бой. А значит, пора заканчивать...

За всё это время я успел убить в лучшем случае тысячу, а осталось еще четырнадцать и один главнокомандующий. Стрелы, магия, клинки — град ударов сыпался на меня, но этого было мало, чтобы заставить меня хотя бы дрогнуть. Магия уже пронизывала всё моё тело, и если раньше она маленьким комочком занимала своё место в сердце, то теперь же заполнила всё, не оставив ни единого не занятого уголка.

Я обратился к ней, и она с радостью ответила, приятно задрожала, издав какой-то удивительный неестественный, но такой прекрасный звон, который, кажется, достиг не только меня. Краски постепенно уходили из мира вокруг, остался лишь черный, белый и их дитя — серый. Пальцы стали дергаться от давления, руки сами поднимались вверх к солнцу, которое почему-то осталось ярко-красным. Кровь прольётся в мою и твою честь, мерзкий бог, я сожру их души и поднимусь к тебе, чтобы оборвать твои страдания!

В следующий миг форт раздался грохотом и тряской и теперь стал напоминать больше лес после пожара. Тонкие кривые металлические стволы цвета сожженной древесины расходились ветками во все стороны, они были повсюду — на плаце, лестницах, стенах, бараках и складах. Росли, где только заблагорассудится, принимали самые причудливые формы, которые однако хороши подходили для исполнения своей главной роли. На ветвях, словно сочные плоды с отливами алого, висели мёртвые, нанизанные головы, конечности и целые тела. Аромат сих «плодов» теперь, должны быть, вьелся в камень форта и разнесся на многие сотни метров вокруг. Еще тысяча пала...

Итого две, знать бы, где остальные... Надо проверить. На подходах к форту я почувствовал и услышал, как большая часть армии заняла позицию слева от стен и позже куда-то ушла. Но их было не так много, точно не тринадцать тысяч. Значит где-то есть еще... Да, например, под фортом. Отчетливо слышу возню под ногами, и когда они только успели отрыть там несколько этажей и столько тоннелей... Вот и нашлись солдатики, будем выкуривать.

...

Со странным стрекотанием, треском, бульканьем и свистом несколько десятков отрядов магов творили необычайно красивые, но такие же опасные залпы маны. Большинство отрядов состояло из самых настоящих ветеранов, которые мало того, что пару десятков лет тренировались друг другом на плацах, так еще и имеют опыт десятков сражений. Именно поэтому маги действовали чётко, слаженно и без надобности в постоянном контроле приказами, ну а тех, кто по причине неопытности плошал, приходилось подстегивать соответствующим тоном, а порой и крепким словцом.

Именно этим сейчас и занимался главнокомандующий имперской армией Кирстен Вольфен. Гортань его напрягалась, словно готовая разорваться, от слова «ВЫПОЛНЯТЬ!!!» руки, потерявшие в гибкости от обилия мышц, ходили ходуном, еле-еле успевая указывать то на один отряд, то на другой. И несмотря на всё, патовой ситуация для Кирстена не была,

приказы он отдавал на автомате, в это же время оценивая обстановку и своего врага, придумывая планы «А» и «Б», и даже «В» и «Г». Посему он уже успел даже спрогнозировать на манер самого Духа Маны, что же произойдет дальше, и варианты развития событий его, мягко говоря, не устраивали.

Больше чести, верности, чувства долга и прочих красивых словечек, которые рыцари произносят, давая клятву, он беспокоился за своих людей, причем под «своими» он понимал не только те пять тысяч обученных солдат, а вообще всех жителей Империи Каника. И как же иронична была для него эта война — люди одной крови, одной культуры, живущие под одним солнцем, резали друг друга, бранили, насмехались, очерняли имена... И всё это делалось по его приказу. Будь его воля, он бы вообще не начинал это злосчастный поход, не собирал бы столько войск, не занимал форт, будь он способен действовать по своему желанию, он бы пропустил мятежников ко всем тварям осколочным. Пусть корона императорская падет, пусть так... но зато сколько жизней были бы спасены. Но не мог, не в его воле то было, он просто не мог, и всё тут... О чем еще думать? Неподчинение приказу? Как же так, невысказано. Такого ведь раньше никогда... Не положено...

Мысли вдруг стали такими тягучими и всё норовили выплыть прочь из его головы, Кирстен не смог ухватиться за них и вновь вернулся к своей главной стратегии — «Выполнить приказ. Стоять до конца. Лечь костями, но продержаться как можно дольше до прихода личного отряда императора». Разве могло быть что-то проще, Кирстен знал десятки способов, которые помогли бы ему потянуть время, и все они, вероятно, были бы успешными. Однако, как это всегда и бывает, было одно очень большое «но» — жертвы. Все его «честные» стратегии оканчивались гибелью всех без исключения.

Конечно, он еще не знал полной силы своего странного врага, но уже мог предположить, что тот был много сильнее его самого. О! Сейчас развеются все сомнения.

Главнокомандующий Кирстен с десятиметровой высоты наблюдал за всем происходящим. Он был будто в трансе, который на него наслала чернобровая девушка, что обитает в шатре. Картина перед глазами была какой-то смазанной, всё смешалось — кровь, клинки, рыцари и он, его враг. А он стоял наверху в относительной безопасности и просто смотрел, но никто не смел его упрекать. Многие знали, что именно сейчас делает их единственный командир.

Его цепкий и суровый взор был обращен на всех сразу и на каждого по-отдельности, он подмечал каждую деталь, каждое движение, оценивал сильные и слабые стороны врага, изучал его поведение, характер, повадки. Одновременно с этим в голове его крутились десятки вариантов, он мог просчитать эту битву чуть ли не до самого конца. Казалось, ничто не могло его отвлечь...

Кирстен частенько раньше интересовался, каково это — чувствовать ману, какая она на вкус, цвет или запах? Никто не мог дать точного ответа, и он вскоре сдался. Но именно сейчас в этот самый день, который он называл уже «худшим днем в его жизни», его детская мечта исполнилась.

Чувство тяжести окатило его с головой, будто волна буйной горной реки, он ощущал одновременно страх и восхищение! Удивительно, все краски вмиг исчезли, оставив лишь солнце пылать алым в черных небесах. Этот вид так поразил Кирстена, что он на несколько секунд застыл, прекратив думать о чем бы то ни было, но приходило время возвращаться в реальность — порой такую жестокою, но по-прежнему удивительную. Теперь пред ним раскинулся сказочный яблочный сад, в нём словно остановилось время — стволы

иссушились, листья опали и только яркие и сочные плоды остались покачиваться на ветвях.

Главнокомандующему пришлось долго приходить в себя, прежде чем он понял, что вообще произошло. В одно жалкое мгновение целая тысяча его солдат лишилась жизни. Сколько матерей лишилось сыновей, сколько жён лишилось мужей, сколько девушек лишилось своих возлюбленных? Список можно было бы продолжать еще дальше, но Кирстен не хотел... у него не было права.

«Твою...! Вот ведь з...зараза!! И кто блять виноват?! Я?! Опять брать всё на себя?! Император, осколок его дери! Пусть эта старая тварь будет виновна, ничего не знаю...»

Странно, но мятежников Кирстен не винил. Он уже давно находил несколько странным то, что в империи было так спокойно, не было несогласных. Он сам недолюбливал Императора, вот только продолжал безоговорочно подчиняться, просто не мог по-другому... Интересно, почему?

Но вернемся к битве. Тысяча солдат легла у его ног в одно мгновение, он убедился — враг силен, и до этого он просто развлекался. Кирстен с самого начала понимал, что тот сдерживался, но чтобы настолько!

«Хах! И я собирался сдерживать вот ЭТО?! Немыслимо... И всё же, если отдать приказ той роте, отвести отряды с десятого по пятнадцатый в леса, обманный маневр конницей, привлечь внимание, и... И конец настанет на пол часа позже, хах... Бессмысленно, и ведь даже слабостей почти нет у ублюдка. Конечно, можно за одну зацепиться, но приказ...»

Приказ, приказ, приказ... Император — глава, ему подчиняются все. Это просто, обыденно, естественно... это — нерушимая истина и аксиома, она была вырезана на сердце Кирстена. Отказаться от Императора — значит отказаться от себя самого, разве мог он так поступить... И как же тогда ему было быть с «его людьми»?

Главнокомандующего всё еще что-то держало, что-то неведомое и наверняка могущественное, оно сковывало его разум... но Кирстен был умен в обращении с ним. Разум для главнокомандующего — такое же оружие, как его алебарда, как верный конь и пятитысячная армия. Осталось лишь сделать финт, «обманку», и наваждение спадет.

Империя — это прежде всего её народ, с тысячелетней историей и богатой культурой. Не будет Империи — не будет имперцев, и наоборот. Так разве не долг то его? Сохранить страну, а значит сохранить и жизни...

Убеждать и запутывать самого себя пришлось недолго, как развязать узел дилетанта. Знал бы Кирстен про «оковы», что сдерживали его, несомненно, усмехнулся бы, какой их создатель оказывается дурак! И теперь, когда преграды нет, можно наконец-то сделать то, что должно, как настоящий командир.

Кирстен поднял руку в тяжелых латах вверх и сжал кулак. Ошарашенные солдаты, которые остались в живых, лишь потому что были на стенах, так и не начали атаковать вновь, что ему было и нужно. Прямо с огромной высоты он спрыгнул вниз, приземлился с грохотом, оставив даже пару трещин на каменных плитах, что покрывали плац. «Он» терпеливо ждал его на том конце яблочного сада, осталось лишь пройти...

Глава 4 Сделка

Война затронула жизни многих, переплела судьбы более чем многих, и не только людей — от простых фермерских семей, купцов, что наживались на распрях, бардов, что уже готовы были распевать новые сюжеты, измазанные кровью, до настоящих рыцарей, что несли только лишь справедливость... но не всегда, до самого Короля, древнейшего правителя и Императора. Такая маленькая, отнюдь весьма значимая война разгорается быстрее лесного пожара под бушующим ветром, однако её всё же придется немного отложить...

Ведь остались еще те, чей путь тоже ведет к ней, но о них, кажется, все позабыли... Несколько месяцев назад там, в землях, порожденных злым роком, землям, куда не следует ступать простым смертным, там, где даже вездесущие пески выглядят мертвыми, а блуждающие твари лучше бы вообще не появлялись на свет, в небольшом замке с прекраснейшим садом, скрытом от всего мира вот уже больше десяти лет происходило нечто.

«Прекраснейший сад», правда, уже давно потерял свою красоту — от пышущих когда-то самой жизнью экзотических цветов осталась лишь пустая оболочка, иссохшая и потерявшая весь свой цвет. Растения сада просили ни воды, ни воздуха... лишь любви и заботы, однако и то, и другое их владелица все эти годы отдавала вовсе не им.

— Д-давай же, старый ты подлец! Давай! Сколько еще несчастий на мою голову ты желаешь свалить?! — пламенные волосы Алисы изрядно потускнели, платье износилось, а на лицо и взглянуть без грусти нельзя было... если бы на него можно было взглянуть, конечно.

Королева уже должно быть выросла в сырой пол замкового подвала, колени её были истерты в кровь, а исхудалые руки тряслись, похрустывая суставами. Всё это маленькое темное помещение было насквозь пропитано её маной, десятки заклинаний мерцали самыми разнообразными фигурами, высеченными на стенах, претворяя в жизнь самый грандиозный ритуал в её жизни, ритуал, провести который никогда не смог бы смертный. Именно поэтому то был единственный раз, когда Алиса благодарила судьбу за всё, что с ней случилось когда-то очень давно.

Старое тело перед ней тряслось, позванивая магическими цепями, костлявое, блеклое, сливавшееся с такими же тусклыми и невзрачными стенами, но всё еще хранившее жизнь и силу героя. Был бы владелец этого тела сейчас в сознании, он бы наверняка тоже благодарил судьбу за всё, что с ним случилось когда-то очень давно, и вспоминал бы глупое существо, что само сотворило своих врагов, которые вот так отчаянно цепляются за свою существование.

Странные символы горели каким-то неестественным зеленым светом, мерцая в такт биению ослабевшего сердца старого героя — «тум... тум... тум... .. ТУДУМ!!!». Слова древнего языка мигали всё чаще и чаще, а тот самый звук жизни стал эхом разноситься по всему подземелью. Последний раз Королева взмахнула тощей рукой, последний раз светились заклинания, и всё закончилось наконец-то спустя многие-многие годы. Её уставшее тело, легкое как перышко опустилось на холодную землю в надежде, что у неё удалось...

Цепи, наложенные ею, со звоном раскрошились на мелкие осколки, и старое тело

грохнулось с гулом рядом с ней. Но сердце героя всё продолжало стучать, так же бойко, как и в молодости. Седые волосы зашевелились словно змеи и от самых своих кончиков стали наполняться присущим им когда-то таким богоподобным цветом золота. Морщины слегка расправились, выпирающие кости скрылись под массивом тренированных мышц, что сразу же принялись за работу. Чуток пошатываясь, немного неловко, как дитя, делающее свой первый шаг, он приподнялся, оперся на свою колена и, сощурившись, приоткрыл глаза.

Взор, полный цвета морской волны на восходе, сразу же пал на неё.

— А ты... кха-кха! ...помолодел... — тяжело дыша, еле слышно произнесла Алиса.

— Чего не скажешь о тебе, хех, Королева! — голосом, не утратившим однако старческой хрипоты, произнес Бермунд.

— И скверный нрав... хаа, всё при тебе.

— Таков уж я есть! А теперь, может, объяснишь, что...

— Нет времени! Кха-кха... Тебе следует идти... скорее... хаахх... — потратив последние силы, Королева указала рукой в сторону. — Закончи то, что уже начато...

— ...как скажете, моя Королева... Значит осталось еще то, что может сделать такой грешный старик, как я!

...

Широкоплечий мужчина, высокий, как пики имперских гор, неспешно и уверенно шёл вперед, каждый его шаг был выверен до сантиметра. Он шёл мимо такого прекрасного и одновременно ужасающего «яблочного сада», где словно плоды на ветви были аккуратно нанизаны его уже хладеющие подчиненные... бывшие соратники. Кого-то он видел впервые, кого-то знал уже годы, кто-то спасал его не раз, а кого-то спасал он сам, но в этот раз... не удалось.

Он скинул грузный шлем на землю, и на его лице не отражалось ни сожаления, ни грусти, ни уж тем более страха. Все эти без сомнения мерзкие эмоции он ощущал, но у него не было права их показывать. Во-первых, он сам загнал их в могилу, а во-вторых... он всё еще должен был сделать кое-что напоследок.

Его враг терпеливо дожидался Кирстена на том конце, главнокомандующий мог лишь догадываться, почему тот просто ждал. Возможно, то было из-за одной черты, которую Кирстен успел заметить во время непродолжительного боя — интерес. Да, вероятно, тому человеку, облаченному в черную чешуйчатую броню, было интересно, что же будет дальше. Именно поэтому Кирстен мог, не опасаясь, приблизиться к нему.

Алая кисточка именитого копья Кирстена безвольно развевалась при каждом его шаге, и все уцелевшие солдаты имперской армии, что собрались на стенах, замороженно наблюдали за ней. Кто-то просто ждал, кто-то рвался вперед, но всё останавливался, боясь послушаться приказа, кто-то с дрожью представлял дальнейшую незавидную судьбу главнокомандующего, а кто-то искренне верил в своего командира. Тишина окутала весь форт, и лишь звук тяжёлых шагов смел прерывать её.

Напряжение всё росло с тем, как расстояние между двумя неумолимо сокращалось, пока не осталось всего ничего. Кирстен резко выхватил своё копье, сжал древко до хруста и, сведя грозно брови, вонзил его глубоко и с хрустом в каменный пол израненного битвой плаца. А враг его лишь наблюдал, ни разу не вздрогнув, не изменив своей беспечной и открытой позы, он просто ждал, опершись на рукоять своего кривого клинка. Немного сгорбленный воин перед ним был на голову ниже Кирстена, но всё же, как бы тот ни пытался смотреть на него сверху вниз с уверенностью, та так и норовила убежать подальше.

— Я пришёл заключить сделку! — как гром среди ясного неба, нарушил первый тишину Кирстен.

— Сделку? Хмм, я похож на купца? — тихий и немного скрипучий голос был полной противоположностью поставленному голосу главнокомандующего.

— Нет. Но ты похож на того, кто не стал бы лишним раз рисковать своими людьми. Разве не для этого ты сам вышел против моей армии?

— Значит ты командуешь ей? И что мне мешает убить тебя прямо здесь без всяких сделок?

— Девять тысяч моих солдат, в их числе и славная имперская конница, уже посланы в тылы твоей армии! Согласись, расклад совсем не равный. Уж прости, но твоя кучка ничего не знающих салаг ничего не сможет противопоставить моему войску.

— Хм, и то верно... — Кирстен мог видеть лишь его губы, которые не скрывал капюшон его накидки. Но даже по ним опытный главнокомандующий смог разобрать некую задумчивость. Мужчина медленно прислонил два пальца к своему мечу и провел такими же черными, как и сам металл, ногтями от гарды до острия, неспешно, так что противный скрежет заставил сморщиться всех наблюдателей, и лишь Кирстен не позволил себе скривиться. На что мужчина ухмыльнулся и сказал:

— Что ты предлагаешь? — несмотря на усмешку тон его был совсем сухой, и было сложно разобрать, что у него на уме.

— Ты человек прямолинейный, поэтому позволь и мне говорить прямо. Вариантов у меня не так уж и много. Я хотел тянуть время до прибытия личного отряда Императора, о нём ты должно быть слышал.

— И что же случилось, что ты изменил решение?

— Вот ЭТО случилось! — вскинул Кирстен руками, указав на бесчисленное множество металлических коряг, что покрывали весь плац. — Хоть у меня тоже есть гордость, но я готов отбросить её к осколочным тварям, если на кону стоит жизнь моих людей! Поэтому и предлагаю эту сделку... Что будет с империей, если вы победите?

— Я в эти планы не посвящён. — сказал мужчина, но, уловив неудовлетворенный ответом взгляд Кирстена, продолжил. — Герцогиня Рассел станет императрицей... именно по её воле я вынужден так беречь ту «кучку салаг».

— Вот... как. — на грозном лице Кирстена на миг промелькнула слабая улыбка. — Все войска под моим командованием не причинят вреда твоим людям и не будут вмешиваться в то, что будет дальше. И мы все... в случае вашей победы примкнем к рядам новой Императрицы. Сомневаюсь, что она сможет править Империей Каника без хорошей армии! — ухмыльнулся Кирстен.

— А я же не трогаю твоих людей, да...? — тон его стал еще более серьёзным, чем ранее. Мужчина в миг приблизился вплотную к главнокомандующему тихо произнес ему прямо на ухо. — По рукам. — В следующий же миг он уже развалился на груде обломков в десятке метров от Кирстена, а «яблочный сад» словно пепел развеивался черными хлопьями по ветру.

Главнокомандующему же оставалось только медленно выдохнуть, так чтобы его никто не услышал. Мысль о предательстве и нарушенной клятве, которую он давал короне, всё еще вертелась у него в голове, но тем не менее чувство выполненного долга перекрывало всё. Он смог сберечь своих людей и теперь ему оставалось лишь надеяться... Надеяться, что этот странный «враг» действительно сможет победить. Ведь только в таком случае и он, и

каждый из его солдат не окажутся на виселице...

...

Вот ведь... сгруппировал. И где мне теперь найти еще десяток другой тысяч душ, который согласится стать жертвой во имя смерти этого мерзкого божка? Хотелось бы верить, что поступил я «правильно», и Дух Маны уже учитывал это, посвящая меня в детали своего плана. А значит дар можно будет получить и так... Да уж.

Теперь за Бьянкой еще один должок, хотя и смысла от него и не так много, всё равно не успею им воспользоваться.

В северной части форта послышался топот, и вот его источник уже несся ко мне со всех ног.

— К-командир! М-мы это чего... П-победили, ч-что ли?

— Почти. — ответил я запыхавшемуся Худому. Видимо моё войско без всяких проблем впустили прямо в форт. А этот главнокомандующий похоже и правда человек дела.

— К-как это... почти?

— Слышал про «личный отряд самого Императора»?

— С-слыхал! К-как не з-знать-то...

— Вот как с ним разберусь, так и победили.

— Н-ну ладно, к-как скажете... А н-нам чего д-делать-то?

— Пройдитесь, прогуляйтесь, осмотритесь. С нашими новыми «друзьями» познакомьтесь хотя бы...

— Е-есть, командир.

Какой однако хороший малый этот Худой. Может его заместителем назначить...

— Погоди. У нас птицы посыльные остались?

— Д-да. П-принести бумагу и ч-чернила?

— Да, давай. — Еще и догадливый. — Худой! Будешь моим заместителем, возражения не принимаются.

— Е-есть, к-командир. — сказал только Худой и убежал восвояси.

Глава 5 Клинки

Личный императорский отряд, гвардия, защитники, тайный отдел по делам империи, оружие Императора — список их названий можно перечислять еще очень долго, ведь каждый новый Император всегда предпочитал вносить что-то своё. Однако суть их от этого не менялась даже спустя десятки веков, они — *кинжики Императора*, дарованные ему божествами мира сего, и зная «их» весьма странный нрав и безумные фантазии, следует полагать, что с *кинжиками* этими не всё так просто.

О них не слагали легенд, не писали мифов, и, хотя деяния их во все времена были достойны сих почестей, лишь слухи и народная молва могут пролить свет на их сущность.

Вхождение Императора на престол всегда было днём их рождения, и мало кто мог точно сказать, появлялись ли они из ниоткуда, или же всё было несколько иначе. За сотни лет существования нового порядка в мире Хеннария путешественники, искатели, любители древних тайн, сказители и просто энтузиасты успели повидать и поспрашивать многое. Ими же были замечены случаи, когда в совершенно не связанных друг с другом местах по всей Империи совершенно не связанные друг с другом люди вдруг меняли свою личину — одним днём характер их изменялся, а ночью они бесследно исчезали... ночью того самого события, праздника всей Каники.

Трудно утверждать, что те пропавшие действительно становились *кинжиками*, а ответ на эту извечную загадку может знать лишь Император, но тем не менее иногда и он приоткрывал её завесу. Так каждый житель Каники теперь знал — «В миг, когда золотой обруч коснётся главы всея Империи, десять избранных прошлых уйдут бесследно, и десять новых будут ожидать, склонившись, в тронных залах руку господина, что направит их слепую силу во благо своему народу».

Так и случилось три десятка лет назад, когда Август Каника, уже тогда известный своим скверным нравом и не самой приятной внешностью, которая мало изменилась к сему моменту, перенял престол от своего почившего отца. В перламутровых одеждах с мехами, что были содраны с самых редких и наипрелестнейших созданий лесов и гор, цокая лакированными каблучками и постоянно поправляя свой «золотой обруч», драгоценные камни которого могли затмить своим сиянием даже солнце, новоиспеченный Император важно следовал в свою обитель. И нет, то были вовсе не покои, а тронные залы, куда к сему моменту он уже успел пустить свои корни.

Жидкие пальчики, с которых свисали перстни, печатки и кольца, радостно ощупали дубовое изголовье трона, погладили бархатную подкладку и с наслаждением задрожали, когда их владелец словно крышка от посуды, как влитой, вставил себя в паз своего законного места. Но момент ликования продлился недолго.

— Хи-хи-ихи-их-хи!!! Наааш трон, воистину наш! Хи-хих-хи... Ик! Ой! К-к-к-кто здесь?! В-выходи... самозванец! — встрепенулся вдруг Август, заметив несколько теней, что колыхались у колонн под светом факелов.

Огонь, чьё хаотичное движение было подвластно лишь природе, вдруг замер, прохладный ветерок, что иногда подглядывал сквозь небольшие щели, и вовсе поспешил сбежать. Император успел лишь испуганно моргнуть, как перед его взором предстали они. Десять, опустившиеся на одно колено, их одеяния походили на лица Магир-аль-годов — такие же расплывчатые и туманные, сколько не пытайся, а разглядеть не сможешь. Десять

белесых сгустков, лишь напоминающих людей, сильно выделялись на фоне мрачной залы, а глаза их сияли алым, отгоняя тень подобно факелам.

Хором сплелись их голоса и произнесли слова клятвы. Звучание их не дано было вспомнить никому, а клятва должна была быть забыта. И даже вид их более не знал сам Император. Но тем не менее он ощущал, что они где-то есть, выполняют любой приказ, покуда трон в его руках, а корона на голове. И потому о сути их во всём мире знали лишь двое — их создатель и тот, кто знает всё...

...

— Вай! Батюшки...! Усё, пропала страна пропащая, а... Уж среди бело дня старухе козни строят! — запричитала сгорбленная старушка, развалившись прямо в луже посреди грязной-грязной дороги.

— Шо, опять духов каких обидела, старая? Хе-хе-хе! — засмеялся старик, выглянув в окошко из соседней хаты.

— А тебе бы только над чужим несчастьем насмеяться, тьфу! Еще скажи, мол, в духов не веруешь?!

— Как это «не верую»? Усем сердцем, клянусь! Вот давече дело было. Бурёнку свою работающую Митяю в кости проспори́л! И чаво думаешь? Пошёл слова умного просить у колдуна нашенского, ну тот, что... эт самое, хех! Так вот он говорит: «Обойди берёзу одинокую на восходе три раза, хлопни в ладоши и сплюнь! Тогда и духи придут, почувствуешь, загадывай желание».

— И чаво?

— Сделал, как велено. Коленка застучала, и за ухом зачесалось! Ну усё, думаю, точно духи! Желаньце загадал, хе-хе-хе.

— Корову вернули? — охнула старушка.

— До осколков не сдалась мне эта плешивая! У Митяя жена загуляла, во как, хех. Нашла себе хахалю и унеслась с ним на белом коне, эхе-хе-ехе-ех-ехе!!! — расхохотался старик, да так что только три его кривых зуба видно было.

— Тьфу ты, козёл старый! Усё шуточки твои, эх... А я, простите боги милостивые, духов-то видала! — сказала старушка и стала отряхиваться.

— Ну расскажи!

— И расскажу! Погода давеча такая... злыми силами пахнет! — прошептала она. — Точно чую! Ты ж сам, старый, говорил, неладное шо-то в Империи... То-то они и отвечают!

— Брось ты, Клава...

— А ты слухай. Встала я по рассвету, дрова колоть, пошла на опушку травки для козочки собрать, а там... ооооой! — Клава закрыла глаза и подняла руки в молитвенном жесте к небу. — Как неприкаянные вышли из лесу, точно сосед наш аки после пьянки! Идут, колышутся, я ж деру дала до хатки, а они-то следом бегут, оххх, бедная моя душонка! Повалили, думала, усё — и за мной горбатая пришла...

— Сама ты горбатая, Клава! Таки шо, духи твои, как выглядели-то, куда девались?

— Так эт самое... такие... Тьфу! Вылетело, вот же ж...

— Так и слушай вас баб, хех. Тебе налить-то, может... настойки-то?

— Яблошная?

— Ну уж не грушевая!

— ...давай.

...

В дверь просторных покоев, полных всякой всячины, которые как нельзя лучше описывали характер и предпочтения их владелицы, коротко постучали. Но полках, в шкафах, тумбочках и даже в небольшой гардеробной комнатке можно было найти всё — от старинных карт до невообразимых творений порой безумных изобретателей, вроде пера для письма с прикрепленным к нему увеличительным стеклом.

— Войдите. — зевнув, ответила Лакус Аква, Правительница Страны Вод.

— А вы, я вижу, как и всегда в думах! Надеюсь, мы не потревожили? — улыбнувшись, сказал Король и вошел в покои вместе с невысоким мужчиной, который был одет строго по имперскому этикету в отличие от остальных в этой комнате.

— Мои «думы» уж поболее твоих будут, дитя. — мягко сказала она, поправив свои короткие локоны. — Представишь?

— Вы, должно быть, уже знаете. Это маркиз Поль из Империи. — указал Король на маркиза, а тот поклонился. Вид его выражал неловкость, но тем не менее тот старался держаться в присутствии Правителя другой страны.

— Хмм, интересный человек, под стать тебе, дитя... Такой же двуличный. — опять улыбнулась Лакус, однако от такой улыбки у Короля пробежал холодок по спине. А маркиз же наоборот, распрявился, неуверенность в его позе исчезла вовсе, немного бледное лицо вернуло свой цвет, а уголки губ поднялись в слегка ехидной улыбке.

— Вы первая, кто смог так быстро раскусить меня, госпожа Аква! — довольно произнес маркиз.

— Вот как... Значит это тебя послал этот мальчик к Императору?

— Всё так, госпожа. Желаете услышать новости?

— Раз ты здесь, всё идет удачно. Но всё же расскажи.

— Как и предполагалось, Император отправил ВСЕ силы на борьбу с мятежниками! *Клинки*, должно быть, уже прибыли в форт... Могу я спросить?

— Нет. — беспечно ответила Лакус, а маркиз даже не изменился в лице. — Хм, с тобой не интересно, будто и не человек вовсе! Хоть бы притворился... Спрашивай уже, дитя.

— Его Величество прежде уже поведал мне о Духе Маны... Что тот, как говорят, знает всё! И тем не менее, мы действительно можем быть уверены в победе мятежников? — на безмятежном лице маркиза появилась первая его настоящая эмоция — некое недовольство в купе с неуверенностью.

— Хах, этот древнейший дурак и правда знает всё! Но поверь мне дитя, я наблюдаю за вами уже очень много лет и хорошо понимаю — человеческое сердце таит в себе такие тайны, о которых даже он может не знать... — загадочно улыбнулась Правительница. — Много судеб сейчас сплелись воедино, и только от них будет зависеть исход. Я лишь надеюсь, чтобы их несчастья не множились боле...

— Прошу простить, но... Вы... не желаете вмешиваться? — осторожно спросил маркиз.

— Если начну, то уже не смогу остановиться, дитя. А так быть не должно... — вздохнула Лакус и отвернулась. А двое, поклонившись, покинули её покои.

...

Сверкнув пламенными очами, что порой кажутся даже умнее человеческих, посыльный ястреб взмыл в небо и вскоре растворился в грозовых тучах, которые неспешно затягивали всю голубизну, намереваясь затмить даже солнце.

Письмо отправлено, жалеть больше не о чем. Хотелось бы признаться себе, что сделал всё, что мог, но это вовсе не так. Любой смотрящий со стороны наверняка нашел бы одно,

два или три того, чего я мог бы, но не стал. Я лишь не буду оправдываться...

Я поднялся с груды обломков, на которой сидел, отряхнулся и направился к воротам под десятками и сотнями любопытных, трепещущих, злобных, а иногда и яростных взглядов. Удивительно, как легко имперцы согласились с приказом своего главнокомандующего, ведь я совсем недавно на их глазах убил тысячи их же соратников. И либо тут дело в его авторитете, либо же слово «подчинение» вырезано у них на оболочках душ. Что ж... со вторым я постараюсь вскоре разобраться.

Местами цветущий луг, полоса хвойного леса и виднеющиеся в дали засеянные поля теперь под тенью облаков и порывами разбушевавшегося ветра выглядят иначе, чем ранее. Почему-то такая погода и подобные виды всегда случаются перед началом ожесточенного сражения и придают ему больше красочности, как бы странно это ни звучало. Создают правильный настрой и отгоняют ненужные мысли.

Клинки должны быть тут через... какое-то время. Мне неизвестно, знают ли они о аномалиях, что способны перемещать людей на далекие расстояния, неизвестно и как они будут добираться. Знаю лишь, что обязательно придут, ведь так сказал Дух Маны. Чего он не поведал, так это об их дарах, точнее даре — *Клинок Императора*. Как и все, я слышал рассказы, слухи, читал истории и откровения ближайших к императорам всех времен людей, но во всём это не было ни намёка на их силу.

Пока думал, отошел уже на пару сотен метров, оставив кажущийся теперь довольно небольшим форт позади. Вдалеке теперь виднелся холм с одиноким деревом и протоптанной дорожкой, уходящей куда-то дальше за горизонт, там же мелькали и несколько фигур. Надеюсь, они успеют убраться подальше, когда *Клинки* нагрянут, хоть у меня и нет уверенности, что те придут именно сегодня, а хотелось бы... Ожидание утомляет. Как утомляют и прикованные к тебе взгляды, как утомляют те, кто тебя порой недооценивают.

— Хотите убить, так нападайте побыстрее. А если честно поединка желали, так следует хотя бы представиться. — сказал я тихо в пустоту. Услышь кто, и посчитают полоумным, подумают на духов или проклятие какое, мол голову потрепало, вот и несёт всякое в никуда.

Тучи всё сгущались, и вот наконец первая капелька дождя коснулась сухой земли. И будто желая сделать своё появление более эффектным, а может даже неожиданным, передо мной без единого звука, шуршания пыльной почвы и проглядывающей из-под неё изредка травы возникли трое. Странная белая дымка скрывала очертания их лиц, одежд, волос, оставляя лишь силуэты, напоминающие человеческие, на месте глаз которых горели двое красных огоньков, что оставляли в воздухе след каждый раз, как те вертели головами.

Их руки дернулись одновременно, направив что-то, смутно напоминающее оружие, в шею, голову и сердце. Движения их были неестественными и даже нечеловеческими, будто тряпичные куклы из детских представлений на базарных площадях, но из-за этого же они были быстры и точны. Мне стоило лишь чуть пошатнуться в сторону, и два острия со свистом прошли мимо, а третье с диким визгом и скрежетом уперлось в металлическую кость.

Тот, что стоял ближе всех, всеми силами пытался протолкнуть острие глубже, но попытки не приносили плодов. Я сделал шаг и резко схватил его за запястье, а оружие в миг исчезло, испарилось, будто и не было его. В месте, за которое я держался, дымка отступила отрыв обычную человеческую руку, если не считать того, что ту покрывало полотно странных символов, знаков, линий и фигур, так что естественный цвет кожи почти

полностью скрывался за ними.

— Значит и рот должен быть. А что ж не отвечаем? Даже трущобного пройдохи манер побольше будет.

Моя достаточно тяжелая рука с пронзительным свистом разрежала воздух и впечаталась тыльной стороной ладони в челюсть *клинку*. Тот с хрустом и щелканьем, прокрутившись пару раз, отлетел на пару метров, разбрызгав несколько кровавых капель по траве, которые быстро смылись дождем. А вот это уже радует — всегда приятнее сражаться с теми, кто не обделен сей удивительной жидкостью.

— Теперь можно и знакомиться. Я Зет. А вас как кличут, *клинки*?

Глава 6 Несчастливые куклы

— Давай на счёт «три»! Раз... два... ТРИ!!! — с хрустом и грохотом трое имперцев вытащили тело своего собрата по оружию из-под обломков... точнее то, что от него осталось. Во всём форте кипела работа — хотя этокое «перемирие» и было заключено соглашениями командиров двух армий, война как таковая еще не закончилась, а её последствия уже были на лицо. Ремонт самой крепости, конечно, займутся другие, а вот подсчетом погибшим и сбором их трупов должны были всё-таки заняться сами солдаты.

— М-м-мужики, может мы это... подсобим? — спрашивал худой у своей братии, в которой он и без указа Зета стал уже заместителем командира и пользовался неким уважением.

— И что же мы теперь, ВРАГАМ помогать будем, а, Худой?! То есть, заместитель командира... — отвечали ему, выделяя его новое звание с ехидством, но всё же и с толикой радости.

— Т-так ведь, п-перемирие... как-никак. Д-да и мы все тут, эт самое... имперцы-то...

— Хмм, как-то это всё неправильно, что ли...

— А я думаю, прав Худой! Давеча с ними в одних городах жили, за одним столом может даже ели! А теперь чего? Верхушка колыхается, а нас и вместе с ними трясет, не по своей воле, между прочим...

— Дело говоришь!

— Вот-вот...

— Ну, веди тогда, заместитель командира! Тебе слово давать, хах.

Солдатня стала подбадривать Худого, хлопать по плечам и всячески подначивать. Тот бы и рад, да вот только чувствовалось, что на него просто скидывали ответственность. Но теперь уже ничего не поделать, сам предложил!

И вот под сотнями таких же взглядов, какими недавно провожали его командира, Худой шёл «давать слово», как и было сказано. А на плацу тем временем продолжала кипеть работа, которой с криками и резкими движениями рук командовал светловолосый мужчина.

— Вон там приподними! Да не так, горе ты луковое... Рычаг! Рычаг сделай, эх. И чему вас только в академии учили? — кричал он.

— Д-доброе д-дня вам... — обратился к имперцу Худой.

— А? И тебе здравия, только что ж в нём доброго? У нас тут потери, как видишь, под две тыщи наберется! «Добрый», хах...!

— И-и правда... В-вам, может, п-помощь нужна?

— Ты что ли помогать собираешься, солдат? Кем будешь?

— З-заместитель командира я... Х-худой звать.

— Ага, а я главнокомандующий! Ха-ха-ха-ха... — долго смеялся светловолосый. — Ээхх... Погодь, правда что ли? — ответом ему был дерганый кивок, на что тот задумался и сказал. — Командир третьего отряда я, Бориславом звать... Значит все ваши нашим помочь желают?

— К-какие уж тут... «ваши» да «наши»? М-мы же как-никак все тут... имперские, д-да и п-перемирие же...

— И то верно! Хрен с тобой, зови, чего уж делать. Но если вдруг что, отвечать ты будешь... головой! Понял, заместитель командира?

— Т-т-так точно!

...

— Ле... Марика, могу я полагать, что это тот форт, который ты ищешь? — Зен указал на серые стены, что виднелись вдаль. С того места, где их троица находилась, а именно на небольшом холме с одиноко стоящим деревом, до форта было рукой подать — напрямик через поле, по лугам, чуть больше километра.

— Да. — ответила она как всегда коротко и собиралась уже пришпорить бедную скотину, которая от усталости уже вывалила розовый язык.

— Сестра, стой! — схватила её за руку Ларика.

За время их недолгого пребывания вместе, Марика уже успела привыкнуть к такому обращению, хотя скорее ей было всё равно. В любом случае сложно было понять, что она думала по этому поводу, но называть её «сестрой» всё же позволяла.

Ларика казалась несколько встревоженной, хоть и хорошо скрывала это. Юноша подумал, что то было, вероятно, от скорой разлуки, и девушке не хотелось отпускать сестру... Он был прав наполовину.

— Почему? — спросила седовласая.

— Там что-то не так... погоди. — Ларика начала рыться в своей сумке и вскоре выудила оттуда весьма странный предмет — металлическую трубку, которую она разложила, и та увеличилась в длину.

— Это... — удивился Зен.

— Подзорная труба. Такие делают только в Стране Вод. — просветила она его и стала всматриваться в даль на то самое поле перед фортом.

— ...вот же ебаная...!!! — дальше Зен не услышал, но там определенно был такой поток брани, который ему еще не доводилось слышать. Даже его мать редко когда позволяла себе пользоваться подобными выражениями.

— Послушай, сестра, туда сейчас нельзя, там...! — воскликнула Ларика и обернулась к своей сестре, но тут же остановилась. Её глаза ошарашенно бегали из стороны в сторону. — Там... там...

— Что? — не понимала Марика.

Ларика вновь отвернулась и взглянула в подзорную трубу.

— ... вот же ебаная...!!! — и сказала то же самое, что и пару мгновений назад. Но теперь она смотрела, не отворачиваясь, и продолжила говорить так, прислонившись к трубе. — Это *клинки!*

Марику данное заявление ничуть не удивило, а Зен же наоборот — глаза его, казалось, готовы были вылезти из своих орбит или и того хуже — лопнуть, он даже отшатнулся на шаг назад от потрясения.

— *К-клинки?!!* Ч-чего? Что они тут забыли?! Значит война... нет, Император...! Стой, откуда ты знаешь, как они выглядят? Ты точно уверена, что это именно они?!

— Да, без сомнений. Когда-то госпожа Лакус рассказывала мне о них... У *Клинков* есть противная особенность — если упустить их из виду, то тут же забудешь о том, как они выглядели, и том, что они вообще здесь были!

— Почему нельзя идти? — по обыденному скучающим тоном спрашивала Марика.

— Ты...! Хааа, нельзя же быть настолько... отреченной от мира. *Клинки* — это личный отряд самого Императора, никто никогда не видел их вживую, а отправляют их только на поручения «особой важности»! Впервые подробности о них поведал в своих записях сам

Карл... — заумным тоном стал объяснять юноша, но слушать его у сестёр не было никакого желания.

— Опасные ублюдки, даже слишком! И я даже не знаю, как они себя поведут... Сестра, послушай, соваться туда — безрассудно, им ничего не стоит просто убить тебя! Мне не хватит сил, защитить тебя, пойми... — умоляла Ларика.

— Но мне нужно в форт. Меня сложно убить. Не мешайся.

— С-стой! Там еще кто-то... Вот ведь...! Срань осколочная, да это же безумие...

— Да скажите уже!

— С ними кто-то... сражается... — не веря собственным глазам и словам, медленно произнесла Ларика.

— Чегооо?!?! — весть о самих *Клинках* и так поразила юношу до какого-то невероятного состояния, но ЭТО было уже за гранью его представления о нормальном. Зен зажмурился и отсчитал про себя до трёх — именно столько времени по его соображениям потребовалось бы им, чтобы уничтожить противника.

— Этот «кто-то» уже всё...?

— Н-нет, он... Еще держится. Я не понимаю... Да он же их как детей раскидывает!! Двигается так быстро, как даже я не смогу, а еще эта... странная магия. Никогда такой не видела! Черные копыя, стены... *маг земли* или...

Ларика продолжала описывать просто невероятное по меркам обычного человека сражение, а Зен всё больше и больше восторгался, удивлялся и восклицал. Парня толкало из крайности в крайности, и он никак не мог успокоиться...

В последнем Марика была с ним похожа. Ей хватило всего пары слов, чтобы всё понять. Девушку не следует считать глупой, да ей не хватает иногда даже базовых знаний, да и мыслит она слишком... прямолинейно, но это вовсе не повод принижать её умственные способности, как и не повод делать из неё совсем уж бесчувственного монстра.

Сердце девушки, которое давно уже окрасилось в черные тона, которое, казалось, даже остановило своё движение в какой-то момент... забилось снова, да с такой силой, что готово было вырваться наружу и сообщить о себе всему миру! Драгоценные моменты её жизни, о которых она ни на миг не забывала до сих, стали крутиться в её голове с новым рвением. А серые очи её распахнулись и заблестели жизнью. Больше она не могла держать себя в руках...

От радости и, как ни странно, гнева, от всех бурлящих внутри неё эмоций сдерживаемая до этого сила вышла из-под её контроля. Трава, которая изредка проглядывала тут и там, пожухла, окрасилась сначала в желтый, а после и вовсе в черный, осыпавшись вскоре трухой. Одинокое деревцо жалобно заскрипело, треснуло и с грохотом повалилось на землю. Кони заржали от боли, и если Ларика еще сумела удержаться в седле, не выпустив даже трубу из рук, то Зен грохнулся, не понимая, что вообще произошло.

Девушка рванулась вперед изо всех сил, никогда еще она не бегала так быстро. А в голове её крутилась лишь одна мысль — «Это он!». Марика оставила позади всё, ей было плевать на Зена, на «сестру», что взялась из ниоткуда, теперь это было вовсе не важно, ведь она наконец нашла то, что так долго искала.

— Куда?! — воскликнули двое одновременно и кинулись вслед за ней. Кони всё никак не хотели приходить в себя, и им пришлось просто бежать на своих двоих. Никто не заметил, как они позабыли о чем-то, несомненно, важном, упустили что-то из виду, но ни Зен, ни Ларика не обратили на это внимания...

...

— А где ж остальные... Оп! ...семеро? Разговаривать вам религия запрещает али Император? — Зет, не вытащив рук из широких карманов, которыми его плащ был удобно снабжён, ловко уворачивался от выпадов и ударов трёх *Клинков*.

Хоть его внешний вид и не менялся от возраста, но поведение и повадки всё же претерпевали некоторые изменения... в том числе и бывшая молчаливость. Чем она была вызвана, сам Зет уже давно не помнит, но, видимо, то, что было, уже прошло, и теперь ничего не мешает ему вести беседы даже во время ожесточенного сражения. От шрамов, которые и делали его таким закрытым, не осталось и следа — они остались на его теле как напоминание, однако сердце его было кристально чистым и гладким. Наверное, именно поэтому и предстоящие еще, несомненно, важные битвы не казались ему чем-то особенным. Зет попросту знал, что таков его путь, такова его цель... а вот что к ним привело... Он уже и не помнил, выкинул за ненадобностью, потому как места в голове уже не хватало.

— И это всё? А я надеялся... — удрученно произнес он.

«Выходит... А что выходит-то? Быстрые — да, сильные — да, опытные, точные, ловкие. Да таких полно среди уникальных! Не мог ведь этот противный божок сделать *Клинков* настолько... никчемными?»

Зет никак не мог понять, он отчаянно пытался отыскать что-то, отчего кровь в его жилах бы вскипела, отчего появился бы азарт, чувство жизни, висящей на волоске от непроглядной пропасти на ту сторону... Но *Клинки* не оправдывали его надежд. Бесчеловечные орудия убийства были всего лишь бесчувственными куклами, а потому и всё желание сражаться как-то само собой отпадало.

— А значит пора заканчивать. — произнес лишь он и немного качающейся походкой направился к троице.

Мастерство *Клинков* было действительно впечатляющим даже по меркам Зета, как и их командная работа — они буквально действовали как единое целое... Но всё это вряд ли смогло бы устоять перед тотальным превосходством чистой силы.

Будто почувствовав изменившийся настрой Зета, куклы переглянулись... и в миг исчезли из его поля зрения. «А вот это уже интересно», — радостно подумал он, невероятно развитое зрение не смогло уловить их движений, но, быть может, те и не двигались — не шевелилась трава от порывов воздуха, не вздымалась пыль... вот они были, а теперь их нет.

Почти так же молниеносно за спиной Зета возникли три тонких кривоватых столбца, а затем раздался дикий лязг — кончики мечей троицы с силой врезались в черный металл, не оставив на том даже царапины, а в следующий миг напал уже Зет. Он тоже буквально исчез, и лишь после в том месте, где он только что стоял, взорвалась влажная земля, разлетевшись комками грязи во все стороны... А дальше был хлопок! Звуковая волна от него раскидала капли дождя, и на какой-то миг в десятиметровом радиусе даже стало сухо. Два *Клинка* быстро, как могли, развернулись, только чтобы увидеть, как невнятный кусок плоти, всё еще скрытый за дымкой, вылетает из тела третьего. Зет медленно опустил ногу с окровавленным носком сапога, а «кукла» обмякла, будто ей оборвали ниточки, из дыры в её груди с бульканьем рекой вытекала кровь и вываливались внутренности.

Если бы у бесчувственных *Клинков* всё-таки были те самые чувства, они бы сейчас наверняка удивились, ведь так определенно не должно было быть. Зет еще не догадывался, но главная сила *Клинков* скрывалась на поверхности, в тех самый немногочисленных рассказах и слухах, а именно в словах — «Никто не знает, как они выглядят, как звучат их

голоса... никто ничего не знает о них». А не знает никто, потому что ничего не помнит. Такая простая и тем не менее идеальная сила в купе с их способностью буквально перемещаться в пространстве на короткие расстояния. Стоит исчезнуть, оказаться сзади — и о тебе забыли! Распаленный битвой матерый воин перестает понимать, что он вообще тут забыл, и с кем только что сражался, а в спину ему уже летит клинок прямо в сердце. Как жаль, что их противником оказался тот, кто что-то забыть может лишь по своей собственной воле...

Опять хлопок, опять страдает бедная земля, которую уже изрядно потрепало, быть может, крестьяне и скажут «спасибо» — не придется лишний раз вскапывать, но земле от этого легче точно не станет. Редка трава с силой колыхнулась, и вот рядом с ней упали и две оставшиеся головы.

«Осталось семь. Хм, а последний даже дернуться успел... предсказал?»

Дымка, что скрывала тело первого павшего уже сошла, и Зет неспешно наклонился над его трупом. «Ммаать его осколочная, и вправду как и не человек вовсе...», — голое тело всё покрытое странными линиями и знаками, без единого волоска даже на голове, без половых принадлежностей и особенностей... Раскрыв рот и приподняв веки, он понял, что и языка с глазами у него тоже не было... причем не было их будто с самого начала — не вырезаны, не прижжены, а просто... нет и всё тут. Оружие, что должно было валяться рядом и вовсе куда-то пропало...

Черный ноготь на указательном пальце Зета чуть удлинился, и седовласый уже было хотел покопаться внутри, раскрыть все секреты, так сказать, но ему помешали. Тело пошло трещинами, через который пробивался бело-оранжевый свет, как у раскаленного железа, от трупа стал валить дым, и тот обращался в пепел прямо на глазах, не оставив после себя ничего. «Сгорел. Теперь понятно, почему о них «никто ничего не знает»...»

— Остальные тоже выходите! Насмотрелись? Чего ж друзей бросаете?! — кричал он в пустоту, вот только в этот раз действительно никого рядом не было. По крайней мере Зет не слышал, не видел и не чувствовал кого-то еще.

«И что это было? Ждут? Хотели посмотреть, что я могу? Так посмотрели, а дальше-то что... Хрен их разберешь!», — Зет оглянулся и увидел лишь, как догорали два оставшихся тела. Так и закончилась битва — вроде и дрались, и умирали, и кровь проливали... а нет ничего, ни тел, ни той самой крови.

«Не удивлюсь, если раньше они простыми детишками были — девочки, мальчики... Из городов и деревень, из простых, мать его, семей! А как дар получили, шесть лет стукнуло — *Клинок*, сказал божок и хрен свой положил на мечты ваши, на родителей, на друзей... Не помню, что там раньше было, но вот сейчас знаю, убить его — единственное верное решение, хотя смерть для этой мерзости еще подарком будет!», — оскалившись, думал Зет. Притупленные эмоции разбушевались не на шутку, а выместить их было не на ком. Вот и ходил теперь, попиная клубы мокрой земли, но понимал, что только сапоги зря марает, и успокоился быстро.

Глава 7 Император

— Стой! Да стой же ты...! — две девушки повалились на землю и покатались по ней кубарем. Промокшие, измазанные в грязи они напоминали больше псов, что жрут объедки в подворотнях и проулках.

— Пусти. — произнесла Марика ледяным тоном, но теперь в нем чувствовался и гнев, что вырывался сквозь скорлупу, которой та тщательно обернулась еще очень много лет назад... Но теперь та стала давать трещину.

— Там опасно, послушай же ты, сестра! Не знаю, что там, не помню... будто из головы вылетело, осколок её дери! Не ходи, прислушайся хоть раз, сестра! — молила её Ларика. Она сжимала седовласую в своих крепких объятиях, из которых слабой девушке было и во век не выбраться... Но Марика уже один раз спаслась оттуда, откуда еще никто не выходил живым, и она знала верный способ.

Девушку окутало темное марево, Смерть липкими и вязкими кусками опала на землю, растекаясь с шипением, уничтожая даже то, что не живо по определению. Черные щупальца обвили и её, и её «сестру», отчего та корчилась от боли, но не кричала, прикусив губу до крови. Дымка оставляла бледные следы на коже, и та принимала вид как у утопленников — настолько противный, что нутро само просилось выйти наружу.

— ...сестра, сестра, сестра, сестра! Отпусти, если не хочешь кормить червей. Хотя их и кормить будет нечем, от тебя ничего не останется, даже маленького кусочка. — цедила сквозь зубы Марика. Глаза её наполнились гневом, заглянув в которые, тебя затянет и не выпустит уже никогда.

«Ха-ха-ха-ха!!! Я передумала, мальчик! Интересная всё-таки девочка, мне нравится. Давай к ним! Хочешь, я помогу?», — ласково шептала повелительница безумия бегущему позади Зену.

«Да что с тобой не так?! Они же сестры! Сейчас еще поубивают друг друга...»

«Ну что ты? Весело же! Вот поэтому у тебя и друзей нет... Потому что ты зануда! Фуу зануда, зануда, зануда!!!»

«Ааа, замолчи!! И откуда ты знаешь, что у меня друзей нет?! Может и есть... парочка... Сказала бы лучше, как дар использовать!»

«О, ты решил, мальчик? Я рада, очень. Просто попроси, позови меня по имени, и получишь силу! Давай же!», — хохотала она, не переставая.

«Чтобы опять разнести тут все?! Нет, так не пойдет»

«Да чего тут разносить-то? Доверься мне, мальчик! В этот раз всё будет по-другому, я помогу, но и тебе придется постараться, ха-ха-ах-аха!!!»

«Постараться?»

«Да! Чтобы не потерять себя... Ты знаешь, кто ты, мальчик? Нет? Нуу... Тогда ладно, будем узнавать вместе, так и быстрее получится, хи-хи-хи!»

«Что? О чем ты?! Лисса!», — закричал в себе юноша и только после осознал, что он позвал... позвал её по имени! Знакомая темная пелена застлала его взор, и сознание стало утопать в глубокой-глубокой бездне образов и воспоминаний...

...

Солнечные лучи только-только пробивались сквозь бардовые полотна штор, что закрывали застекленный балкон, а юный телом, но взрослый разумом мальчик уже не спал.

Он ощупал мятые простыни на другой половине кровати — те были еще слегка теплыми. «Видимо, матушка ушла совсем рано. Работа?», — думал мальчик. К тому времени он уже привык называть герцогиню именно так, но считал ли он её своей «мамой» — другой разговор. Мальчик слишком рано повзрослел и не мог так просто принять то, что теперь и у него тоже появилась самая настоящая семья, которой у него, к сожалению, не было с самого рождения.

А за пределами его покоев тем временем стоял какой-то шум — не такой сильный, который обычно бывает во времена подготовки к редким приёмам в поместье, но и не такой слабый, который всяко возникает из-за совсем нередких выходов его новой «мамы». Это заинтересовало мальчика, он самостоятельно умылся теплой водой из чаши, что была уже заботливо подготовлена кем-то, сменил одежды на более подходящие и покинул комнату.

— Госпожа Бьянка, вы, конечно, простите меня, но ведь нельзя же так! — в момент, когда мальчик вышел из своих покоев, он застал, как главная горничная Изольда кричала что-то вслед герцогине, которая, похоже, опять хотела сделать всё «по-своему».

— Можно и даже нужно! — отвечала она.

— Ну как же так, госпожа... Прибудет ведь сам, простите боги, посланник из Императорского дворца! Должно подготовиться, прибрать гостевые покои, кушанья, вас в конце концов приодеть!

— А я что по-твоему голая?! Поесть захочет, пушай по городским лавкам пройдетя! И мы тут не трактир, чтобы еще и комнату предоставлять! — безотлагательно парировала все возмущения горничной Бьянка.

— Эхх, не жалеете вы меня, старую... Хотя бы потом на казни моей поприсутствуйте, уважьте старушку!

— Сама казнь, ежели к моим людям свои ручонки протянут!

— Как скажете, госпожа... Ох, молодой господин! Прошу прощения, видимо, вас наши крики разбудили... Я распоряджусь подать завтрак. Желаете потчевать в зале, или подать всё в ваши покои?

— Пожалуй в покоях, Изольда. Не хочу мешать матушке... К нам нанесёт визит посланник от Его величества? — отвечал маленький Зен чётко и размеренно, что, несомненно, было усладой для ушей главной горничной, которой последние несколько лет приходилось слышать только не совсем аристократичную речь герцогини.

— Да, молодой господин... Подробностей я, к сожалению, не ведаю. Госпожа герцогиня вечно говорит, что в мои заботы подобное входить не должно. А теперь, прошу меня простить...

«Ахх, какой прелестный ребеночек! Не скучаешь по тем временам, мальчик?», — раздался веселый голосок на границах сознания.

«Пожалуй... да. Только зачем ты мне это показываешь?»

«Это у самого себя спрашивать надо. Я ведь говорила — «найди себя!»»

«Так ведь нашёл уже, вот он я...»

«Хаа, вроде и совсем ребёнок, а тупой как взрослый», — разочарованно выдохнула Лисса. А картинка опять переменялась.

Издали раздавался топот копыт, стук каретных колес по брусчатке, гам голосов горожан и все остальные звуки, присущие городской суе. Всё это было так близко и так далеко для совсем маленького мальчика в оборванных одеждах, что лежал на старых досках в темном сыром переулке, свернувшись калачиком. Хоть он и жил в этом самом городе, себя

он его частью назвать мог с трудом, и даже дневной свет лишь маленьким лучиком пробивался в его жалкую обитель.

Тогда он не размышлял о доле бедных и богатых, о людях кровей голубых и самых обычных — алых. Его головушка не знавала ни манер, ни этикета, ни чести и достоинства... Разве может идти речь о таких вещах, когда всё твоё существование сводится к одной лишь мысли — «смогу ли я прожить хоть еще один день?».

Он был здесь в грязном проулке, куда горожане не чурались скидывать мусор и сливать отходы, эти люди были от него далеки, а уж высший свет еще дальше. Он знал о нём, слышал байки от таких же доходяг, но всё это было так недосыгаемо, что не появлялось даже в его снах и мечтаниях. Тогда он и встретил их впервые.

Ржание лошадей и стук их копыт в этот раз казались другими... возвышенными и благородными. Стук колёс был не так громок, но всё равно перекрывал весь шум города. И через приоткрытые веки он наконец узрел то, о чем слышал лишь по рассказам. Карета из древесины золотого отлива остановилась перед проулком, кучер в простых, но наверняка дорогих одеждах, спустился с сиденья и открыл дверце с небольшим окошком, которое было завешано гладкими синими полотнами ткани, за кусочек которой мальчик готов был отдать даже половину своих конечностей.

Дверца открылась не с его стороны, и мальчик мог видеть лишь часть всего происходящего. Как выходила дама, её худенькое плечико с белоснежной кожей, подол её платья, который, казалось, отгонял всю грязь с дорог, её высокая замысловатая прическа, над созданием которой трудился несколько часов десяток горничных. Ничто не могло скрыть её красоту, благородство и статус, своим присутствием эта дама буквально освещала сей неприметный городок. А мальчика же посетила целая кладезь противоречивых эмоций — он был восхищен и в то же время испытывал стыд и пренебрежение к самому себе за то, что он, лежащий совсем рядом, омрачал это существо, спустившееся с небес. Мальчик прикрыл глаза и забился в самый темный угол, прикрывшись гнилыми досками, лишь бы её взор ненароком не пал на него.

«Ты завидовал ей?», — спросила Лисса.

«...нет, нет вовсе нет. Я лишь... не понимал, как в одном месте могли встретиться такой как я и она»

«Но ведь теперь твоё положение может быть даже выше её»

«Грязь можно смыть, но вычистить её из самого нутра не способен никто...»

«Значит таков ты настоящий? Хмм, как скучно! Мы можем идти, мальчик? Ты примешь ТАКОГО себя?», — ветреность пропала из голоса вечно весёлой Лиссы, предоставив место серьезности и даже какой-то легкой жалости.

«...Давай посмотрим еще...»

— «Правильно»? Нет тут ни хрена правильного или неправильного... Каков твой дар, малец?

— ...Лисса.

«Ооо! Я помню его, мальчик! Уммм, как жаль, что я досталась не ему... Ах, какой сладкий аромат эмоций исходит от этого мужчины! А сколько крови мы пролили бы вместе!», — восторгалась богиня безумия.

«Эмоций? Мне показался он довольно холодным в тот момент...»

«Не разбираешься ты в людях, мальчик! Долг и ожидания так давят на него, что он готов сломиться в любую секунду! Горечь, непонимание, злость, жалость, ааххх!!!»

Теперь юноша смотрел на Зета совсем другим взглядом... более осозанным. Он многое узнал и многое понял. И седовласый мужчина, который даже не удосужился привести свой внешний вид в порядок перед посещением самой герцогини Империи Каника, сейчас казался ему совсем другим. Как грустно и парадоксально — мужчина, что скован цепями судьбы и самого мира, был для Зена олицетворением самой свободы, со своими взглядами, своими мыслями. Юноша не мог представить его ни в роли вечно преклоняющейся челяди, ни в роли заносчивого аристократа, что заносил отполированный каблук над сторбленными спинами тех, кого даже за людей не считал.

Теперь он мог лишь поблагодарить его за совет, ведь он действительно помог, и пусть даже Зену пришлось перенести немалое, он был этому искренне рад.

«...разве не может каждый человек в этом мире быть таким же?»

«Человеком, идущим против самих богов, что в угоду своих принципов готов идти по головам тысяч и тысяч? Аха-ха-ха-ах-ах!! Как было бы прекрасно, будь каждый таким! Ах да, не стоит равнять всех... Ты ведь не был еще ни в Королевстве, ни в Стране Вод, а там живут совсем иначе, мальчик»

«...»

«Что? Не нравится? Можешь и дальше уткнуться в гнилые доски, забившись в угол! Мне понравится и такое, ты же знаешь. Ммм, отчаяние!»

«Нет! Нет... Я просто... Что мне делать, Лисса?»

«Я что мамочка твоя?! От своей ты уже благополучно сбежал, как последний трус, ха-ха-ха-ха! Какой ты ненасытный, мальчик. Я ведь уже дала тебе всё, что нужно!»

«Сила... Как будто она тут поможет! Не всё ведь решается ей...»

«Сила — это власть, мальчик! А власть поможет достичь всего, чего твоей душонке угодно!»

«Делаешь из меня тирана?»

«А кто сказал, что это так плохо? Сдаётся мне Империю сможет излечить только тиран!»

«Как можно?! У меня нет прав на престол, я безродный, по крови даже близко к Императорской семье не подхожу, и...»

«Тсс! Что ты заладил? Совсем глупый? С такими скудными мозгами тебе и впрямь Императором не стать! Думай, мальчик! Чем твоя мать сейчас занята?»

«Мятеж»

«Она родственница Императору? Нет? И что-то я не вижу, чтобы её это останавливало! Хи-хи! А ты, мальчик мой, её прямой наследник!»

«Захват власти — это не так просто! Императорская армия не для красоты существует... Она...»

«Разгромлена? В пух и прах! Уже! И дня не прошло, ха-ха-ха! Кто же это так постарался, хмм, даже не знаю...»

«Ты меня и правда идиотом считаешь?!»

«А кто же ты, если не идиот?» — искренне не понимала Лисса. — «Я всё тебе дала! Даже сохранила воспоминания о *них*, а ты до сих пор еще ничего не понял?»

Юноша впал в ступор. И как он раньше не замечал?! Вот ведь действительно — идиот, каких еще поискать надо! Он ведь всё помнит, помнит, как объявились *Клинки*, помнит, как сражавшийся с ними человек, без особого труда убил троих... Троих! В одиночку! А значит Императорская армия, если не разгромлена, так терпит такие трудности, что и пришлось

прибегнуть к силе *Клинков*.

«Чтоб тебя! Я понял, понял...! Значит надо стать Императором? И всё изменится?!»

«Ну да. Так просто! Хи-хи-хи! Глупый-глупый, мальчик... Теперь мы можем возвращаться?»

«Да» — и сознание его стало возвращаться обратно в тело.

Глава 8 Пророчество

Картина, развернувшаяся перед глазами юноши, была далека от его самых смелых предположений. Он представлял и исход, в котором его странствие по воспоминаниям не заняло и секунды реального времени, и исход в котором он опять впал в буйство и либо опять навредил тем, кому точно не хотел, либо же успели остановить, усмирить и хотя бы связать. Фантазий было так много, что хоть одна должна была совпасть с реальностью... так он думал.

И вот теперь он искренне не понимал, что же наблюдал, а если точнее, то видел он лишь темноту, от которой вроде должен был уйти, приняв то немного навязанное Лиссой решение всех проблем. Но не тут-то было... Полнейшая темнота, противно отдающая влажностью по лицу, привкус чего-то мерзкого во рту и запах... земли. А! Зен наконец понял! Всё было так просто — кто-то крепко вдавливал его мордой в грязь, уж простите за выражение. Отсюда и все эти странные ощущения.

— И не надобно на меня шипеть, девушка! Не подобает, хех! Глянь-ка, а пацан-то рыпаться перестал. Ээй, чернявый, в себя пришёл? Сколько пальцев показываю? — донесся вдруг до юноши старческий голос откуда-то сверху. Он хотел тут же повернуться и высказать ему ВСЁ о ЕГО неподобающем поведении, но сделать это было не так-то просто. Хватка старика была крепка как сталь, громадная по ощущениям ручища сжимала его как тиски. Отчего Зен мог лишь беспомощно дрыгать руками.

— Ля, как завертелся! Буянить не будешь? — спрашивал старик, ответом ему служил этакий кивок, из-за которого юноша еще пуще закопался в грязь.

— Хааа!! — наконец смог вздохнуть полной грудью юноша и устало перевернулся на спину. Убрав остатки комков влажной землицы с лица, теперь он уже мог разглядеть и понять, в какой ситуации вообще оказался. Та была весьма... необычна.

Марика стояла в стороне с лицом, полным гнева, волосы её встали дыбом, да и сама она чуть ли не на четвереньки опустилась, а сдерживать её приходилось Ларике, эмоции которой в этот раз было сложно разобрать. «Смерть» волнами исходила от тела седовласой в сторону «старика», которым, кстати, оказался и не старик вовсе. Мужчина такой в самом расцвете сил похожий на героев из всевозможных легенд, изображения которых можно было найти в соответствующих книгах, — высокий широкоплечий он напоминал цельную статую, золотистые и немного завивающиеся к кончикам волосы развевались на ветру, а взор его усталых чисто голубых глаз был немного насмешливым и направлен на самого юношу. «Старика» окутывал ореол света, от которого «Смерть» отскакивала, как слизняки от соли. И Зен, несомненно, принял бы его за настоящего справедливого, праведного и добродушного Героя, если бы не его окровавленные одежды, которые он прятал за походной накидкой с глубоким капюшоном.

— Эм, прошу прощения, может, кто-нибудь всё же соизволит объяснить, что вообще произошло? — сделал попытку докопаться до истины юноша.

— Ох, какие манеры, пацан! Так ты у нас, значится, «из грязи в князи»? Хе-хе-хе-хе! — кто такие эти самые «князи» было понятно лишь одному «старика», но тот не обращал внимания не взгляды непонимания и продолжил. — Сперва должно представиться, имя моё вашей милости, конечно, мало что скажет, потому как я лишь простой старый путник, что совершенно случайно повстречал вашу веселую компанию на своем нелегком пути. — с

жестами и излишним артистизмом объяснял старик.

— Хватит врать, старый. А ты пусти, сестра. — холод, что исходил от голоса Марики, казалось, даже заставлял тускнеть свет, что исходил от старика.

— Какая ты всё-таки неприветливая, совсем не меняешься, эх... От друга своего понабралась али это на тебя так «исправление» подействовало? Хе-хе-хех! — старик рассмеялся, но глаза взгляд его был серьезным — глаза сузились, и он внимательно наблюдал за тем, как от одного лишь его слова Марики вначале застыла, а потом... потом был УЖАС.

Такой, что коленки у юноши затряслись, а голова опустела, и чувствовал он лишь этот противный и липкий страх, что обволакивал его внутренности. Весь мир, казалось, опустел, заполнившись такой отталкивающей чернотой, а в его центре расположилась настоящая Королева этого УЖАСА, что готова была одним лишь взглядом убить старика, да и, наверное, всех остальных на месте.

— Ох, девочка, что уже пошутить старику нельзя? — нарочито ласково произнес он. — Не для этого я свои больные коленки напрягал! Я, между прочим, по делу здесь!

Каким-то удивительным образом старику удалось разрешить эту определенно опасную ситуацию, и мир возвратился на круги своя. Дрожь покинула юношу почти бесследно, оставив за собой лишь неприятное ощущение в горле, которое он поспешил сглотнуть.

— М-могу ли поинтересоваться, что это за дело такое привело вас сюда?

— Ничего особенного! У моего... хм, «ученика» шарики за эти самые заехали... как его там, тьфу! В общем сбрендил он малёха, хе-хе! А теперь вот прибирай за ним... Да и с вами, ребятки разобраться надо, а с вашим «другом» — особенно! Ишь, чего вздумал! Пошёл эту тварь поганую карать, а меня, представляете, МЕНЯ не позвал!! — старик еще долго ругался и вздыхал, пока не успокоился.

— Эх, ладно... А ты чего тут делаешь, деточка? От старухи своей озерной сбежала? Хех! — обратился он теперь уже к Ларике.

— Даже ВАМ не следует так обращаться к госпоже. — процедила она в ответ сквозь зубы, но, не увидев ожидаемой реакции на свои слова, немного остыла. — Я здесь за сестрой...

— Ооо! Охо-хо, вот оно как, так вы, значится... Как говорится, с миру по нитке, да голому... Или эт не про то? В общем, удивительная штука — судьба! Что ж, поздравляю вас с воссоединением, а мне пора тоже, хех, «воссоединиться» с моим непутевым ученичком! — шутливо отвечал старик и уже было собирался уйти, как вдруг развернулся и сказал напоследок: — Советую вам, ребятки, держаться подальше отсюда, авось не зашибёт... Ты-то, седая, может и переживёшь, а вот за друзей твоих не ручаюсь... — лицо старика потемнело, а вся эта напускная веселость исчезла с его лица. Так что к совету его хотелось прислушаться как минимум Зену.

И так, старик неспешно двинулся по направлению к форту, насвистывая какую-то незатейливую мелодию, оставив позади злых и недоумевающих...

...

В знакомом и уже даже немного родном селении, до которого вести о войне доходили лишь отголосками, жизнь текла своим чередом. Матери не орали навзрыд о несчастной, но неизбежной судьбе сыновей, которых по закону они должны были бы скрепя сердце отпустить под начало Имперской армии. А всё потому, что староста того селения был человеком весьма необычным и, заручившись поддержкой всей мужской братии и

небезызвестного «колдуна», который не только с духами общается, но и... В общем, гнали они агитаторов вилами и проклятиями «и в хвост, и в гриву», как говорится. Только парнишку одного и отправили, сироту, да тот сам вызвался, так что никто не возражал...

И сегодняшний день стоял совершенно обыденный — поля активно пахались, урожай обещал быть богатым в этом году, детишки валялись в пыли и играли в «войнушку», а старики, скрипя костями, предпочитали на старости лет находить себе развлечение в более спокойных вещах. Но покой, как это принято, существует для того, чтобы однажды быть нарушенным...

— Чегой-то ты вылезла, старая? Мельтешишь тута, только глаза мозолишь! — съязвил дед, высунувшись из окошка своей хатки. Кстати, имени у старика не было — родичи его поначалу долго сомневались, а потом и вовсе скончались от проказы. Так и остался безымянным, только кличку приобрел, кто бы мог подумать — «Язва»! Да вот дед её сильно не жаловал, мог и по башке дать, потому и звали его все то «пареньком», то «мужиком», то «дедом».

— Ты бы не языком молол, а делом занялся полезным! Думаешь я от хотения какого горбачусь тута?! — отвечала Клава, которая всё это время пыталась прикрепить какую-то конструкцию к своей входной двери.

— А от чего же? Опять, хех, взбрело в голову дурную чего! Опять духи?

— Да какие там...! Предчувствие у меня... — заговорщически проговаривала Клава. — Все в деревне знают, шо оно меня не обманывает! Ваньку Утопленника кто вытащил? А? У хворь чернушную я почувствовала... Ты бы лучше к старушке прислушивался, пока жива. — выпучив страшно так глаза, отвечала она.

— Ну-ну, хе-хе! И что же твоя коленка болящая на этот раз говорит?

— Сон я видела! Пророческий! Голуб мне приснился, серенький такой, я его тута прикармливаю бывает, хорошенький такой, смирной, покладистый, а глазки прям умненькие, да и в обиду себя не даст... эх. Ходил он значитя по двору, поклевывал, лапками землю пинал, а тут... ТУТ!!! Ахх, боги милостивые, как налетят, загрызуть!!! — всплеснула руками Клава.

— Кто? — устало спрашивал дед.

— Дык мухи. Здоровые такие с ноготь мой! А ты его видывал, я ж по молодости отбила его, вот и вспух... — показывала она свой толстенный ноготь на большом пальце размером с виноградину. — И глазищи у них горят огнем нечистым, ох, не к добру это...

— И ты значитя, старая, на радостях решила...

— Оберег! Мне колдун присоветовал, вот! Петушьи головы, я их давно уже собираю, говорят, нечисть отгоняют. — Клава тщательно нанизывала птичьи черепа через глазницы на веревочку и пыталась приколотить ту к двери.

— Солью присыпать не забудь, хех! А землицей могильной послание им на дорожке выложи!

— Точно! А напишу... чегой писать-то, я ж безграмотная... — как-то грустно ответила старушка.

— Ничего-ничего, главное с чувством!

— Вот можешь же и добрым побыть, старый! — улыбалась она. — Заходи потом ко мне, я пирог спекла.

— С этого и надо было начинать!

Уж проком ли, святой ли была та старушка, а, может, в крови её было что-то от

древнего шаманского племени, останки которого давно уже погребены под землей, никто не узнает. Однако сон её был, что ни на есть вещей!

Так же, как совсем недавно Имперское войско собиралось воедино, со всех уголков Империи, да и не только её, будто по мановению руки бесплотной отовсюду сходилась люд самых разных пород — старики и молодцы, мужчины и женщины, благородные и не очень. Объединял их всех лишь затуманенный взор покрасневших глаз и противный тоненький голосок, что звучал в их головах и вторил: «Покарай Зло! Убей седовласую мразь, которая осмелилась мешать МНЕ!».

...

Слишком... слишком много странного и непонятного, начиная от того, где имперцы взяли столько смолы, чтобы залить ей целый мать его ров в несколько километров длиной вокруг форта, как они планировали уместить 15 тысяч солдат там же, заканчивая тем, куда делись остальные *Клинки*, и были ли они вообще...

С войском-то разобрался, а вот что с этими излишне стеснительными ребятами делать — непонятно. Трое дух испустили, а остальные семеро и носу не казывают, хоть в рог труби, хоть жди их тут денно и ночью! А со стороны того самого холмика с деревцем еще и знакомый дед Бермунд несётся на всех порах. Он тут что забыл?

От встречи с ним я отказываться не стал, смутно помню, что недолюбливал его когда-то, и даже знаю почему, но всё это осталось в прошлом. А сейчас он может внести даже некую ясность в происходящем, всё-таки этот старик всегда умел удивлять...

— Фуух! Не жалеют же старика, хех. Сколько лет, сколько зим, как говорится! Чего загрузил, малец? — немного притворно отдышавшись, сказал Бермунд.

— А ты помолодел, старый. Где столько веков скинул?

— Так Королева постаралась! Эх, молодость... Ну да не будем об этом. В экую дрянь ты ввязался! Другого способа да нашего общего «знакового» добраться не было?

— Сам же знаешь, что нет.

— Я не всезнающий, как кое-кто. Просвети уж, хех!

— Буду бить тварь в её же логове. — ответил я, а взгляд старика переменился.

— Вот значит как вышло... — посмурнел он. — Божок наш, может, и глупый, но не дурак... Помнишь, как он мне в голову залез? Так вот Алиса десяток лет магичила надо мной, чтобы проклятие это мерзкое снять. Ни на секунду не отходила, бедная... эх. Таки ведь и он тоже сложа руки не сидел, ученичок мой с того дня пропал, и сила *героя* теперь в его... лапах!

— И ты за ним прибираться пришел?

— У меня много причин, одна из них — поквитаться с заразой! А вторая — исправить ошибки прошлого... Хотя их так просто и не исправить, хах... — грустно усмехнулся старый герой. — Ты я смотрю присмирел... Телом млад, да духом стар, как говорится.

— Знаешь о *Клинках*? — перевёл я тему.

— Как же не знать! Еще одна гнусная поделка этого уродца. — гневно высказался он, сплюнув. — Знаешь, небось, как они появляются. Была детина шесть лет от роду и нет её! Вот так просто, сказал Всевышний — *Клинком* будешь, и пошло новорождённое создание скитаться по миру к «дару» привыкать. Лет пять проходит, и она уж кланяется в ноги Императору, тьфу!

— Знал, что они здесь будут?

— Не думал, что так скоро... А бой ваш удалось пронаблюдать. Ловко ты их! И всё же

несчастные создания, даже праху не остается... Хотя семьям их он и не нужен, забывают они тут же... — с горечью выплевывал слова старик. — И не спрашивай, где остальные. Сам ума не приложу... Догадка, правда, есть одна... неприятная.

— Говори уж...

— Слышал я, да и рассказывали порой... Сам понимаешь, мало тех, кто вообще хоть что-то знает об этих *Клинках*. В общем, когда надо упокоить особенно сильного, *Уробороса*, например, он же ежели старый, так его вообще мало что берет... Эти «несчастные» берут и... — закончить старику не дали. С возрастом начинаешь понимать, что у врагов иногда чуйка на «самые-самые» моменты. И появляются они как раз, чтобы их оборвать... безжалостно и с весьма грустными последствиями.

Глава 9 Куча мала

За всю свою довольно долгую жизнь я повидал множество примеров истинного таланта. Например, тот барон, под началом которого я некоторое время воевал как наемник, — талант. Так чувственно и проникновенно изображать пряники на своих картинах мог лишь он, и не важно, что дар у него был подходящий. Самое главное, что использовал он его исключительно во благо.

А есть и такие мужи, что находят себя в другом. Сеять настоящий хаос, разруху и пощелчку пальцев проливать кровь десятков тысяч, например. Это тоже в некотором роде «талант», такое уметь надо. Допустим, у меня сил достаточно, но, чтобы оставить за собой СТОЛЬКО трупов потребовались десятилетия. Ему же достаточно было одного лишь слова и удачно подобранного момента.

И теперь решение о его скорейшей смерти, перестало быть моей целью, нет, то было будущее, неотвратимое и бесповоротное... Хотя даже такой его конец не удовлетворит меня. Но вместе нарастающей злостью я чувствовал и азарт, чувствовал, как быстро билось сердце, как кровь металась по жилам, как... улыбка непроизвольно напозла на лицо. Это неприятно, не таким человеком я хотел стать. Увидь меня сейчас отец, сестра или мать, чьи выражения запомнились мне лишь в предсмертных агониях... Даже представлять страшно.

И всё же принимать себя нужно таким, какой ты есть, как говорят мудрецы, что лишь годами чешут языками на потеху народу. Придется прислушаться к их словам, ведь когда с одной стороны на тебя движутся семь, покрытых дымкой, фигур, с другой яростно несется черновласый бородатый мужик, выкрикивающий самые разнообразные ругательства, а из-за холмов, из тени леса и вообще отовсюду вдруг появляются полчища, взгляд которых прикован лишь к тебе, желание возникает лишь одно... Раскромсать их всех на мелкие кусочки! И, кажется, в этом старик Бермунд со мной даже согласен.

Из-за кривой ухмылки его помолодевшего лица открывалась печаль от неизбежности предстоящей бойни. Опять... опять своими же руками он должен был карать невинных. Сколько бы веков он ни прожил, а эту свою черту растерять не успел. Думаю, он, как и я, теперь желает лишь покоя... вечного.

...

— Это последний, командир Борислав! — кричал чумазый солдат из-под завала.

— Хорошо. Всем отдыхать и ждать указаний! — объявил Борислав и утер пот с лба тряпочкой. Развернулся и чуть не вскрикнул, увидев прямо перед собой Худого, который немного нервно переминался с ноги на ногу.

— Б-б-благодарю, что п-позволили помочь, командир.

— Д-да не за что, ха-ха-ха... — и сам заикнулся Борислав. — Тебе еще что-то нужно?

— Н-нет, то есть д-д-д-д-д-д... - челюсть Худого как-то странно подпрыгивала, не давая тому наконец закончить. Борислав уже стал смотреть на него, как на умалишённого, и уже было хотел начать проклинать того в своих мыслях. Но вдруг и он тоже почувствовал неладное.

С истрескавшихся стен стала сыпаться мелкая крошка — обычное явление, но что-то осыпалась она уж больно обильно. Потом и каска самого Борислава стала дрожать, отдаваясь гулом в ушах. И пока Худой всё пытался вытянуть из себя слово, командир начал настороженно озираться по сторонам. Копья, мечи, щиты и алебарды, что еще не успели

собрать, так и валялись раскиданными тут и там, тряслись и отчетливо звенели. Мелкие камушки на плацу стали подпрыгивать, а обеспокоенная солдатня то разрывалась проклятиями, то молилась, то просто неподвижно стояла, уставив свои зенки в небеса.

Борислав опомнился быстрее всех и тут же побежал к винтовой лестнице, ведущей на крепостные стены, и чуть не опешил он грозно надвигающейся на него груды мышц и металла.

— ВОЙСКО!!! СЛУШАЙ ПРИКАЗ!! — заорал Кирстен, выйдя на плац. — Лучники, и стены! Конница, будь готова выступить! Всем остальным чинить ворота и не высовываться! Полки с восьмого по пятнадцатый... ожидайте указаний. — один миг, и все кинулись выполнять приказы без лишних вопросов.

— Главнокомандующий Кирстен, что осколка его дери...

— А, Борислав... Самому хотелось бы знать! Поднимись на стену и посмотри... — с каким-то странным выражением на лице объяснил Кирстен.

Делать Бориславу было нечего, сказано — сделано, поднялся на стену... А лучше б не поднимался. Он метался по смотровой башне от одного окошка на другого и через каждое наблюдал одну и ту же картину... Со всех сторон по направлению к форту кольцом подступал рой, никакое другое слово не смогло бы лучше описать тысячи и тысячи тел, что, надрываясь, бежали только вперед, сливаясь в однородную шевелящуюся массу плоти. По сравнению с ордой их имперское войско выглядело даже как-то по-детски.

Никакого строя и никакой жалости — Борислав был уверен, что рой сам уже затоптал сотни своих же, перемолол их кости и оставил доживать свои последние моменты где-то там позади. По равнине шла столбом пыль, дремучий лес трещал, и ветви шатались, как от урагана... и тряслась земля, по-настоящему тряслась. Борислав чувствовал топот каждой частичкой своего тела, он отдавался такими проникновенными толчками, проходя через всё нутро.

Сложно было сказать, кто эти люди, откуда они и с какой целью вообще пришли. Он был бы даже рад, если бы на них просто напало Королевство или Страна Вод, застав врасплах в разгар войны... Так было бы лучше.

Шеститысячное войско, полки с восьмого по пятнадцатый, которые ранее были отправлены в обход, дабы разгромить армию мятежников, теперь пугливо и ошарашенно прижимались к внешней стороне крепостной стены у ворот. Но никто не смел бежать и послушаться приказа...

...

— Есть план, сынок?

— Нет.

— Так и думал, хех. Значится, делаем по-простому — на мне право, на тебе лево!

— Согласен.

— Ах да, чуть не забыл! Похоже, *Клинки* могут становиться сильнее, когда рядом кто-тодохнет. Ну, удачи. — сказал старик и был таков. Действительно удивил... Чтоб его.

Расклад получается слегка неприятный — если не убью *Клинков* как можно быстрее, потом из них может получиться ТАКОЕ, с чем даже мне было бы опасно сталкиваться. Становятся сильнее, когда рядом кто-то умирает, хах. Да тут каждую секунду кто-нибудь дух да выпускает! Бой еще даже не начался, а «орда» уже успела поредеть, они ж друг дружку топчут! И сколько они вообще сюда добирались? Ноги все стертые в кровь, а от обуви только одно название да лоскуты и остались. Готов душу поставить на то, что по ходу их движения

можно найти сотни и сотни трупов...

Ладно, хватит думать, всё равно ничего путного в голову не идёт. Главное — поменьше убивать, сдерживаться.

А *Клинки* времени не теряли, затесались в рядах безумной толпы, и теперь только сверкающие точки красных глаз разглядеть можно, и то с трудом. Хорошо, что успел дар *Тени* получить... Когда сотни скалящихся, плюющих кровью ртов готовы были уже наброситься, ушёл в другое пространство и понёсся сквозь орду на поиски *Клинков*.

Первого нашёл быстро, тут же вышел из «тени» и схватил его за голову, та приятно затрещала костями в руке, и перед тем, как быть раздавленной, *Клинок* успел исчезнуть. А вот это плохо, они уже стали гораздо быстрее.

Опять в «тень» и, за пару секунд преодолев пару сотен метров, обнаружился второй... или это первый? Удлинённые ногти несутся ему в грудь и, не дожидаясь пока тот опять испарится, разворачиваюсь и кидаю только что созданное копьё в обратную сторону. Белая дымка, появившаяся как раз не его месте стала заливаться кровью и противно булькать. Быстро переместился и снес бедолаге голову одним взмахом руки. Один есть.

Радость от убийства такого верткого противника длилась недолго. Отреагировал я слишком поздно и успел лишь чуть дернуться, как чей-то клинок сзади со звоном ударился в ребро, которое я удачно подставил под удар... И оно треснуло! Слегка, но раньше и такого не было. Алые глазенки, казалось, даже усмехнулись перед тем, как их пронзило два кривых шипа из-под земли. Вот и второй готов, но нужно быть еще быстрее. А «орда» тоже не дает заскучать, в меня тут же полетели несколько сотен заклинаний, клинков, трупов их временных товарищей и всего остального, что только можно представить... или что больной разум мерзкого бога успел понапридумывать.

Третий нашёлся вместе с четвертым — парочка принялась рубить всех направо и налево, головы еще совсем детей, дряхлых стариков, мужчин и женщин отлетали в разные стороны как винные пробки. А *Клинков* никто и не останавливал, вся «орда» была лишь кормом для них, приятной подпиткой. Я поспешил вмешаться в пир, не выходя из «тени» создал десяток шипов под их ногами, а сам уже приготовился встречать их в другой стороне. Но там никого не оказалось, *Клинки* ловко и почти безболезненно увернулись ото всех шипов, которые в конце концов оставили на их телах лишь пару ран.

Парочка решила даже не отвлекаться от своего наименее приятнейшего занятия. Ну так ведь нельзя... Не стоит так злиться. Что за отношение у молодёжи, совсем от рук отбилась! Кости в правой руке раскалились до красна, и завоняло паленой плотью, а левая же побледнела. Хлопок в ладоши, и всюду разошёлся непроглядный пар. Среди гула, топота и безумных криков сложно было различить четыре гулких стука, и я ушел обратно в «тень», оставив позади два расчлененных трупа.

Спустя минуту поисков заметил и оставшихся троих, те занимались тем же, что и их предшественники, но преуспели в этом явно больше. Только вышел из «тени», и они метнулись ко мне, будто почувствовав моё присутствие. Клинок самого шустрого с силой врезался в металл только что созданного полуторного меча, лезвие скользнуло по нему упершись в гарду, та заныла, затрещала, грозясь переломиться. А мне же приходилось прикладывать почти все силы только чтобы удержать удар, а там ведь еще двое. Вложив побольше маны, напитал металлом скелет, теперь из-за веса должно стать проще. Черный меч, словно живой, перетёк поближе к руке, образуя небольшой щит, а *Клинок* сорвался и оступися, дав мне время на создание еще и палаша.

Пространство загудело и заискрилось, мана вытекала из тела буйным потоком, истончая её запасы, а вокруг нас уже стремительно возникал толстый металлический купол. Последний лучик дневного света скрылся, и я оказался в полнейшей темноте с тремя *Клинками*. Запереть их вряд ли получится, но, может, так их слегка пустоватые головушки будут обращать внимание лишь на меня. Ведь если они станут еще сильнее...

Темнота не стала помехой ни для меня, ни для них, и бой продолжился. Даже искры, высекаемые ударами, отказывались показываться моему взору по непонятной для меня причине. Металл звенел и трескался, тело часто отдавалось болью, а кровь ручьями стекала на мрачную землю. *Клинки* то исчезали, то опять появлялись, сменяя друг друга в самоубийственных атаках. Каким-то чудом мне удавалось подлавливать их у стен, ранив возникающими оттуда шипами.

Их мечи уже даже не резали, а порой вырывали целые куски плоти... Так и почти бессмертного меня убить недолго. Придется потратить еще маны, которой осталось не так уж и много. Я стал медленно превращать купол в громадную печь, с каждой секундой тот накалялся всё сильнее, металл наверняка стал уже чисто-белым, но мне этого не увидеть. Жгучими каплями тот скатывался со стен, падал с потолка, иногда даже достигая тел моих противников, которые видимо к такому жару были не готовы. Держались они уже на удивление долго, но температуре не было предела с моими возросшими силами, осталось лишь не умереть раньше них.

Тело, привыкая к тьме, стало отдаваться жжением и мурашками каждый раз, когда к нему на всей скорости летел один из трёх мечей. Выкручиваясь и выгибаясь самым невероятным образом, мне удавалось кое-как уклоняться, направлять удары на кости или хотя бы делать так, чтобы они не достали до сердца и головы. Но всё равно кровь лилась уж больно быстро, а *Уроборос* едва ли успевал пополнять её запасы...

Жар к тому времени стал настолько сильным, что раскаленный метал уже лился с потолка, а противный запах гари, обожженной кожи, волос и даже костей наполнил купол. Луч света вдруг пробился откуда-то сверху, дав мне возможность наконец узреть, что же случилось с *Клинками*, которые в последние секунды стали атаковать совсем не часто.

И опять я пылаю от ярости к этому мерзкому богу! Вот надо ж было придумать этот туман, что скрывает их тела. Мразь лишила меня единственной радости — посмотреть на их обгоревшие тела! И теперь мне приходится наблюдать за тем, как два дымящихся то ли от жара, то ли от этой их особенности тела доживают свои последние мгновения...

Глава 10 Мой милый друг, спасибо, что ты здесь со мной

«Много лет назад... Где-то...»

Вначале было слово... несомненно, матерное. Благо язык этого мира позволял творить настоящие чудеса сквернословия! Это помогало... первое время. Считать секунды в голове, как герой известного аниме, я, к сожалению, не мог — во-первых, не хватило бы терпения, а во-вторых, я по велению этой сраной драни отключаюсь то каждые несколько дней, то часов, то вообще хрен его пойми!!!

Однажды этот противный голосок, в котором чувствуются предательские нотки моего родного акцента, залез мне в голову! И мало того, что мне приходится выслушивать его постоянный трёп (а поговорить у тысячелетней сущности уж было о чем), так еще и не знаю, когда в следующий раз этот пустоголовый выродок отберет у меня контроль над телом. И самое... печальное, что характер его напоминал мой в прежние времена — такой же слюнтяй, оторванный от общества, винящий кого угодно, но только не себя во всех бедах. Вот только меня этот новый мир изменил, надеюсь, к лучшему, а вот его сильно так потрепало... И нет, жалости к нему или же сочувствия у меня не возникало и не возникнет во век!

В общем, рассказ будет довольно скучный, но мне ведь нужно кому-то выговориться? Хорошо, что ты всегда со мной... Появился тут совсем рядом, не знаю даже когда. Но я рад. Пожалуйста, выслушай.

Уже и не помню точно, что произошло. Я был вместе со стариком и Алисой в Срединных землях. Потом объявился тот странный парень, отпинал деда, а я... Провалился в пустоту своего разума. Я чувствовал, как куда-то иду, чувствовал, как постепенно уставало моё тело, ощущал дикую жажду и голод, иногда адскую боль... а иногда и это липкое и весьма неприятное ощущение какой-то жидкости на своих руках. Позже я, правда, понял, что это было. «Он» мне рассказал, а пару раз даже показал. Ведь в этом «полусне» я не могу видеть, а слух такой приглушенный, будто под водой.

Трупы... Ха-ха-ха-аха-ахахаха!!!! Трупы, они были блять повсюду!!! Целые мать его деревни! Ну ладно деревни, там от силы человек сто наберется. А как тебе города? Там счет шёл уже на тысячи! Не сравнить с современными городами, в которых живут даже миллионы... Но я убил их, всех и каждого, не жалея НИКОГО своими руками, ха-ха... А и крики? Не такие громкие, чтобы резать слух, зато довольно отчетливые. Будто «бог» сам позаботился о том, чтобы я мог всё внимательнейшим образом расслышать! Вот уж «спасибо»...

Иногда в этой тьме... они приходят, говорят со мной. Без злобы или ярости, они просто спрашивают «почему?». Звучу, как сумасшедший, да? Знаю... знаю. Но как бы я ни пытался, сколько раз бы не говорил себе, что всё это выдумки дольного разума, мои фантазии, порождение стресса и чего-нибудь еще, НИЧЕГО не помогало! Хорошо, что есть ты... Просто сидишь здесь рядом и слушаешь. Надеюсь, ты понимаешь, что я говорю, ведь только так я могу показать, насколько я благодарен тебе.

С того самого момента прошло... не знаю, ха-ха... Может, пару месяцев или даже лет, я не знаю! С какого-то времени смертей стало меньше, я даже привык к вечной жажде и голоду, к грязи и вони. А когда «бог» отпускал меня, был шанс все эти проблемы устранить.

Первые разы я пытался сбежать, рассказать хоть кому-то, вернуться в Срединные земли... Там старик Бермунд, там Алиса — они-то уж точно смогли бы мне помочь. Но неет, «бог видит всё»!!! И я продолжал идти, каждый раз оказываясь в совершенно разных местах — то в Королевстве, то в Стране Вод, то опять в Империи, по ней я ходил особенно много, истоптал её вдоль и поперёк.

Даже удивительно, как моё тело смогло выдержать такую «прогулку»... Хотя, я ведь ГЕРОЙ!! Славный и отважный воин, что спасает мир от заразы, самого ЗЛА... Каким же нужно быть пропащим героем, чтобы тебя это самое ЗЛО и призвало, и управляло тобой, используя в своих лишь ему понятных целях.

Выход был лишь один...

Стоял дикий холод, а моим телом я мог бы терпеть его хоть целый день. Проблема в том, что на заледенелых пиках гор я провел уже как минимум дней пять. Пальцы... синие, местами даже черные, покрытые омерзительными пузырями, и не двигаются совсем. Зубы уже наверняка пообломались от вечного стука. Есть ведь святая сила, сказал бы ты, но, как это ни смешно, сил использовать эту силу у меня совсем не осталось. Сейчас я способен лишь раз в несколько часов шевельнуться с весьма болезненными последствиями...

Одежда изорвана, вонь от немытого тела скрывается ледяными ветрами да и приторным запахом таких же заледенелых масс крови, которые я иногда обнаруживаю тут и там на себе. Уж не знаю, кого я в этот раз убил этими самыми руками, которые, вероятно, скоро окончательно отмерзнут, и этим самым клинком... Красивый такой, я в кузнечестве не разбираюсь, но тут и мне видно — работа мастера. Инкрустированные драгоценные камни, по лезвию идет блеклый след, напоминающий дракона, само оно почти не теряет заточки, а ножны — произведение искусства. Знал бы этот самый мастер, что его изделие порубят, истерзают и расчлняют тысячи ни в чем не повинных самых простых людей...

И лишь единственный раз этот меч должен послужить на благо. Как там говорят? «Бей тварь в её же логове»? Ну, посмотрим, сработает ли...

Почерневшие пальцы с хрустом разогнулись и откинули ножны, те стукнувшись о склон скалы, исчезли в темноте ущелья. Сил уже нет, дыхание сбивается, а боль настолько сильная, что хочется умереть прямо здесь... Но так просто я не умру, неет. С диким криком я поднял клинок, что теперь весил, казалось, целую тонну. Пальцы потрескались, выпустив алую кровь наружу, а волдыри полопались, и из них потекла зеленовато-жёлтая жижа. Запаха её я не почувствовал, но уверен — пахла она отвратно! Кажется, говорили, что смерть утопленника — самая мерзкая? Мол, достанут его тело, а кожа бледная и цвета затхлого озера, рот полон глины, водорослей и всего остального, что только обитает на дней, язык распухший и вывален наружу. Так вот моя смерть будет такой же неприглядной. Я ведь говорил, что не умру так просто? Ну да, я ведь, хах, герой! Силён телом и духом. В-основном телом, так просто этот самый дух его не покинет... Но я еще и находчивый герой!

Суставы щелкают, отбивая последние секунды моей проклятой жизни. Острие клинка устремляется в небеса, наверное, там сейчас здравствует этот ублюдок. Сидит, ухмыляется, непрерывно болтает своим тоненьким язычком. Еще посмотрим, кто будет смеяться последним! Я-то не буду, конечно, — сил нет. Надеюсь, ты за меня посмеёшься.

Ну... вот и всё. Дело осталось за малым. По моим скудным расчетом всё должно пройти гладко... Ха-ха... А это даже... страшно. Н-не думал, что будет так. Ну, давай же, тряпка! Столько слов, а под конец трясешься, как последний трус. Застывшее сердце сейчас старается изо всех сил, гонит кровь и по жилам, а та вытекает из трещин на пальце и

всевозможных ран. Жаль тебя огорчать, но это бесполезно, можешь остановиться...

Т-ты ведь расскажешь потом мою историю? На героическую эпопею не тянет, конечно... Но уж, что есть. В общем надеюсь на тебя!

Оставалось лишь расслабиться, и тело само под своим весом качнулось вниз. Идеально острый клинок с филигранной точностью вошел прямо в горло, каждый редкий вздох отдавался хрипотой, а глаза сами собой закрывались. Тело завалилось еще сильнее и покатило по скалистому склону, с хрустом костей стучаясь об острые каменюки... Наверное, было бы больно, но я уже ничего не чувствую... совсем ничего. Никакого света в конце туннеля, ни моментов прожитой жизни... Может, она была такой скучной и жалкой, что мне решили её и не показывать? Об этом я думал, когда моё тело утонуло в бездне глубокого ущелья меж горных хребтов...

Жаль, а план был хорош. Но, как это всегда и бывает, не удался. Каким-то чудом я пришёл в себя уже на юге Империи, без ран, холода и голода, только руки по-прежнему были покрыты кровью и явно не моей... Или то был уже не я? Может, «я» действительно умер там в горах на севере Империи, и теперь моё тело занимает кто-то другой с моими воспоминаниями? Бред, да и только.

Ну, зато я могу всё это рассказать тебе! И опять я очень рад, что ты здесь со мной. Надеюсь, ты никогда меня не оставишь и не уйдешь никуда. Я в последний раз с улыбкой взглянул на её немного скошенную улыбку, закрытые глаза и чуток взъерошенные волосы цвета пшеницы. Только она не упрекала меня, не обижала вечными вопросами «зачем?», только она... Я подошел чуть поближе, провел рукой по волосам. Ой, ну что ж ты такая неуклюжая, вот... Я поправил оторванную голову маленькой девочки и поставил её обратно, так чтобы она смотрела на меня.

...

— А ты помолодел, Бермунд! Ха-аха-аха-аха-аха-аха!!!! Где столько скинул? Признавайся! Тоже, хех, душами балуешься? Хи-хи-хи-хи.

— Ага, ты тоже изменился. Здоровый стал, как булыжник... А та тварь, что внутри тебя всё не меняется, эх. Пропавшая сущность. Небось, тебя в твоём мире, задирали, дай боже, хех. Что, с девчонкой какой не свезло, и ты сюда перебрался? Мусор, тьфу! — сурово и со сталью в голосе отвечал старик, хоть и шутил, а в позе его, выражении лица не было веселости. Он лишь пытался сдержаться... чтобы не убить.

— Т-ты... ТЫЫЫЫ!!! УБЛЮДОК, ДА КАК ТЫ ПОСМЕЛ, МРАААААЗЬ!!!! — у совсем не юное тело героя выпустило из себя мощное заклинание. Шар концентрированной маны, наполненный чистым и жгучим пламенем, с огромной скоростью понесся на Бермунда. Тот притворно зевнул и отмахнулся от него, как от назойливой мухи.

— М-да, какой же ты жалкий... И как я повелся, во дурак старый. Я так понял, ты все эти года, хех, «тренировался»! Скольких же ты убил...? — обращался старик к богу, лицо которого перекошило от злости и удивления. — ОТВЕЧАЙ.

— Х-ха! Д-думаешь, я их считаю? Они ничто предо мной! Я! Я властитель всего, Я и господин и хозяин! Благодаря МНЕ они получают то, что не заслуживают! БЛАГОДАРИ МНЕ РОД ЛЮДСКОЙ ПРОЦВЕТАЕТ В МИРЕ БЕЗ ЭТИХ ПРЕЗРЕННЫХ ДЕМОЖАЛКИХ АЛЬ-ГОДОВ!!! — два голоса слились в один и молвили хором.

— Ты хоть еще помнишь, кто ты?

— КОНЕЧНО, Я(АМИР)*?*?*?;:№*;:»(!!! Что? Нет, я(АМИР) «№;»(«*;»?? ДА ТВОЮ МАТЬ! Я(МЫ) не желаю(ЕМ) тебе отвечать!

— Я так и думал...

Камияма Шин, точнее «бог» в его теле был... жалок. Иногда старик во время боя вдруг представлял, что дерётся с самим героем, и ему становилось грустно от этих посредственных ударов, медлительных выпадов, отвратной техники, да и просто СЛАБОСТИ. Бог бы настолько слабым, что Бермунд даже не видел в нём противника, единственное, о чем он думал — как бы не слишком повредить это тело. Но, к счастью старика, он был весьма и весьма опытным воином и таким же героем, и он, как никто другой, знал, что, не вырезав сердце или не раскрошив голову, его не убить. А значит, всё остальное позволить он себе мог...

«Бог» кидался магией на право и налево, что для старика было всего лишь детской забавой. Да, магия *героя* сильна в любом её проявлении, но недостаточно. Любой хоть слегка догадливый человек ну или тот, кто владел знаниями современного мира, знал слегка физику и химию мог бы догадаться совмещать элементы. Например, самое банальное — огонь и воздух. Бермунд уж не говорил о чем-то более сложном. В своё время, будучи таким же, как и бог, человеком мира более развитого, он придумал великое множество способов применения неограниченной магии *героя*, которыми, правда, пользовался довольно редко, отчего многие из них позабыл, а многие применял на автоматизме.

И то, что показывал ему «бог» — правитель мира, по определению мудрейшее и стоящее выше всего существо, старика сильно разочаровывало. Он жаждал настоящей битвы, великой, достойной и его, и «бога»! Но, видимо, достоинство этого «бога» так низко, что получалось только это... жалкое подобие.

Старик играючи отбивал ману голыми руками, а её незначительные последствия тут же исцелял. Что уж говорить про более близкие столкновения... «Бог» нелепо вытянулся, направив свой меч куда-то в плечо, а Бермунд, махнув подобранной где-то корягой, чуть не выбил оружие из его рук и силой пнул того в грудь, отправив в непродолжительный полёт. Свой же «клинок» он так и не вынул из ножен, хотя, то, что там хранилось, и клинком-то назвать, язык не повернется — ржавая железку, которую он, кстати, тоже подобрал где-то по дороге. Такой разве что свиней погонять...

Когда старик задумался о том, что это весьма и весьма подходило для того, с кем сейчас сражался, он усмехнулся, а потом и вовсе расхохотался, так что земля еще пуще затряслась. «Бога» это, правда, только больше вывело из себя, и он опять кинулся на Бермунда.

Глава 11 Сон

«Ха-хаа-хах, фухх!», — на всех порах несся по стене обеспокоенный солдат.

— Главкомандующий... хааа, Кирстен! Разрешите вопрос! — вытянулся он по струнке перед Кирстеном.

— Нашёл ты время, солдат... Осколок с тобой, разрешаю! — отвечал Кирстен, не отрывая взгляда от натурального побоища, что происходило уже на протяжении пары минут в нескольких десятках метров от крепостной стены.

— Шо с обозом делать?

— С каким, етить тебя за ногу, «обозом»?! — огрызнулся главкомандующий.

— Дык жратву везут...

— ... - Кирстен медленно перевел взгляд на солдата, и лицо его сделалось таким же обеспокоенным. — Твою м-мать! Сегодня что ли?!

— Т-так точно.

— Зря ты напомнил, солдат... — вздохнув, сказал Кирстен.

— Как это? Жрать-то хочется...

— А вот так! За жратву воевать надобно... Хаа. Лучники, на северную стену! Конница, за мной! Пехота, оборонять форт! Борислав! Где тебя носит?! За главного будешь!

...

— Нет, ты никуда не пойдешь, сестра! — кричала Ларика, крепко сжав свою сестру за руку.

— Пусти.

— Давайте успокоимся, поговорим...

— Заткнись! — осадили сёстры Зена и злобно уставились друг на друга.

— Когда же до тебя дойдет, что я просто пытаюсь защитить тебя?! Почему ты не понимаешь? Почему ты такая дура?! — распалилась Ларика. — Неблагодарная девка! Я столько лет искала тебя! Дошла аж до сюда, чтобы мы снова были вместе как прежде...

— ...

— Что молчишь? Слишком долго доходит?! Мне говорить медленнее?! Или это тебя так «исправили», что ты отвыкла разговаривать с НОРМАЛЬНЫМИ людьми?!!!

«Ооо, а вот это зря она! Ха-ха-ха-ах! Вот уж «сестра» так «сестра»! А, мальчик?»

«Надо что-то с этим делать...»

«Делай, кто ж запретит. Но на меня не рассчитывай!»

«Что? Почему?!»

«Мне это неинтересно. Ты хочешь мне всё веселье попортить, хи-хи!»

— Я к тебе со всей душой! Но ты не понимаешь по-хорошему... Видимо, с тобой нужно по-другому! — Ларика с силой толкнула седовласую, и маленькое тельце устремилось к стволу дерева, с треском ударившись в него. А следом последовало и излюбленное оружие *Жнецов* — две пары метательных ножей пригвоздили конечности Марики намертво.

— Что ты творишь?! Она ведь твоя сестра! Как можно... — кинулся было Зен, но встретился с гневным и даже немного безумным взглядом Ларики.

— Не мешайся, если не хочешь умереть! А ты! Пойдешь со мной и будешь делать так, как Я скажу! — она медленно приблизилась к «сестре» и выплевывала слова ей прямо в лицо.

— Значит, ты такая же... — тихо произнесла Марика. Её сестра вышла из себя и, видимо, поэтому не заметила, как металл её ножей мгновенно проржавел и осыпался, а раны, оставленные ими, тут же бесследно затянулись. Марика сделала шаг, и трава под её ногой превратилась в пыль, земля засохла, покрывшись глубокими трещинами, а то самое одинокое дерево жалобно затрещало и стало прямо на глазах тлеть, осыпаясь мелкими кусками.

Девушка провела своей бледной ручкой, окутанной черным туманом, по щеке Ларики, а та, испугавшись, отстранилась, выхватила меч из ножен и с яростным криком направило его девушке прямо в сердце. Удар был быстр и точен, но не достиг своей цели. Клинок мгновенно развеялся по ветру, а в руках у Ларики осталась лишь рукоять, что уже начинала гнить. Она ошеломленно хлопала глазами, со страхом уставившись на свои руки. Трудно было сказать, о чем она думала, да и... думать ей пришлось совсем не долго.

От кончиков пальцев и от того самого места на щеке, куда её тронула сестра, начала расходиться сама Смерть. Кожа чернела, покрывалась струпьями и наростами с гнилью, но действие сие было недолгим. Она даже не успела закричать от ужасающей боли, когда всё её тело стало тихо и безмятежно осыпаться прахом на землю. А Марика, даже не взглянув на неё, прошла мимо и услышала последнее слово своей сестры, отозвавшееся болью в не таком уж и черном сердце, — «ТВАРЬ» — прошептала она напоследок, а глаза её были полны чистейшего страха.

Удивительно, но сила Марики никак не задела Зена. Он лишь остался сидеть на маленьком зеленом островке «жизни», с ужасом созерцая, как оставшаяся после Ларики горстка серых хлопьев развеивалась по ветру. И пока он пытался осознать, как так вообще вышло, Марика ступала дальше, всё живое на сотни метров вокруг гибло от её поступи — трава гнила, земля сохла, пролетавшие мимо птицы падали замертво и обращались в прах. И лишь черные, как сама ночь, вороны, усевшиеся на вершинах елей в густом лесу неподалёку, остались невредимы и с благоговением наблюдали своими глазами-бусинками за тем, как повелительница всего не живого двигалась туда, где этих самых живых с каждой секундой становилось всё меньше и меньше...

...

Представьте себе самый печальный, ужасный, грустный и... можно подобрать еще десяток такого же рода слов, но их не хватит, чтобы описать ТАКОЙ исход. Люди, за жизни которых так радела Бьянка теперь ввязались в бойню, не имеющей даже никакого смысла, они гибли сотнями и тысячами, даже не зная, за что они умирают. Самый родной мне человек в этом мире только что своими руками забрал жизнь единственной сестры и теперь идёт в самую гущу той самой бойни. Быть может, ей нужно было выпустить гнев или забыться в нескончаемом кровопролитии — я не знаю, но не такой жизни я для неё хотел, поэтому и оставил тогда. Выходит, всё это было зря?

О, и самое главное, как же я позабыл! Пока старик там упивается своим превосходством над богом, я беспомощно с хрипами и бульканьем заливаюсь собственной кровью в самом центре всей резни. А вышло всё довольно просто — последний *Клинок* успел сбежать и скрылся среди толп обезумевших. И... сильно отожрался на них, слишком сильно.

Пока я искал его, пока отвлекся на взявшуюся тут не понятно откуда Марику, он просто появился прямо передо мной, настолько быстрый и сильный, что я не мог даже разглядеть его движений. Один лишь выпад, и я оказался на земле, прикованный его клинком, что оказался прямо в сердце. Я пытался как-то защититься, выставляя перед собой горы черного

металла, пытался достать его им же, но *Клинок* голыми руками крошил его, как сухие ветки... А дальше он просто смотрел, как тысячи марионеток «бога» накинудись на меня, пытаюсь буквально сожрать заживо.

Где-то там выступила и Имперская армия, видимо, безумные совсем потеряли контроль и стали нападать на всех подряд... А я мог лишь сокрушаться о своей беспомощности и бесполезности всего пройденного пути, ведь совсем не важно, насколько сильно ты старался, как много страдал, если в итоге всё это приведет к неудаче. Хотя тут я могу винить лишь собственную глупость, ведь, как оказалось, я ничем не отличался от того же Императора или же Бога. Упивался силой в надежде на то, что всё сложится как-то само собой. Хах. Не сложилось...

Тратил время на бесполезные занятия, скитался тут и там, позабыв о главной цели, при этом внушая самому себе, что всё еще иду к ней. Распинался тут о том, какой этот мир неправильный, говорил о том, что потерял смысл жизни... Бла-бла-бла. Идиот... а каждого идиота ждёт бесславная смерть.

За это время я успел уже несколько раз проклясть свою почти бессмертность, которая так отчаянно пыталась вытащить меня к живым с того света. Вот только сил уже не было, живая масса поглощала меня медленно, кусочек за кусочком, но рано или поздно начатое они бы закончили.

В далеке бежала Марика на своих маленьких ножках, что-то кричала, но ей было не успеть. Я лишь смутно мог расслышать её голос, такой приятный и по-своему родной. Старик совсем забылся, казалось, он уже давно сдался, и все эти тирады об искуплении грехов и убийстве Бога были лишь пустым трёпом. Но не мне осуждать его... не мне.

Странно, но сейчас я чувствовал себя лучше, чем когда-либо! Противный и назойливый шум отступил, голоса стихли. Вся ярость и сожаления ушли сами собой. Даже как-то грустно осознавать, что такой исход меня устраивал. Плевать, что будет с этим миром, плевать, что станет с его людьми. В конце я беспокоился лишь о Марике, но она должна была справиться, в отличие от меня. Так я и погиб...

...

Зет уже не узнает, что было дальше, поэтому расскажу вам это я.

Хорошо вооруженная, подготовленная Имперская армия под командованием Кирстена Вольфена разгромила обезумевших в пух и прах, понеся не столь значительные потери. А в это же время герцогиня Рассел со своим трехтысячным войском победоносно вошла в столицу, сопротивления ей оказывать было некому, и они добрались до самого дворца. Захватили Императорскую семью и их приспешников и последователей. А позже на следующий день казнили их на главной площади. Бьянка стала властвующей Императрицей, а Зен был объявлен прямым наследником. Вместе со своими союзниками Бьянка проводила десятки реформ в пользу уравнивания прав простолюдин и аристократии, но так как влияние оков Бога никуда не исчезла, изменения эти мало к чему привели.

Оставшийся *Клинок* просто исчез, ведь успешно выполнил свой приказ, и более его никто не видел. Бог опять потерял контроль над телом героя, чему был очень раздосадован, но своего главного врага он всё же убил. И Камияма отправился вместе со стариком обратно в Срединные земли. О нём ничего не было слышно следующие два года, а позже он внезапно объявился в одном из городов Империи. Часто нанимался в охрану караванов или в компании по уничтожению разбойников вблизи главных торговых трактов, за что его сильно жаловали, но в то же время ходили странные слухи, будто героя лишился рассудка и часто

разговаривал сам с собой.

В день бойни войском Кирстена было убито более семидесяти тысяч жителей Империи, Королевства и Страны Вод. Все страны, приняв во внимание весьма странные обстоятельства побоища, не выказали никаких претензий. Поэтому Кирстен, как и обещал, встал на сторону новой Императрицы, заняв пост военного советника при дворе.

А что до Марики, её замечали тут и там по всему континенту в совершенно разные времена. Шли десятки и сотни лет, а известия о её появлениях всё продолжали ходить из уст в уста. Со временем сложилась весьма правдивая легенда о Королеве Смерти, что объявляется дабы покарать род людской за все их грехи. Это дало толчок новой вере, основу которой заложили двое мужчин — барон Остин и бывший первосвященник Зеф Ирка. Вместе они составили писание, где пролили правду на многие странности, творящиеся в мире, составили заветы, чтити доброту, самопожертвование и самое главное — истинное знание. Новая религия объединила в первую очередь всех отрешенных мира всего, которые звали себя «знающие». Храмы по всему миру с радостью предоставляли им кров, еду и лечение. В замен же местные священники просили поделиться лишь толикой мудрости, которую они тщательно накапливали на протяжении всего существования религии, дабы наконец понять, так ли странен был этот мир...

...

— М-да, и вот это читает нынешняя молодежь? Ну и дерьмо! — съязвил седой старик, отбросив книжку, на обложке которой красовался красный круг.

— Ну, деда! — маленькая девочка, сидящая перед койкой своего дедушки, окруженная медицинской аппаратурой, мило надула свои щечки и отвернулась.

— Что «деда»? Пять лет в коме лежал, и это первое, что мне дают почитать! Вот ведь... Куда катится литература?

— Да ты просто старый, вот и не понимаешь!

— Вот уж и правда, ха-ха-ха! Ну всё, тебе еще уроки делать. Спасибо, что навестила внученька. — улыбнулся старик и с трудом приподнялся, чтобы погладить девочку по голове.

— Угум, тогда я пойду...

— Иди-иди.

Действительно... дерьмо. И голова трещит пуще прежнего, вот ведь... И надо ж было умудриться свалиться со стремянки! Пять лет комы, а ты эти в белых халатиках еще говорят, что повезло, тьфу! Хах, повезло... И с памятью что-то не то в последние дни. Последствия комы? Или совсем уж старый стал?

Да и кома эта... странная. Будто длинный сон видел, но, как и полагается сну, ни черта не помню! Обрывки одни... И книжку эту прочитал, так и вовсе стало казаться, будто о ней я сон и видел. Чудеса, да и только.

Глава 12 Проснись и пой

Дни в больничной палате текли ужасающе медленно, а всё из-за того, что заняться было нечем. Для человека занятого, суетного жизнь пролетает с бешеной скоростью, а вот лодыри и любители отлеживаться в постели могут в полной мере оценить безмятежность времени в купе со всеми «радостями» жизни. К последним я себя, конечно, не причисляю, обо мне всегда говорили, как о человеке деятельном, но эта больница... она убивает.

Телевизор сломан, пачка газет в угле уже затерта до дыр, да и выпуски это десятилетней давности, и из всех развлечений остается наблюдение за опадающей листвой через окно и не слишком интересного содержания книжка трёхтомник, которую я уже успел прочесть на свою голову. По натуре своей я отнюдь не романтичен, поэтому удовольствия в разглядывании оконной рамы не нахожу никакого, вот и остается лежать, уставившись в потолок больничного цвета и прокручивать самые разнообразные мысли в голове.

Например, сожалеть о том, что пять лет назад мне оставалось проработать всего два месяца до законной пенсии, и вот что теперь с ней будет... Непонятно. Еще можно поволноваться о начавшихся проблемах с памятью. Нет, жизнь свою я помню довольно хорошо, родился, учился, работал, женился — это всё есть. Но вот это назойливое ощущение того, что я что-то да позабыл, никак не отступает.

В палату постучались, и, не дожидаясь моего ответа, в комнату вошла низенькая медсестра, у которой под головным убором проглядывалась копна седых волос. Вот уж не повезло бедняжке, такая молодая, а уже... эх. На бейджике красовалось её имя, выведенное большим жирным шрифтом — «Марина».

Девушка молча прошлась по палате, проверила показания приборов, приоткрыла окно, взяла что-то с тумбы и отправилась обратно на выход. Вот ведь чудная, ни здрастье, ни до свидания! Посетовав на отсутствие манер, я принялся опять разглядывать потолок, но тут до меня донеслась тихая фраза из-за дверной щелки — «Значит, ты сдался?». Вот уж порадовала старика! Зашла тут вся такая, еще и говорит такое. Как же, «сдался»? Хрен вам, сейчас отлежусь, пройду реабилитацию и будут бегать в припрыжку пуце вашего!

На следующий день ко мне заглянул мой давний товарищ. Сначала я его даже не узнал! Старик Борис скинул годков так десять, во чудеса... От побелевших локонов не осталось и следа, теперь его голову покрывала шикарная русая шевелюра, морщинки разгладились, да и в общем выглядеть он стал посвежее.

— Ну ты даешь, Боря! Помолодел, жену что ли нашел?

— Да какой там... Знаешь же, как у меня с этим... — грустно улыбнувшись, отвечал Борис.

Даа, у Бори судьба не завидная. Женился в одно время со мной, детей родил, помню еще как бегали они в парке у нашего завода. И жена красавица... А потом попал Борис под сокращение кадров — противное слово, и ведь не говорят «увольнение», придумали покрасивше, чтоб народ не пугать. В общем, лишился Боря работы, образование у него никакущее было, вот и ходил по собеседованиям пару месяцев... пока жена от него не ушла, забрав детей в придачу. Нашла себе богатого красавца из Литвы и полетела к нему домой. Только не долетела... Говорят, двигатели отказали, и рухнул самолет с двумя сотнями пассажиров на борту. Боря так и не оправился, всё говорит, мол он их и погубил...

— Ты сам-то как, фюрер? — назвал он меня по прозвищу, а всё потому, что фамилия

моя — Зейман, и сколько раз им не говори, что происхождение у неё славянское (когда-то в интернетах вычитал), так ведь не слушают. — Я вот тебе почитать принёс, небось помираешь со скуки.

— Да, скука она такая... Ну, ничего, меня внучата время от времени развлекают! А твой подопечный там что? Уж, хех, пять лет о нём не слыхал. — лицо Бори сделалось мрачным, и он нехотя начал рассказывать.

— Парень-то он толковый, еще и «учителем» зовёт, чего еще желать. Да вот только несчастья на него напали, черная полоса началась, чтоб её... И поплыл парень, а у него в роду еще шизофреники были, вот и... эх. Сейчас постоянно ходит по психиатрам.

— Не свезло, что тут скажешь...

— Ну-с, я, пожалуй, пойду! Тебе не хворать, а мне еще к соседке Алиске зайти надо, она ведь одна совсем и с палисадником своим не справляется. Уж целый ботанический сад высадила! — Боря попрощался и ушёл, а в палате снова воцарилась тишина, которую время от времени разбавляло механическое «пиканье» приборов.

Я вновь задумался, а в коридоре тем временем стал раздаваться отчетливый стук каблуков. Стук этот, казалось, стал звучать прямо в голове, так что с каждым шагом непонятная дрожь шла по телу. Что-то мне поплохело не на шутку... Звуки вдруг слились в один ком, что-то звенело, жужжало и шипело, как сломанное радио или рой саранчи над полями, в общем хрен разберешь. Шум этот был настолько сильным, что заглушал всё остальное, так еще и голова от него буквально раскалывалась. Но стук каблуков за дверью я по-прежнему слышал...

Пока я корчился от боли в попытках нажать на кнопку вызова медперсонала, дверь отворилась, и там стояла она — вчерашняя медсестра, Марина. Вот свезло, и вызвать никого не пришлось... Хотя на эту девушку у меня надежд не много.

Она опять безмолвно прошлась по комнате, не сказав ни слова и не обратив на меня никакого внимания, а после уселась на стул рядом с кроватью.

— Понравилась книга? — спросила она голосом тихим и с небольшой хрипотцой, странно, но голос её согнал весь шум на нет.

— Книга? — сумел я лишь вымолвить, когда пришёл в себя. А Марина покосилась на книжку с красным кругом на обложке, что лежала на тумбе рядом. — Аа, да куда там! Я, конечно, поддерживаю начинающих авторов... Но вот за ЭТО еще и деньги платить! Увольте!

— Что не понравилось?

— Ты от меня рецензию ждешь? Хах, да тут целый список, начиная от полной необразованности автора в деталях средневековья, ограниченным словарным запасом, заканчивая абсолютно невнятным финалом. Где это видано, чтоб история вот так заканчивалась?! Хотел удивить, так удивил... в плохом смысле слова.

— Какой бы вы хотели финал?

— Да там всё с середины менять надо! — постепенно я втянулся в разговор, позабыв и о шуме, и о головных болях. С девушкой этой почему-то было приятно общаться, будто я знал её уже лет десять. — Главный герой ведь сам говорил, что глупым он был больно и силой своей упивался. Автор же позиционировал его, как сугубо целеустремленного человека, а вышло всё... как вышло. Не маялся бы, извините, фигнёй, всё б получилось, а так... Не герой, а одно название! У него ж такой потенциал, столько возможностей, а автор на подарки не скупился! Показал, конечно, что не всё так просто достается, но всё же...

— Теперь ты ПОНЯЛ ОШИБКУ СВОЮ, ВОИН? — голос девушки вдруг странно образом разделился на сотни и сотни совершенно разных, они звучали не одновременно, постоянно то опережая друг друга, то запаздывая. Голоса те были так проникновенны, что достигали самой глубины души. Откуда-то вдруг закрался страх, и при взгляде на девушку меня охватывала дрожь. От испуга я схватился за поручень и чуть не упал с кровати, так как тот тут же осыпался прямо у меня в руках.

Чертовщина какая-то! Что вообще твориться?! Может, я еще сплю? И всё это происходит в коме? Тогда уж больно сон реалистичный! Приборы горели всеми цветами радуги, пищали, звенели и дребезжали. Подставки под ними, шкафы, тумбочки, подоконник и стекла стали сереть и обращаться в пыль. Вскоре и стены с потолком осыпались, вот только за ними были не другие палаты и больничный коридор, а огромное бескрайнее пространство, что по виду своему напоминало космос, полный тысяч и миллионов звезд. Меня так заворожило сие действо, что я даже забывал пугаться и удивляться... До того момента, как моё собственное тело пошло по швам.

Такого дикого ужаса я никогда не испытывал за всю свою долгую жизнь. Смотреть, как осыпается твоя кожа — зрелище не то что для слабонервных, скорее для умалишенных! Трещины с ужасающей скоростью огромной сетью ручейков расходились по всему телу, а за ними проглядывалась лишь тьма, что, казалось, готова была затянуть и меня самого. А когда и в поле зрения вот прямо передо мной появились эти трещины, я и вовсе потерял сознание... но буквально на мгновение. И стал опять ошарашенно оглядывать себя, и зрелище меня... такого слова даже не найдется, меня будто вывернули и с силой стукнули о фонарный столб, настолько поражен я был.

Под слоем опавшей кожи оказалось тело другое, совсем не «моё», высокое, подтянутое... даже очень, исполосованное шрамами разной тяжести, а на глаза спустилась копна седых волос. Ну, хоть в этом мы похожи. Рассмотреть себя и дальше мне, правда, не дали те самые голоса, которые к моему удивлению оказались гигантским комком живых разноцветных веревок, по-другому назвать ЭТО язык не поворачивался.

— ВСПОМНИ, ВОИН, ЧТО ПРОЖИЛ ТЫ!

Вот пристал! Дай ты в себя прийти в конце-то концов... «Вспомни», будто это так просто! И почему эта штука такая же, как в книге?! А, я понял! Я сошёл с ума, ну точно...

— ЕЖЕЛИ НЕ МОЖЕШЬ САМ ТЫ, ТАК ПРИДЁТСЯ НАМ ПОМОЧЬ ТЕБЕ! — молчудище и направило сотни своих щупалец прямо ко мне. И ведь не пошевелиться! Да и времени не было, отростки с ужасающей скоростью приближались, а потом и вовсе вонзились под кожу и стали мигать. Но боли не было, лишь навалилась вековая усталость, непривычные чувства заполнили меня — и злость, и сожаления, среди них не было ни единого светлого!

Потом пришли и воспоминания... Всё, что «я» прожил, как Зен... Я стал вновь собой, а время когда я был лишь прикованным к койке стариком казалось теперь лишь сном. Вот только, что было сном, а что явью, я до сих пор не понимал.

— Расскажешь? — спросил я голосом тихим, изможденным и с хрипотой.

— РАССКАЖЕМ. ТО БЫЛА... КАК ЖЕ ВЫ ЭТО НАЗЫВАЕТЕ? ХММ, ШУТКА? И НЕ ТО... — комок сильно призадумался, а мигать он стал реже.

— Шутка? Что именно? И почему ты вдруг разговариваешь нормально?

— ТАК ТЫ ПРЕДСТАВЛЯЛ НАС. НЕ РУШИТЬ ЖЕ МЕЧТЫ! ТЕПЕРЬ ПОЗВ ПОВЕДАТЬ. ВСЁ, ЧТО ПРОИЗОШЛО, НЕ ПРОИЗОШЛО. — вот как? Невероя

понятно. — ЗНАЕМ, СЛУШАЙ ДАЛЬШЕ. ВСЁ НАЧАЛОСЬ, КОГДА ТЫ ВПЕРЕ ПРИШЁЛ К НАМ. МЫ ЗНАЛИ, ЧТО У ТЕБЯ НЕ ВЫЙДЕТ. ОДНА НАША... ЗНАКОМАЯ ГОВОРИЛА, ЧТО НУЖНО БОЛЬШЕ ВЕРИТЬ В ВАС ЛЮДЕЙ! ЧТО ОБЛАДАЕТЕ ИНОЙ «СИЛОЙ»! НО МЫ ВЕДЬ НЕ ДУРАКИ И ЗНАЛИ, ЧТО ТЫ СПРАВИШЬСЯ.

— Значит, всё, что произошло после нашего разговора тогда в Срединных землях, было...

— ИЛЛЮЗИЯ, СОН — НАЗЫВАЙ, КАК ХОЧЕШЬ. МЫ ЛИШЬ ПОКАЗАЛИ, И БЫЛО БЫ!

— Почему просто не сказал?

— ТЫ БЫ НЕ ПОВЕРИЛ.

— Верю... Дурные у тебя шутки. И, что теперь?

— А ТЫ КАК ДУМАЕШЬ?

— А ты будто не знаешь? Нужно либо посильнее стать, либо быстрее душу свою уродовать... Знать бы только как.

— ТВОЯ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА...

— Даже не начинай! Её я в это втягивать не буду.

— ВАШИ СУДЬБЫ СПЛЕТЕНЫ, РАНО ПОЗДНО ЛИ ОНА ОПЯТЬ НАЙДЕТ ТЕБЯ...

— Знаю... хаа.

— МЫ РАДЫ, ЧТО ИЗВЛЕК УРОК, НО ВСЁ ОСТАЛСЯ ПРЕЖНИМ! ТАК ВНЕМ ЖЕ, УЗРИ ЖЕ НАШУ СИЛУ!

— Вот опять ты начал...

— ИЛЛЮЗИЯ ТА БЫЛА НЕ ТАК ПРОСТА. ПРИСЛУШАЙСЯ!

К чему прислушиваться было не понятно... Но кто я такой, чтоб спорить со всезнающим. Прислушался... и вскоре услышал. Ахх, знакомый рой, что жалит нещадно, и голоса, так много голосов, что молят, плачут и кричат! Вот ведь, а я соскучился даже. Но боли не было... Точнее она была, но я так сильно привык к ней, что даже не ощущал.

— Значит, душа уже сильно повредилась? Даже не буду спрашивать, как ты это сделал...

— И ПРАВИЛЬНО, ВСЁ РАВНО НЕ ПОЙМЕШЬ. ОСТАЛОСЬ СОВСЕМ НЕМНОГО УЖ ПАРУ ТЫСЯЧ ВРЯДИТЕЛЕЙ МЫ ТЕБЕ НАЙДЕМ! СПРАВИШЬСЯ ЗА ГОД.

— А что с Империей? Что с Бьянкой?

— НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ТЫ ПОНЯЛ... ИЛЬ БЫЛИ МЫ НЕ ПРАВЫ?!

— Понял-понял... Не моя забота, да?

— ВЕРНО, А ТЕПЕРЬ ИДИ! МЫ УКАЖЕМ ПУТЬ, НАДЕЕМСЯ, ЧТО ТЫ ГО ПРОЛИТЬ КРОВЬ ЕЩЕ НЕ ОДИН РАЗ.

— Ты ведь знаешь, я вовсе не добряк, и хорошим человеком меня назвать сложно... Кровопролитие — моя единственная... забава. — ухмыльнувшись комку напоследок, я оказался выкинут из его странного пространства. И там на другой стороне меня встретил родной опаляющий горло воздух, песчаные бури и злобные твари, порожденные маной. Может, стоило остаться в том мире? Ведь если подумать, там было не так уж и плохо.

Невидимую тварь я заметил задолго до её прыжка, щелчок пальцами, и та оказалась нанизанной на десяток кривых прутьев, что красиво переливались под жгучим солнцем. Кровь водопадом хлынула из его чешуйчатого брюха и окрасила серый песок. Всё же... и этот мир не такой уж и плохой.

Глава 13 Радостная весть

Удивительно, как иногда складывается не складываемое. Мой мир, что никак не желал принимать меня, мир, что ужасал и отвращал самой своей сутью, стал для меня по истине приятным местом для существования. И так же удивительно то, что понял я это, лишь познав смерть... правда, ненастоящую, но в тот момент она казалась мне весьма реальной.

Похоже, я просто стал зависим от него, как человек, познавший вкус богатства, не может остановиться, не может прекратить желать его еще больше, так и я, прочувствовавший на собственной шкуре боль, страдания и лишения. Этот мир стал для меня вечным испытанием, каждую ступень которого я, как больно и ужасающе ни было это признавать, искренне желаю пройти... Это доставляет мне величайшее удовольствие. В том, как я описал свою жажду крови и некоторые странные наклонности, и заключается разница между человеком мудрым и грамотным и человеком дремучим, словно раскинувшимся на многие километры лес. Второй, к сожалению, не сможет так искусно скрыть свои изъяны...

Я уже привык, но подобные мысли всегда приходят ко мне во время схватки, и даже, когда собственная жизнь стоит на кону, невольно начинаешь задумывать о чем-то подобном. Является ли это доказательством моей силы, мастерства или же странности, я не знаю, но... что есть, то есть.

Кстати, о битве — вокруг меня сейчас раскиданы десятки трупов самых вообразимых и не очень тварей: кислотники, василиски, летающие многорукие монстры и песочные черви в длину около десяти метров и сотнями рядами острых жвал внутри пасти. Последнего кислотника я сейчас крепко держу за холку, пытаюсь вырвать хребет. Ранее я бы избегал его выжигающей всё ядовитой крови, но теперь я уже понял, что прежняя сила всё еще со мной. Костяная дуга с хрустом и под дикие крики твари вышла из его туши, а самому кислотнику, что еще немного подрыгивался на песке, осталось совсем недолго.

Вначале я удивился такой орде тварей, ведь ранее «во сне» такого не было, тогда я смог почти беспрепятственно покинуть Срединные земли. Поэтому теперь пришлось ориентироваться на месте, а прежде всего уберечь тело спящей Марики, которую Дух Маны, собственно, и усыпил еще до начала нашего разговора. Но раз время еще есть, можно позаботиться и еще кое о чем.

«Блиньк!»

Имя: *Зет (ранее в мире с присвоенной маркировкой Z-3450D — Родион Зейман)*

Возраст: *41 (ранее в мире с присвоенной маркировкой Z-3450D — 70 лет)*

Раса: *человек*

Редкость дара: *ошибка (при перемещении астральной энергии из мира Z -3450D произошла неизвестная ошибка. Механизм присвоения «даров» работает некорректно)*

Дар: *охотник (основной), убийца, температурный маг, Уроборос, воин Ареса, маг созидания, Тень (обнаружено вмешательство пользователя с правами уровня Администратор — все изменения успешно сохранены)*

О как! А Дух Маны-то оказывается всё это время числился этим самым Администратором. Интересно, Бог знал об этом? Вероятно, нет, хах, куда ж ему. А на счет того, кто такой администратор, есть лишь смутные предположения. Память своего прошлого «я» сохранилась лишь обрывками, и что-то в ней мне подсказывает, что администраторы эти — этакие начальники. Видимо, на правах такого вот начальника Дух Маны и смог оставить

все полученные «во сне» дары и сохранить изменения. Удобно.

С делами покончено, и я решил осмотреться — от дюны до дюны не видно было ни души, поэтому подошел к небольшому металлическому кокону и развеял его по ветру. Моим глазам открылось маленькое спящее тельце Марики... Эх, и что мне с тобой делать? Опять оставить? Так ведь прибежит...

— Эй, Марика! — на мои возгласы и похлопывания по щеке та только сморщилась, но просыпаться решительно отказывалась.

«ЖЕЛАЕШЬ РАЗБУДИТЬ СИЮ ДЕВУ?», — раздались вдруг знакомые голоса в мое голове. А раньше вот так нельзя было? Ответа не последовало.

«Да-да, желаю»

«БУДЬ ПО-ТВОЕМУ!», — сказал Дух Маны, и Марика стала открывать глаза.

— Почему я спала?

— Это так странно?

— Последний раз я спала несколько лет назад.

— Вот поэтому и спала.

— Ладно. — как-то легко она согласилась с этим объяснением, но мне же лучше.

— Пойдем.

— Куда?

— Раньше тебя это не волновало...

— Просто... стало интересно. Подумала, что ты можешь оставить меня. — и почему только в такие моменты она настолько проникательна.

— Теперь... не оставлю. Больше никогда. А пойдем мы к твоим не самым любимым знакомым.

— Те светящиеся? — скривившись, спросила она.

— Да, те самые.

...

Тем временем где-то на западной окраине Империи в грязном и влажном проулке, который даже горожане обходили стороной, в самом темном его угле сидел маленький мальчик, прислонившись к гнилым доскам. Мальчик был действительно очень и очень маленьким даже для своего шестилетнего возраста. Он дрожал, как осиновый лист, гремя костями, что выпирали из его небольшого тельца. Впавшими глазами, что из-за его худобы были излишне большими как две сливы, он глядел на этот мир, который был добр к другим, но точно не к нему.

Но мальчик не задавался такими вопросами, он не считал себя жалким или обиженным, своё положение он принимал как данность. Разве волнует крысу, что питается она лишь людскими отходами? Но в один день всё изменилось, в день, когда мальчик увидел жизнь, что отличалась от его, как небо и земная твердь, как день и ночь. Различие то было настолько велико и невероятно, что мальчик почувствовал себя грязью, что недостойна была созерцать подобного рода людей. Это был именно тот день, когда мальчику «посчастливилось» увидеть остановившуюся рядом полную роскоши карету, обслуживали которую очень и очень опрятные слуги. А позже из кареты вышла она, дама не сильно старше его, десятилетняя девочка с белоснежной кожей, что блестела под солнечными лучами, как самое спелое яблоко. Одетая в удивительной красоты платье, что буквально отталкивало подобную тому мальчику грязь и притягивало на себя взгляды всех горожан до единого.

Тот день должен был изменить мальчика до неузнаваемости, должен бы извратить его молодой разум и оставить глубокий шрам на самой душе. Но к его счастью вскоре с ним произошло еще одно примечательное событие. Мальчику стукнуло шесть лет, дата, что была важнее совершеннолетия или даже юбилея. Боги одарили его... Но мальчику опять не повезло.

Грамотный представлял себе «табличку», как вырванный лист книги с выведенными на нём словами. Безграмотный же, коим и являлся мальчик, представлял табличку в виде образов, которые ему и сообщили, что стал он счастливым обладателем дара под слегка непонятным названием «Лисса», который, правда, делал из него неуправляемое орудие смерти, жаждущее лишь безумств, крови и трупов. И всё это показано было так красочно, что малыш ужаснулся, задрожал еще пуще и уткнулся носом в стену.

«Чего грустишь? Неужели не рад, что сама Я появилась теперь у тебя? Неблагодарный мальчонка! Аааааа, а мы ведь столько вместе прошли! Хи-хи, но ты не помнишь, так что это будет наш секрет!», — такого ласкового и милого голоса он не слышал ни разу в своей жизни. Другие нищие и оборванцы рассказывали, бывало, о «маме», как мальчик понял — это была женщина, что всегда рядом, что оберегает и любит несмотря ни на что. Может, то была его «мама»?

«Вот дурной... Какая я тебе мама? Я, между прочим, еще очень даже молода! А от мужиков меня тошнит! Ну, есть один неплохой... В общем, не мама я тебе! Зови меня Лисса, мальчик!»

Малыш не понимал, откуда шёл этот теплый голосок, он заглядывал в щели окружающих домов искал под досками и прочим мусором, но никак не мог найти его источник.

«Хи-хи, как зверёк! Ну ничего, скоро из тебя сделают человека»

«К-кто ты?», — попытался подумать мальчик у себя в голове, и его тоненький обеспокоенный взглас достиг Лиссы.

«Я? Лисса, правительница безумия!», — радостно ответила она.

«А-а разве безумие — это не плохое?»

«Для вас, людишек, может и плохое. Но что уж тут поделать такая я женщина! Необузданная и своенравная натура, ха-ха-ах-ах!»

Мальчик не понимал и половины того, что говорила ему Лисса, но ему был очень приятен её тон, в нём он чувствовал какую-то заботу, которую к нему никогда и никто еще не проявлял. Все отбросы общества, как он, хоть и жили одной большой группой, скрываясь в самых темных и неприглядных местах поселений, но отношения между ними вряд ли можно было назвать даже дружескими. Между ними шла постоянная борьба за выживание и лишней кусок чего-то съестного.

«П-почему ты пришла ко мне?»

«Мм? У меня предчувствие... что с тобой будет очень интересно и весело!»

«Разве я веселый?»

«Станешь, не волнуйся. Потерпи еще немного, и ты попадешь в правильные руки... Попробуй их понять и не отталкивать. Так для тебя будет лучше»

Мальчик не ведал, о чем ему говорила Лисса, но на первое время решил прислушиваться к этому сладкому и манящему голосу.

...

М-да, прийти-то мы пришли. А дальше-то что? Как туда попасть, артефакта с собой ведь нет...

— Алиса, выпусти-ка побольше своей «Смерти». — сказано — сделано, из тела Марики жутким и наводящим ужас на простых смертных потоком полилась вязкая и противная Смерть. Она мягко окутывала ноги и текла дальше по песку, распространяясь на десятки метров вокруг. Казалось бы уже мертвый посеревший песок никак не должен был стать еще более «мертвым», но сила Марики была не так проста. Волнистые дюны покрывались черными пузырящимися полосами, которые расходились во все стороны.

— Алиса!!! ОТКРЫВАЙ!!! — отшагивал я по округе, пытаясь воззвать к Королеву погибшей расы.

Пески тем временем гнили, ссыхались, трескались и еще бог весть что, пока я наматывал круги, выкрикивая её имя. Терпение Королевы, видимо, не стало прочнее за те сотни лет, которые она уже прожила на этом свете, и пространство в одной точке вдруг стало искривляться и покрываться трещинами. Наконец открылся проход в её великолепный сад, и там же мы увидели её — покрывшуюся испариной, которая была видна даже на её затуманенном лице, и с взъерошенными волосами.

— ВЫ. ЧТО. ЗДЕСЬ. УСТРОИЛИ? — членораздельно и гневно произнесла она.

— Ты бы хоть звонок поставила. Угостишь чаем? — сказал я, когда уже зашёл в её сад.

— Хаа, я занята. По твоей милости, между прочим?

— По моей?

— А из-за кого то мерзкое создание захватило разум Бермунда?!

— Если ты помнишь, благодаря мне же его удалось почти целости и доставить сюда.

— Да-да, чего хотел?! И скажи уже этой прекратить портить природу! Видишь, как лепестки пожухли, бедняжки мои... — склонилась она над своими цветами, как над собственными детьми. Ну, у одинокой женщины свои причуды.

— Марика, можешь уже остановиться.

— Ладно.

— Пришёл поделиться своими планами. Нет нужды так торопиться со снятием проклятия со старика. Всё равно это еще лет десять займет, к тому времени я уже успею избавиться от источника всех наших бед. — я уселся за стол и отпил немного чая, который каким-то магическим образом оказался внутри беседки. Алиса посмотрела на меня с недоверием.

— Может, тебя тоже проверить? Стукнулся где-то? В пророки заделался или к колдунам ходил? — с насмешкой спрашивала она.

«МЫ ПОВЕДАЛИ!», — кажется, их сменяющие друг друга голоса были слышны каждому в этом саду. Марика просто стала беспечно осматриваться по сторонам, а Алиса же сделалась бледной в лице, руки её задрожали, а из-за дымки, скрывающей добрую часть её головы, покапали слёзы.

— П-повелитель? — не веря своим же словам, спросила она и опустилась на колени.

«ДА, ДИТЯ. МЫ РАДЫ, ЧТО ТЫ ПОМОГЛА НАШЕМУ ВОИНУ... ХОТЬ И БЬ НЕКОТОРЫЕ НЕДОПОНИМАНИЯ»

— В-вы не представляете, как рада Я! Я ведь... я ведь думала, что, быть может, вас и не стало с того самого... «хнык»... дня. Что вы ушли! Что вы... «хнык»... оставили нас... — заливаясь слезами, отрывисто говорила Алиса.

«Это нормально?»

«ДА. ИХ НАРОД ВСЕГДА БЫЛ... ТАКИМ. НО НАМ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЕГО ХВАТАЕТ»

«КОРОЛЕВА МАГИР АЛЬ-ГОД АЛИСА, УСЛЫШЬ ЖЕ! РОВНО ЧЕРЕЗ ГОД И ОДЕН МЕСЯЦ, ПРОКЛЯТАЯ ТВАРЬ, ЧТО ПОСМЕЛА СОВЕРШИТЬ СОТНИ И СОЗЛОДЕЯНИЙ, ПОЛУЧИТ СВОЮ ЗАСЛУЖЕННУЮ КАРУ ОТ РУК НАШИХ И ОТ НАШЕГО ВОИНА!»

— ... я поняла. Заставьте его поплатиться! — гневно молвила Королева, а слезы её тут же испарились от жара её локонов. Теперь в Алисе наконец-то чувствовалось присущее ей ранее величие, сила, а главное — неугасающая злость к тому, кто стёр ЕЁ народ с лица земли.

— Ты слышала его...

— Да, отчетливо. Надеюсь, ты подаришь ему самую мучительную смерть...

— Поверь, мне самому интересно, как далеко я смогу зайти.

Глава 14 Разлад и океан

«И где же эти твои «вредители» обитают? Кто ж тебе так насолил?», — поинтересовался я у Духа Маны.

«ТЫ ПЕРЕОЦЕНИВАЕШЬ ВАШЕ, ЛЮДСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА НАС. КАК СОЛЬ В НАВРЕДИТЬ НЕ МОЖЕТ НАМ, ТАК И ДЕЯНИЯ ВАШИ НЕ СКАЖУТСЯ НА НАС!»

«Верно говоришь... Вот только с «богом», видимо, ошибочка вышла?»

«... ЭТОГО МЫ НЕ ОТРИЦАЕМ. ВРЕДИТЕЛЕЙ ИСКАТЬ МЫ БУДЕМ ДЛЯ ТЕБЯ, ВЕДЬ НЕ ЖЕЛАЕШЬ СТАНОВИТЬСЯ ТЫ КАРАТЕЛЕМ НЕВИННЫХ. МЫ ЛИБО НАЙДЕМ ПРИЧИНУ УБИВАТЬ, ВЕДЬ ЗНАЕМ ПРИНЦИПЫ ТВОИ ДОБРА И ЗЛА»

«И каковы же мои... принципы?»

«НАСИЛЬНИКИ ДЕТЕЙ И ЖЕНЩИН, ПОВЕСЫ И КУТИЛЫ, СКУДОУМНЫЕ БЕСПРИНЦИПНЫЕ — ИСХОДЯ ИЗ НАШЕГО ЗНАНИЯ УБЬЁШ ИХ ВСЕХ ТЫ ВОПРОСОВ»

«И сказать нечего... Так, куда идем?»

«СТРАНА ВОД»

«Странный выбор. Там много «вредителей?»»

«МОЖЕШЬ СЧИТАТЬ, ЧТО ТАК...»

Недоговаривает и темнит, сказал бы раньше, будто не к добру всё это. Но сейчас в сомнениях резона нет и быть не может. Страна Вод, так Страна Вод... интересная прогулка получится, правда, уж больно долгая...

...

Тем временем на землях Империи, где чуть не круглый год теплится народ, где в пору, когда прекрасными и шелковистыми коврами стелется трава, цветут и плодятся фруктовые и ягодные деревья, а винодельни начинают пополнять свои запасы винограда, становится так жарко, что дамы изнывают от обилия одежд на их телах, произошёл так называемый «разлад».

В любой семье ведь ладом, то есть верхом был мужчина, который должен по порядкам сладить со своей женой. И, как известно, в любой общине, будь то деревенька, город ли, или королевство целое, когда верха слабы, низы спешат взять всё в свои руки. А то, что в масштабах королевства звать принято бунтом, мятежом, а иногда и целой революцией, в семье же нарекают ссорой. Не проводя подобных аналогий и сравнений, люд, что не привык нагружать себя «пустыми думами» и философствованиями, привык недооценивать величину, серьёзность и последствия подобного разлада — семейной ссоры.

У барона Дэна Остина, ввиду своей мечтательной природы и души, стремящейся к прекрасному, желания и времени на рассуждения такого рода было предостаточно. Настолько, что результаты сего действия вы могли бы обнаружить в столичных библиотеках, а также на руках у выдающихся мыслителей этого столетия. Барон был уж далеко не молод, а потому в отличие от «тварей, дрожащих» право он имел... право считать, что на своём веку давно он понял суть мира и человека. Но один лишь разговор, что имел место быть совсем недавно, сбил с него всю спесь...

Дело было к вечеру, в такое время следует отужинать с семьей, чем барон до этого не пренебрегал, но вот оказия! Кто б мог подумать, что именно сегодня в этот ничем не примечательный день, начнется путь возвышения мало кому известного, неродовитого

барона, что проживал в землях провинциальных (в разговорном смысле этого слова), а значит землях «низких», никому не нужных, далёких от богатств и мод столичных. И кто б посмел предположить, что вскоре только невежа и невежда будут продолжать окружать земли сии столь грубыми понятиями.

Не будем вдаваться в подробности торговые и, как это сейчас модно толковать, экономические, скажу лишь, что барон наш преуспел весьма. Он добивался связей всевозможных — культурных и товарных в том числе — с владениями кланов, издревле зовущихся «Страной вод».

Сегодня же ему пришёл ответ, доставленный лично ему в руки посыльными в одеждах непривычных. Плетеный короб с тесьмой из нитей золотых и аккуратно выжженными на боку инициалами «Л.А.» расположил он на своём столе в покоях личных и вот уж битый час разглядывал его, не открывая, чувством необыкновенным преисполнившись. Фитиль свечной уже развратно оголил свои подолы, но барон всё медлил, трясущиеся руки никак не могли найти в своём хозяине мужества, что лишь украдкой взгляд бросал на сей подарок.

«Тук-тук-тук», — в покои постучали, сначала нежно, чтоб не вызвать беспокойства лишнего, потом стучащий передумал и начал бить дверь так, что та грозила вылететь с петель. Барон же встрепенулся и издал писклявый возглас: «Войдите!».

И она вошла, барон был удивлен, как в его кроткой жёнушке нашлось столько силы, чтоб так покалечить ни в чем не повинную дверь, причем дубовую! Стоит отметить, что баронесса Элизия Остин могла по праву считаться эталоном светской дамы, жены, хранительницы очага и далее по списку. Упрекнуть её не смели даже девы столичные ни в характере, ни в навыках, ни уж тем более в красотах её и нарядах. Достаточно лишь обратить внимание на то, как выглядит поместье земель баронских, которое по виду и богатству своему походило больше на графское.

— Супруг мой... — начала она с обращения более формального, чем используют они обычно. — Мне бы хотелось видеть тебя на семейном ужине. Но вот прошёл уж час... В чем же причина?

Как и любой другой мужчина, Дэн Остин предпочел бы терпеть оскорбления и ярovitость, а не такой спокойный тон. Отчего барон изрядно волновался и отчаянно пытался подобрать слова правильные.

— Свет очей моих! Послушай... причина моего отсутствия проста, но также обоснованна. Я, как муж порядочный, сегодня преуспел! Ведь помнишь, как я ездил с множественными визитами в Страну вод? Теперь же наконец прислали мне ответ, вот, погляди. — всё еще трясущейся рукой указал он на короб.

Баронесса же, не отрывая взгляда от барона, заставляя того буквально сжиматься в кресло, прошла к столу и опустила перст на крышку короба.

— Что же в нём, изволь поинтересоваться?

— Доказательство сотрудничества, я предполагаю... — лицо жены из хмурого переменилось в удивленное приятно, она открыла короб... и раздраженно выдохнула.

— ЭТО? «Доказательство сотрудничества», полагаешь? Наслышана я о мужах-изменниках, но кто бы мог предположить, что изменять супруге можно не только с женщиной или, не дайте боги, с мужчиной... Ваше «пристрастие», барон, сведет меня в могилу! Это же надо, вы только посмотрите!!! — всё распалаясь она, а Ден Остин и не ведал истинной причины недовольства. Он лишь изумленно взирал на свою жену, что в гневе расхаживала взад-вперед по кабинету.

Тут её взгляд остановился на мольбертах, что были прикрыты белыми полотнами. Барон запаниковал.

— О-остуди свой пыл, любимая!

— «Любимая»?!! — вскрикнула она и стала сдергивать полотна одно за другим, в полумраке комнаты ей открывались десятки и десятки плодов многолетнего труда барона. Такие чувственные и великолепные, что любой критик воспылал бы к ним любовным чувством.

Барон же с ужасом наблюдал за тем, как всё тайное становилось явным. И тем более пугало его то, что Элизия всё это время из рук не выпускала короб.

— Думали, я не знала?! Думали, хоть кто-то в этом доме не знал?! Как же низко ваше мнение обо мне?! Сколько сил я приложила в управление помещьем, сколько чувств и лет своих я отдала нашей семье?! И всё ради чего? Ради того, чтоб муж мой занимался ЭТИМ? Уж лучше б был ты мужеложцем...! — «нет ничего печальнее на свете, чем повесть о любви неразделенной...».

Баронесса не осушила хрусталь очей своих, хоть он готов был треснуть и разлиться жидкостью солоноватой и сейчас. Она выхватила то, что лежало к коробе, и поднесла это прямо к лицу барона. С силой сжала, мягкое тесто пошло трещинами, глазурь белёсая осыпалась на пол, а густые внутренности растеклись по письменному столу. Она ушла безмолвно, оставив барона наедине с Великим горем...

«Заморский пряник» — именно это барон попросил прислать ему в знак согласия. Сие яство он случайно лишь увидел в разноцветных лавках на базарах города озерного... Любовь с первого взгляда, кажется, так романтики окрестили подобное чувство. Уставший от родных сладостей барон вкусил запретный плод, экзотику заморскую. Изменник и предатель — так его назвала собственная жена, таким себя считал и он... То было начало перемен.

...

Минуло две недели, а мы уже стояли на границе со Страной Вод. Вот выявилось и еще одно применение знаниям, полученным «во сне», знаниям о ходах между аномалиями, разбросанными по осколкам. С их помощью и удалось преодолеть путь, занимающий у караванов несколько месяцев, всего за пару недель.

Из-за этого же «сна» я смел считать, что уже пройденный путь окажется в этот раз изрядно скучным, но и здесь я ошибался. Мне доводилось ранее встречать озера — от больших и малых до наполненных магической живительной водой... Но как можно сравнивать жалкие озёра Имперских земель с настоящим океаном, о котором я читал лишь в книгах? Как можно было представить себе водную гладь, напоминающее голубое зеркало без окаёмки? Потому мы с Марикой и стояли у каменистого берега, омываемого волнами, разинув рты. Странно, что даже Марика удивилась, видимо, ей такое по нраву...

— Первый раз на окияне, гости добрые? Хе-хе-хе! — подошёл к нам мужичок в кафтане и курительной трубкой, из которой едкий дым валил клубами.

— С чего ты взял, что добрые?

— Так ежели не при добре, не переплыть вам окиян! Уж больно дорогое это удовольствие.

— И сколько, если не секрет? — мужик прикрыл глаза, со свистом затянулся и изверг из себя три дымчатых кольца.

— Три златых, хех!

— Найдется, а почему так дорого?

— Известно, почему! Поговорка есть заморская — рыбака рыбака видит издалека, во как! А значит не жалуют там наших. Вы, гости дорогие, кем будете? — лукаво улыбнувшись, вдруг спросил он.

— Путники добрые. Зачем спрашиваешь?

— А чтоб на плаху раньше времени не попасть! Тут же как, если б дело только в неприязни к чужакам было, цена б всё равно не такая была... Император наш августейший, чтоб его твари осколочные драли, тьфу! Сидит у замке своём за каменной стеной, послов заморских видеть не желает. Я тут уж второй десяток лет тружусь, как пчелка, знаешь сколькок переправил с посланием для короля? Дохера, скажу я тебе! А потом их расстроенные рожи мне же обратно везти... Вот и посуди, с чего так дорого.

— Боятся секреты бесплатно раскрывать?

— И это тоже! Пока указа не будет с печатями, оттудова ничегошеньки увозить нельзя! Торговля незаконная получается, во как! — еще раз смачно затянулся он, а я прикинул, откуда у простого лодочника такие познания.

— Когда отплываем?

— К вечеру. А пока располагайтесь, гости добрые, хех! — сказал мужик и поплелся качающейся походкой к своей хижине.

Времени до отбытия было еще довольно долго, так что пришлось думать, чем бы себя занять. Сам берег был голым и пустым, и если в знакомом мне пустынном месте для развлечения сновали твари, то здесь же о них, должно быть, и не слыхали. Остаться прямо здесь было как-то неуютно, мне всё же больше по душе лесные просторы. Как раз слева в паре сотен метров раскинулась небольшая роща, туда мы и направились.

Всю дорогу до неё Марика не спускала глаз с бескрайних вод океана, а потому, расположившись на зеленеющей опушке, я спросил:

— Плавать умеешь?

— Нет... — слегка грустно ответила она, всё еще не отрываясь от голубой дуги, что виднелась сквозь листву и ветви. — Ты умеешь?

— Да, пришлось... научиться. — глаза её тут же заблестели, рыба чешуя под лучами солнца.

— Хочешь... научиться? — как-то неловко спросил я. Смех, да и только — сорокалетний дядька и кровожадный убийца стесняется...

— Да.

— Хорошо. Смотри только рыб не поубивай.

— Я... постараюсь. — сжав кулачки, утвердительно закивала Марика.

...

— Эх, молодость! Где ж ты такую красавицу-то откапал? — спросил мужик с трубкой, когда вечером мы подошли к его хижине. Удивительно, как иногда простое выражение может попадать в точку. Ведь и правда, я Марику, можно сказать, откапал...

— Красавицу? Ты чего лишнего не увидел? — понизив голос, поинтересовался я у него.

— Клянусь! Сияние сих очей прелестных затмило мой взор, ослепило! Вот только сейчас, хех, прозрел. — какой языкастый, однако, лодочник попался. Кстати, о лодках, его потрепанное временем парусное судно, хотя скорее посудина, уже стояло на воде, привязанное толстым канатом к пирсу.

— Ну-с, прошу на судно, «Морской пёс»!

«Морской пёс» был довольно небольшим двух парусным судном, а управлялось оно

всего четырьмя людьми — мужичком с трубкой, что был её капитаном, и тремя помощниками. На нижней палубе могло расположиться человек пятнадцать, остальное место же занимали всяческие грузы в бочках. Десять минут приготовлений, и судно было готово к отправлению. Капитан отрезал трос, распустились паруса, наполнившись дуновением ветра, и «Морской пёс», покачиваясь на волнах, устремился в Страну Вод.

Глава 15 Повестка дня

«Приветствую тебя и кланяюсь я скромно вам, владычице всея Страны, что на воде стоит уж больше тысяч лет! Пишет вам друг ваш, если позволите себя так называть, Король всея страны на западе, но бесфамильный, лишь именем одарен я — Примус. Спешу вам сообщить, что книга, посоветованная вами, действительно прекрасна и на славу удалась. И посему спешу я также отплатить. Пошлю коня породистого к дубу, вами облюбованному, что корни уж пустил меж нами. За сим прощаюсь, ожидая новой встречи. Покорно ваш, Примус!»

— Хааа... Ха-ха! ...ха-ха-ах-ах!! Вот... дурак, ха-ха-ах! Книга, конь — умора! — еле сдерживая смех, отложила правительница всея Страны, что на воде стоит, распечатанный конверт с письмом на тумбу прикроватную.

Смех же её вызвало, несомненно, содержание письма, а точнее то, как оно было написано. Молодой шестнадцатилетний Король так проникся идеей о «скрытых силах мира сего», одной из которых он по какой-то причине считал Лакус, что послания его теперь полны той самой секретности. Если же опустить все излишества и расшифровать, то Примус писал о том, что по совету Правительницы передел власти в Королевстве проходит успешно, доказательством успеха же является коронация самого Примуса. Далее он известил о том, что отыскал подходящего человека, что будет послан служить подле Императора.

И вот теперь, когда за остальные государства Лакус Аква может быть спокойна, ей придется заняться самым неприятным — своим. Что же в этом неприятного, не трудно догадаться. Нелегкое это дело — вычищать собственную страну от грязи, особенно если ты миролюбив и излишне обеспокоен судьбой людского рода, пусть даже он погряз в разврате, кровосмешении, алчности и отвратности...

А когда-то всё было иначе, когда-то страна вод была олицетворением аристократического строя в его подлинном смысле — владычество лучших. Страна её еще издавна держалась на четырёх столпах, четырёх Великих кланах — лучшие в политике, лучшие в торговле и финансах, лучшие в военном деле и лучшие в образовании и просветительстве народа. Но как бы крепки ни были эти столпы, даже их смогли пошатнуть изменения, что породила просто дикая случайность — появление Бога, а именно дары...

Они всё развратили и перевернули вверх дном, и пока Империя тогда пыталась воссоединить свои разрозненные земли, пока Королевство пыталось побороть всю бедность и отсталость, Страна Вод, бывшая на тот момент державой величайшей, могла принять все изменения сполна. Довольно быстро умнейшие и самые цивилизованные поняли все принципы системы новой, поняли, что дар может быть передан от предка к потомку. Шанс был не велик, но был он и не мал — так стали отбираться «лучшие» опять, но не по уму, а по редкости дара. Веками кланы собирали самые сладкие плоды лишь для себя, и, думаю, не стоит говорить, что из этого вышло...

Веками Лакус терпела... нет, ей было интересно, к чему же это приведет. Итог, как можно догадаться, её не радовал. Любовь к людскому роду переборола интерес, потому пришло время всё менять. Кто-то скажет, уж больно долго думала она, но что такое «время» да бессмертного создания? Те множества веков были лишь незначительной песчинкой в её вечности, и по её мировоззрению решалась она быстро.

— Ох, уже должно быть время... Послушаем, о чем детишки будут говорить на этот

раз. — взглянув на часы с маятником, сказала Лакус себе под он и растворилась прямо в воздухе.

...

Дворец или, если пожелаете, замок, хотя было бы довольно грубо окрестить таким словом сие сооружение, стоял в самом центре столичного Озерного города. Вообще, в Стране вод очень любили всё округлое — сама страна была круглая, строения и даже элементы одежды полнились формами... округлыми, например, в ходу сейчас были шляпы разной длины полей и форм тулей.

Но вернёмся к самому дворцу, он представлял из себя громадное кольцо с несколькими ярусами, пара толстых белокаменных стен образовывала между собой широкое жилое пространство, внутренняя часть же часто использовалась для различного рода представлений и празднеств, доступ к ней был у любого жителя страны вод. Во внутреннюю ярусную часть был вхож только определенный круг лиц — первый «этаж» использовался слугами, был полон кухонь и прочих мест для людей неродовитого сословия, второй и третий ярусы были определены под чиновничьи кабинеты, четвёртым пользовались члены четверки Великих кланов, пятый представлял из себя обитель культуры с картинными галереями, библиотеками и оранжереями, последний же занимала сама Повелительница всея Страны вод... Но с ней всё было не так просто.

Лакус Аква отлично помнила, как относилась ныне истребленная раса Аль-годов к своему «повелителю» — Духу Маны. Вечные подношения, праздники, возвеличивание. «Головная боль», как говорила Лакус. Потому с самого начала она и порешила, что будет жесточайшим образом скрываться...

Теперь о её существовании знает лишь очень и очень узкий круг лиц, куда не входят даже представители Великих кланов, потому никто и не знает, что на верхнем ярусе буквально над их головами обитает легендарное бессмертное существо. Помогают ей в создании такой секретности «фальшивые Повелительницы», которых она сама избирает каждые пять лет — они посещают все светские мероприятия, общаются с господами, в общем, создают видимость правителя.

Пользуясь таким своим положением, Лакус Аква может беспрепятственно следить за ВСЕМ, что происходит в её владениях, чем она сейчас и собиралась заняться вновь...

В одном из залов четвертого яруса, который ввиду особенностей собравшихся был в отличие ото всех других квадратным, за ромбовидным столом собирался народ. Четырех из всех можно было сразу опознать, укутанные в несколько слоев одежд, в плащах и глубоких заостренных капюшонах, они, определенно, выделялись. Принадлежность к кланам можно было определить еще проще, по цветам плащей — ярко-желтый для Торгового клана, ало-красный для Военного, синий для Политического, а зелёный для Культурного. И не стоит путать значение названия последнего клана, он означал лишь сферу их деятельности, а не соответствующий всем нормам образ жизни. Известно, что эти «культурные» порой вытворяли ТАКОЕ, что предложения об изменении названия приходили уже не раз...

Взяв с собой лишь пару самых доверенных слуг, которые к тому же были строго обучены и могли защитить жизнь своих хозяев, главы четырёх кланов расселись по углам стола. И, как сказали бы личности азартные, пришло время вскрывать карты. А скрывать им, уж поверьте, было что...

Клан Торговый, как и полагается, славился своими богатствами, и как любой порядочный человек подобного статуса, Глава сего клана должен был выставлять свой

достаток на показ, как бы невзначай, дабы соблости все нормы поведения, но и чтоб видно всё же было. А что может подойти такой цели лучше, чем ношение колец, ведь всё же пальцы можно спрятать под широким рукавом, а когда нужно и посветить камушком иль златом. Вот только человек в плаще жёлтом носил перчатки, причём без вышивки и блеклого оттенка. Пальцы его так мягко постукивали по поверхности стола, что невольно задаёшься вопросом — «А бы ли там что, чему постукивать?».

Клан Военный был олицетворением, естественно, силы и мощи... Каким же должен быть его глава? Полагается ему быть высоким, широкоплечим, с тяжёлой поставленной походкой, а голос его должен быть подобен грому! И будто насмехаясь над таким определением, из-за стола выглядывала крохотная макушка Главы в красном плаще.

Глава же клана Политического, что должен был быть гласом целого народа, красноречиво излагая его волю, сидел же, скрючившись, прикрывшись платочком, и непрерывно кашлял и дрожал. Глаза впалые, лицо бледно, шея, как тростинка, того гляди и переломиться. Слуг при нём было гораздо больше, все с маленькими ящичками, из которых выглядывали склянки и коренья высушенные.

Но больше всех внимание притягивалось, конечно же, к Главе клана Культурного, из-за своеобразной внешности, конечно. Быть может, так пытался изменить он моду масс, но на себе носил Глава довольно... непривычные одежды. Шея и плечи его были прикрыты вимплом, так он, вероятно, желал подчеркнуть женственную красоту мужского тела, а в дополнение к нему вуаль, что ниспадала, покрывая нос и подбородок, тугой дублет изысканных узоров и чулки, столь толстой ткани, что будь они хоть мокрыми, не просветили бы и сантиметра кожи. И, конечно же, перчатки... В общем, как порой никто не мог увидеть голой кожи ног у дамы, никто не видел кожи и его. А потому в насмешку говорили о нём так: «У Главы Культурного ног нет!».

— Что ж, предлагаю начать без лишних церемоний. Мы, как-никак, тут все родные! — начал было Глава Торговый.

— ...

— Извольте, так шутить?

— А где ж вы шутку тут увидели?

— Довольно! Что на повестке дня? — попытался было повысить голос Глава Военный, но вышел лишь жалкий писк.

— Сегодня... Кха-Кха-кха!! ...сегодня... кха-кха!

— Сегодня нам стоит обсудить два вопроса. — продолжил за Главу Политического, который согнулся в три погибели в попытках остановить свой безудержный кашель, Глава Культурный. — Предлагаю начать с первого по важности — беспорядки в Королевстве.

— А нам какое дело до этого Королевства?! — взвизгнул Военный.

— Неет, не скажите, друг мой! Позвольте объяснить вам довольно шаткое положение сей страны вкратце. Торговое сообщение не развито, страдает от нехватки железа и камня, про производства я вообще молчу... Мне продолжать? — взял слово Глава Торговый.

— Значится, войной идём? Я всегда знал, что есть в ваших что-то от наших! Молодец!

— Ну что же так сразу, хах, «войной». Давайте поступать как люди цивилизованные! Вспомните историю Страны нашей и предков своих. Сейчас ведь самое время показать всю мощь и богатство наше! Поможем нуждающимся, выдадим кредиты, заключим пару взаимовыгодных договоров, и всё — само Королевство у нас, хех, на крючке!

— Торговцы! — презрительно воскликнул Военный. — Лишь бы обмануть, тьфу! Мы в

ваши с Главой Политиков дела лезть не будем — не по чести!

— Не беспокойтесь, нас вполне хватит, чтобы с этим разобраться. — лукаво улыбнулся Торговый.

— На том и порешим. Теперь, господа, прошу вашему вниманию следующий вопрос. Вас, Глава Торговый, он касается большим образом... — повысив голос, сказал Глава Культурный. — Потрудитесь объяснить, каким образом в обход нас, а главное ВАС! был заключён целый РЯД договоров с Империей, причем через какого-то низкородного барона?!

— Остудите пыл, Глава! — взрезал Торговый кулаком по столу, да так, что тот слетел с опор. Лицо его, правда, тут же сделалось зелёным, а рука заметно дрожала. — Вы думаете, нас такая ситуация устраивает?! Я лично перевернул весь клан вверх дном! Будьте уверены, вскоре мы всё уладим...

— Прошу вас, постарайтесь... ТАКОГО рода «ситуаций», как вы сказали, более не должно произойти. Это, спешу заметить, кидает свою тень и на нас, и на всю Страну Вод! Удивительно, что Повелительница не высказалась по этому поводу... — произнес он задумчиво, и весь зал погрузился в думы и сомненья. В одном лишь были солидарны главы — что-то было не так с Повелительницей, и не только с нынешней...

За сим собрание Глав было окончено, они вновь укутались в свои одежды и в сопровождении прислуги покинули зал.

«Паразиты! Насколько же прогнившими надо быть... Даже в кругу своих товарищей скрываются, узнали бы они подпольные мерзости друг друга, смогли бы с тем же выражением лица показываться на людях?», — думалось Повелительнице, которая наблюдала за встречами Глав от начала до конца. И кроме слезки в этом был еще один смысл более личного характера. Лакус Аква хотела удостовериться, что решение её было единственно верным и единственно возможным...

Теперь же Повелительницу ничего не могло остановить, и ничего не могло спасти её Страну от участи жестокой. Она бы лишь хотела, чтобы кто-то ей сказал, что можно по-другому... Хотела бы, чтобы чьи-то другие одежды оказались заляпаны в крови людской...

Глава 16 Чаепитие

— Ну что, гости дорогие, прибыли! Ахх, чувствуете этот воздух? Здесь даже дышится по-другому, лепота... Акха-кха-кха, тьфу! В общем эт самое, сейчас пришвартуемся.

Как бы не любил иногда красно выразиться капитан, а всё же сейчас он был как никогда прав. «Воздух» здесь действительно был другим, и я не о солоноватом привкусе и запахе океана вперемешку с рыбой говорю. Просто чувствуется, будто так же, как сильно разнятся виды, различны здесь и люди... Культурный центр как-никак!

Встретил нас причал, где пирсы и различной величины лодки и корабли тянулись грядой от одного конца горизонта к другому. Тут и там сновали рыбаки, что стягивали сети, женщины простых платьях с непростительно короткими подолами по меркам имперцев таскали плетеные коробки и корзины, доверху заполненные только что выловленной рыбой, а детишки плескались в прибрежных водах.

Чуть поодаль виднелся поражающий своими размерами рынок, торговые ряды тянулись на многие десятки метров, вот только выбор скудный, кроме рыбы и рыбы выбирать там было нечего. Но, видимо, спрос был, раз предложение имелось. Берег уходил уклоном вверх, там же и заканчивался рынок, а за возвышающейся линией холмов открывались истинные виды Страны вод.

Вот уж чего-чего, а воды тут было предостаточно — реки паучьей сетью разливались вдаль, сверкающими точками обнаруживались разной протяженности озёра, холмы сливались с болотами, те с рошицами и в поля, деревни, опять реки и опять озёра. Синеголубое атласное полотно с витиеватыми узорами цвета зелени расположилось по всей поверхности страны. Так сладко-приторно и завораживающе, что сразу задаешься вопросом — «А где же неприглядные швы?», наверное, искусно скрыты на изнанке...

«Куда дальше?», — спросил я про себя.

«В САМЫЙ ЦЕНТР, В ГОРОД НА ОЗЁРАХ»

«Как будто тут не все такие города...»

«НЕ ЗАДЕРЖИВАЙСЯ, ВОИН. БУДЕТ ЕЩЕ ВРЕМЯ ОСМОТРЕТЬСЯ, СЕЙЧАС Т ПУТЬ ЛЕЖИТ В СТОЛИЦУ!»

«Столица так столица»

И правда, осмотреться не помешало бы, но и время не ждёт, а значит опять в дорогу. Надоело, право слово, мы, конечно, усталости не чувствуем, не нужен сон, еда, вода, но даже так... Опять трястись, Дух знает сколько дней или недель. И не подумайте, на отдых не напрашиваюсь, воевать готов хоть пару месяцев к ряду, но воевать — не по полям бродить, тут даже самый стойкий заскучает, особенно в такой молчаливой компании...

М-да, всё вышло даже хуже, чем я мог себе представить. Дни? Недели? Хах! Два месяца мы добирались по столице, прибавить к этому еще тот месяц, что потратили на переправу океана... И путь был непросто, ох, непростой — кони и повозки тут не в почёте, ясное дело, с островка на островок на копытах не пропрыгаешь, а потому и пришлось чуть ли не вплавь, благо хоть лодок здесь предостаточно. Если б только на этом и закончились несчастья! О витиеватости местных рек, можно легенды слагать — чуть где не там свернул, пиши «пропало», а в обратную не повернуть, всё-таки против течения не попрёшь, «Все реки ведут в город озёрный», так тут говорят, а я же на собственной шкуре прочувствовал всю ироничность сего высказывания... Ох, сколько раз мы уплывали не туда, сколько раз потом

тащил я лодку на своём горбу обратно. И ведь самое главное — карты нет! Местные и так всё знают, а те, у кого эти бумажки с линиями всё-таки имеются, ни в какую делиться ими не хотят — уж больно важные персоны...

В общем, с горем пополам добрались-таки мы до столицы, и смысл в бедах всё же был. Удалось поближе познакомиться со Страной вод. Народ здесь живёт богато и даже очень — что ни селение, так сотни метров пахотных земель, десятки коров, коней и коз, домики все гладенькие, прям блестят, и люди ходят чисто вымытые в одеждах качества высокого, такие в Империи разве что в крупных городах встретишь, а тут, куда ни глянь, все разодетые. И это люд простой, а что ж зажиточные? Небось, в мехах и золоте расхаживают... и ведь не делятся! Всё себе любимым... но тут уж Император наш постарался, «чтоб его твари осколочные драли!», как говорил капитан «Морского пса».

Что же до столицы, то реки в неё несли не только свои бурные воды, но еще и все богатства и весь свет людской. Еще даже не пройдя первые ворота, было это понятно.

Озёрный город располагался на большущем холме или горе, называйте, как хотите. Холм этот был разделён на этакие ярусы, точно торт, всё огорожено стенами, шлифованными, с красной черепицей наверху. На пологих местах народ и жил, пахал и мастерил, те самые озера были там же (как они вообще там возникли, диву даёшься), от высоты же зависел статус жителя — чем выше, тем богаче и важнее.

На входе проводилась старая добрая проверка дара, вот тут-то и начались проблемы. Я пройти мог безболезненно, а вот Марика — только под руки стражников напрямик в их гарнизон для «дальнейших разбирательств», как тут говорили. Ясное дело — *Уроборос*, опасная штука, узнал бы кто и о другой её силе, так вся столица на уши бы встала.

И тем не менее, люди мы добрые, но с хитрецей, дождались сумерек и тихо-мирно перебрались через стену, подпортив слегка их безупречный вид, без жертв и разрушений, конечно же, но пару зазубрин от ногтей оставил.

Вот и внутренности столицы, что тут сказать... Красиво, я в архитектуре не силён, но разница всё же на лицо. Ни грамма дерева — всё каменное, немного грубовато, но так же крепко, как и выглядит. Всюду стёкла, подумать только, СТЁКЛА! В каждой даже самой замызанной хатке, каждая из которых, кстати, была округлой... А это только самый нижний ярус. И все прозрачные такие, точно изо «сна», как в больничной палате. Да уж, если так пойдет и дальше, то мы тут на пару лет застрянем. Перебраться бы сюда жить, да время поджидает...

«Куда дальше?»

«НА САМЫЙ ВЕРХ!»

Вот этого я и боялся... Можно ж было по харчевням и забегаловкам местным пройтись, пьяниц и насильников попинать. Так нет же, «на самый верх!». Там наверху, дома, небось, рубиновые, а у людей кожа с чешуйками из чистого золота. Эдак ко мне еще раньше времени Смертушка наведается, растянусь там по коврам из шерсти мотыльков от удивления. Вот так и сгинет «славный Воин» ...

А Марику, к её счастью, удивить было гораздо сложнее, она с такими же выпученными глазами, какими я сейчас созерцаю всё это богатство, смотрела только на чудных морских зверушек. А когда она увидела тот шар с иголками, похожий на ежа, чуть в обморок-то и не свалилась. Меня тогда даже на смех пробило... Всё-таки не зря я взял её с собой.

Так как проникли мы сюда малость незаконно, то и дальше вести себя приходилось как воришки. Сновали по тёмным переулкам, пытаюсь не попасться на патрули стражников,

благо с моим хорошим слухом прятки не стали чем-то сложным. Таким же образом, преодолевая стену за стеной, которые здесь уже играли роль сооружений не защитных, а скорее полезных конструктивно, мы и шли до самого верха. Могу лишь догадываться, но так они и поддерживали пласты земли ярусов в их первоизданном состоянии.

Наконец нам представилось и, видимо, самое главное из самых главных зданий в этом городе. Кольцевидное белокаменное сооружение также высилось множеством ярусов. Повсюду фрески, изображающие историю Страны вод, алые полотна с геральдикой, арки, черепица... Ну хоть не золото, и на этом «спасибо». Так что, успешно избежав непреднамеренной смерти от переизбытка эмоций, мы готовы были подняться еще выше... или выше уже не надо было?

«Куда теперь?»

«НА САМЫЙ ВЕРХ!»

Да будь тебе пусто, во заладил! Верх, верх... Теперь понятно, почему в прошлом он обосновался в лесу гигантских деревьев. Это такая мания величия? Детская травма?

(Где-то там неприятно так зашевелился озлобленный комок, но посудил, что молчание — будет более достойным выбором)

Ногти вновь удлинились до внушительных размеров, Марика схватилась сзади за шею, и я пополз по стенам, как горный козёл. Опять портить такую красоту, эх... Ну да ладно, чтоб им тоже пусто было! Нечего такое не всеобозрение выставлять. Порвать что ли и пару гобеленов заодно?

Сдержав сиюминутный порыв, я перекинулся через перила и оказался в широченной коридоре, стены ломались от картин, пол скрипел под стойками с оружием и доспехами самых разнообразных, а иногда даже смешных форм, и бесчисленное множество дверей.

«Веди уж...»

«НАПРЯМО... НАПРАВО... ТЕПЕРЬ НАЛЕВО... ТРЕТЬЯ ДВЕРЬ ПО ПРАВУЮ РУ ОТКРЫВАЙ»

Удобно. Дверь без скрипа отворилась, и нам предстали просторные покои, круглое ложе покрывала кружевная вуаль, тут и там виднелись диковинные предметы самого разного назначения, от них полнились полки, шкафы и тумбы, а в дальней части комнаты расположился застеклённый балкон, откуда открывался вид на просторы Страны вод.

«И что тут делать?»

«ЖДИ»

...

Повелительница в думах возвращалась со своей привычной прогулки, что наполняла её бессмертную жизнь смыслом, правда, не сказать, что каждый раз она приносила ей лишь радость... Иногда Лакус приходилось бывать в таких местах, которые любой благоразумный человек обходил бы за сто вёрст. Сегодня, однако, настроение её было весьма и весьма хорошим, можно даже сказать, ничто не могло испортить его.

Так и было, заметив присутствие двоих посторонних в своих ЛИЧНЫХ покоях, которые могла посещать лишь её верная служанка лишь по её зову, Повелительница не разозлилась, отнюдь она была даже в восторге. Сегодня люди опять смогли приятно удивить её! Это ж надо — пробраться незамеченными в её комнату...

Лакус Аква растворилась в пространстве, в таком же состоянии пролетела сквозь десятки стен и оказалась наконец в своих покоях.

— Попробуй лучше вот это. Да, и чаем запивай. Ну как?

— Вкусно, но прошлое было лучше.

— Согласен. — седовласая парочка в непривычный ей одеждах уплетала за обе щёки сладости и распивала чай в её ЛИЧНЫХ покоях, как ни в чем не бывало. Происходящее было весьма... странным, что тут еще скажешь. От низенькой девочки веяло самой Смертью, взгляд её был холоднее северных льдов, а голос пробирал до самых костей. От мужчины же исходила чистая сила и кровожадность, его хриплый и тихий голос нагонял натуральный ужас и совсем не вписывался в окружающую обстановку. Опустить некоторые детали, и получилась бы история о милом семейном ужине, только вот детали...

— Выходи уже, чего как неродная? И для тебя местечко найдется. — произнес мужчина, махнув в сторону висящей под потолком Лакус. И опять уже второй раз за сегодня она искренне удивилась.

Один лишь миг, и Правительница сидела за небольшим чайным столиком с чашкой в руках, из которой шёл ароматный пар. Пурпурное платье красивыми складками лежало на её утонченном теле, а короткие волосы обрамляли её прекрасное лицо.

— Где вы всё это взяли, дети? — решила сперва она спросить об этом.

— Позаимствовал на кухне. — сквозь хруст и чавканье пришёл ей ответ от седовласого. — Дети? Сколько ж тебе лет... если мне сорок, так это получается...

— Негоже спрашивать возраст у дамы, дитя. — улыбнулась она. — Может, представитесь?

— Охотники на «паразитов» мы, похоже, у вас их тут многовато будет. Пару тысяч наберётся?

Наверное, это и было одной из причин, почему Правительнице так полюбились люди, ведь они в отличие от существ более могущественных были не так прямолинейны и любили говорить загадками.

— Кто такие «паразиты»? — спросила вдруг девушка.

— Вши да блохи, дрянь всякая.

— Они ведь и в Империи есть.

— Есть, да вот только здешние покрупнее будут. Заморская порода! И противные такие...

— Ясно.

Разговор шёл так обыденно и непринужденно, что Лакус на мгновение забылась в нём, но сразу же вернула самообладание.

— Дитя, похоже, ты не осознаешь в какую ситуацию попал.

— И то верно. Разъяснишь?

— Иные боятся и вздохнуть передо мной, а ты же позволяешь себе слишком... многое. Знаешь, мне не составит труда вырвать только по моей прихоти еще бьющееся сердце из твоей груди. — выразительно сузив глаза, произнесла она вкрадчиво.

— Этого не хватит. — сказал он и закинул очередное пирожное в рот.

— Что? — удивилась Лакус.

— Не хватит, говорю. Бывало уже такое, не сработало.

— Угу. Недостаточно. Зет, а если еще и голову оторвать?

— Голову? Вряд ли.

— А утопить?

— Так ты сама недавно затонула. Я ж тебя по всему дну тогда искал!

— Точно, было и такое... Хм, загадка.

Что уж тут скажешь... а ничего не скажешь, даже Лакус ничего не могла сказать, так и сидела с открытым ртом, выслушивая безобидные размышления седовласой парочки.

— Хаа, сдаюсь. Может, поговорим уже начистоту? Что вы здесь забыли, дети? — отчаявшись, выдохнула Правительница и спросила.

— Самому бы знать... Эй, любитель высот, может, объяснишь?

— НЕ ЗАЗНАВАЙСЯ МАЛЬЧИК! СКОЛЬКО СИЛ НАМИ БЫЛО ВЛОЖЕНО НИКОГО УВАЖЕНИЯ...

— Хтонические боги! Червяк старый, ты что ли?! — выпрыгнула из-за стола Лакус и удивленно вскрикнула.

— МЫ ВЕДЬ ПРОСИЛИ ТАК НЕ НАЗЫВАТЬ НАС! И КТО ЭТО СТАРЫЙ, РЫБЬЯ БОШКА?! МЫ, МЕЖДУ ПРОЧИМ, ЛИШЬ НА ПАРУ ТЫСЯЧ ЛЕТ СТАРШЕ...

— Ты по натуре старый, говоришь ты как старик, думаешь как старик и...

— ХВАТИТ! ТВОЁ МЫШЛЕНИЕ ДО СИХ ПОР ОСТАЁТСЯ ДЛЯ НАС ЗАГАДКА. ОСТАВИМ ЭТИ ГЛУПЫЕ РАЗГОВОРЫ. ТЕПЕРЬ НАМ НАДОБНО ОБЪЯСНИТЬСЯ!

Пространство заискрилось, завиляло и разверзлось трещинами, сквозь черные проломы, через которые виднелись мириады звезд, хватаясь переливающимися щупальцами вылезал всезнающий комок, тело его оставалось позади, он лишь протянул один свой отросток в сторону Лакус и дотронулся им до её лба. Мигнула вспышка света, раздался звон и треск... и всё вернулось на круги своя, будто ничего и не было.

Правительница аккуратно поправила свои волосы и призадумалась...

— Вот ведь, такую утварь испортил! — немного грустно взирал Зет на располовиненный столик и половинку кружки, из которой уже вытек весь чай, у себя в руках.

— Ха-ха! Ха-ха-ха-ах-аха, аааахх... вот оно как. Так значит ты наконец решился! — воскликнула Лакус.

— МЫ БЫЛИ ГОТОВЫ С САМОГО НАЧАЛА! ЛИШЬ ЖДАЛИ НУЖНОЙ ТОЧКИ ВРЕМЕНИ.

— Да-да, всезнающий ты наш... Выходит, это твой «Воин», что свергнет незаконного правителя?

— ДА.

— Это дитя способно на такое?

— НЕСОМНЕННО!

— Я поняла, ты рассказал достаточно, мой старый друг. А с вами, детки, нам, кажется, предстоит долгий разговор... — улыбнулась Лакус.

Глава 17 Возможности даров

Насколько же большую роль в жизни определённых личностей играет расположение вещей по вертикали? Вещи, что красивы, ценны и дороги сердцу, они стараются расположить повыше. Быть может, так они пытаются привлечь внимание тех, кто обитает в небесах? А, может, высота и без влияния религии и веры так сильно манит и влечёт, что люди, даже не задумываясь, стремятся ввысь?

Вот взять хотя бы кольцевой дворец Правительницы, чем выше, тем приятней глазу он становится — коридоры полнятся картинами, залы заставлены с изыском, а покои все, как на подбор, достойны самых-самых... А если же спуститься вниз? На первом ярусе вы, вероятно, встретите обыденную обстановку. Там будет собрано всё то, что существует для поддержания жизни и вида первозданного сего дворца — слуги, кухни, утварь, склады, бочки, ящики... Но, если б было всё так просто, разве стал бы Я заводить подобный разговор?

Ведь как у хаты полноценной есть чердак, есть у неё и то, что будет скрыто под землёй — подвал. И если батраки, мещане и прочие простые люди привыкли прятать скелеты свои в шкафах, за неимением другого места, то те же, кто не обделён ни кровью синей, ни богатством, вполне могут позволить себе нечто попросторней...

И нет, в отличие от случаев других, сейчас же обстановка была более спокойной. Но, тем не менее, подобные мысли всё же посетили меня, не могли не заглянуть на огонёк, теплящийся на тряпье, которая обматывала рукоять иссохшей древесины. Свет факела играл и танцевал, всё прыгая по стенам с камушка на камень, пронизывал прожилки кладки, заглядывал под ноги и изредка плескался в мутной канальной воде. Округлый тоннель уходил далеко вперед, иногда сменяясь перекрёстками. И лишь звуки дыхания и капель, бьющихся об узкую линию воды, отгонял от нас тишину, заставляя ту забиваться по углам тёмным и прятаться в местах гораздо более отдалённых.

Откуда же взялась эта идея, присущая любому существу — от красноухих ужей и белогрудых сорок до созданий гораздо более великих, прятать неприглядное под сводами земли? Так ли это необходимо — обманывать других, врать, скрываться, и лишь бы только не подумали, чего плохого...

Меня подобные места не отталкивают, не страшат, не вызывают неприязнь, ведь только в них можно познать натуру зверя, человека, Бога или даже целой страны. Но это я... а Марику наверняка охватывают чувства более существенные — страх и гнев. Быть может, были и другие, но разобрать я не мог, а спрашивать... не решился. Другая наша спутница была для меня настоящей загадкой.

— Сооружение... вдохновляющее. И долго копали?

— Уже и не вспомнить, дитя... Когда твоё существование незыблемо и бесконечно, время теряет свой смысл.

— Вот как... И зачем мы здесь, если не секрет? Каким образом подземные каналы вашего великолепного города связаны с убийством клановой верхушки?

Ах да, стоит рассказать об этом поподробнее. «Паразитами» оказалась элита Страны вод, её свет, причина её богатств и превосходства — Великие кланы. Их главы вот уже на протяжении веков были людьми с характером, конечно, но без воли. Оттого и погрязли в алчности, прогнулись под грузом золота и всеобъемлющей власти. И до того они успели

разрастить, что не будет ложью утверждать — Страной вод правят именно они, и даже Правительницы им не чета. Отсюда и полную картину представить несложно — страна погрязла в их беззаконье, неконтролируемом разврате, крови и всём прочем. В общем, обыденная история, но судить не мне, я лишь палач, и, если Лакус Аква заодно с Духом Маны хотят их смерти, значит есть за что. Хрен его знает, на кой ляд им сдались эти Клань только сейчас, но в благородство я играть не буду...

— Мой старый друг поведал многое о тебе, и я прекрасно знаю, что причин для выбора сего пути у тебя предостаточно... Но всё же, думаю, не помешает и еще одна. Что скажешь?

— И правда... Что-то я в последнее время размяк.

Кто бы мог подумать, что даже такие места могут отличаться. Сделано тут всё на славу, даже веет неким... ммм, превосходством что ли, профессионализмом? Если в «святилище исправления» копали, куда карта ляжет или куда Бог укажет, то здесь же всё было чётко и по плану. Коридоры все укреплены каменной кладкой и тянутся под всем городом такими квадратиками, представляя из себя громадную рыболовную сеть.

М-да, Марика выглядела неважно, хоть виду и не подавала — лицо не бледнело, руки не тряслись, но я же чувствую, прямо нутром ощущаю весь тот бушующий поток эмоций, с которым она отчаянно боролась. Похоже, еще одну причину для убийства «бога» найду здесь не только я...

— Может, всё-таки останешься? — тихо спросил я у неё.

— Нет. Я в порядке.

— Не ври. Совсем плохо станет, перестань сдерживаться. Думаю, никто не будет против, если ты тут пару проходов подпортишь.

— Перестану сдерживаться, весь город рухнет.

— Беспокоишься о горожанах?

— Нет... Выбираться потом будет сложно.

Шли мы долго, постоянно сворачивая то налево, то направо, иногда казалось, что здесь мы уже были, а иногда — что мы вернулись в самое начало, но Правительница продолжала безмолвно идти в одном лишь ей известном направлении. Наконец окружение стало меняться, точнее мы зашли в тупик. Лакус Аква махнула рукой, и преграждающая путь стена стала разбираться кирпичик за кирпичиком, пока отверстие не разрослось до нужного размера, и мы ступили внутрь.

Там нас встретили еще более длинные бесчисленные ряды коридоров, а по обе стороны тянулись наглухо запертые стальные двери. Некоторые были повыше, другие пониже, были и широкие, и узкие, окованные цепями металлическими и магическими... Что было за ними, оставалось тайной, завеса которой, похоже, скоро приоткроется.

— Твоя подруга, видимо, плохо себя чувствует, дитя. Здесь есть хорошая комната — мой кабинет, я отведу её туда, а ты пока осмотришься. Но не беспокой тех, кто за дверями... Ах да, у тебя ведь есть тот дар. Можешь аккуратно подглядеть, дитя. — Марика уставилась на меня, а я кивнул ей головой, и та последовала за Правительницей. Теперь можно быть спокойным, что озёрному городу больше ничего пока не угрожает.

Добро мне дали, значит можно и «подглядеть», хотя и без него я собирался рано или поздно узнать, кто же там сидит. К каждой двери был прикреплен крючок, на котором за плетеную веревочку был подвешен бумажный сверток. Где-то бумага уже изрядно поиспортилась и пожелтела, а где-то выглядела совсем новой. Выбрав наугад одну из дверей, я сначала решил изучить содержание этих свёртков.

Развязал узелок и развернул свиток, а он не простой — по всей длине золотистая окаёмка и всякие узоры, а сверху значилась знакомая табличка.

Имя: *Ната из Лукриция*

Возраст: 9

Раса: *человек*

Редкость дара: *уникальный*

Дар: *некромант*

А дальше, видимо, была краткая сводка жизни и всяческие размышления автора сего свитка.

«По словам селян — ночь шестилетия Наты ждали с нетерпением, особенно её родители. На следующий день отец семейства не вышел на пахоту, мать тоже не появлялась на глаза. Спустя еще день сосед услышал детский крик и вбежал в их дом. Там его встретил едкий трупный запах гнили, на полу были ошметки плоти. Натю обнаружил он же в отдельной комнате, девочка плакала, не могла ничего объяснить, судорожно дрожала, на попытки позвать не откликалась. Когда сосед попытался дотронуться до неё, услышал странное бормотание и животный крик, два существа набросились на него из под кровати. Мужчина чудом успел выбраться, грудь его была растерзана, как от звериных когтей. Раны не заживали очень медленно, постоянно кровоточили и гноились. Позже рассказал, что те существа были ожившими трупами родителей Наты...»

«Состояние Наты — разнится, но светлость разума не обретает, речь бессвязная, постоянно кричит, плачет, но от еды не отказывается»

Я прошёлся еще дальше и опять взял первый попавшийся под руку свиток, но уже более новый.

Имя: *Елизар из Островицы*

Возраст: 63

Раса: *ошибка*

Редкость дара: *редкий*

Дар: *приручитель*

«По сообщениям странствующих торговцев и по докладам солдат — Елизар впервые был замечен в лесу близ Островицы. Лес был густой, без подлеска и ягодных кустов, полнился медведями и волками, которые часто выбирались на охоту и съедали по несколько овец и коз из селения, потому жители Островицы обходили этот лес стороной.

Первое столкновение с Елизаром произошло с торговцем льном. По возвращении торговца настил сильный ливень и буря, ему пришлось укрыть повозку в лесу. Не заходя вглубь, он развёл костер и к вечеру заснул. Встал после полуночи от дикого воя. Торговца окружила стая волков, те почему-то не боялись огня, но и не нападали. Вскоре из чащи вышел их «вожак», как думал торговец. Некое существо вышло на четвереньках, покрыто шерстью, крупного телосложения, и, не отрывая взгляда, наблюдало за торговцем. Тот выкрикнул, и существо подошло ближе, в свете костра торговец заметил человеческое лицо и безумные глаза. После упал в обморок, когда очнулся, никого не было рядом...

Следующая встреча — с отрядом солдат, который был нанят, дабы сократить численность волков, от которых селение терпело убытки. Отряд зашёл глубоко в лес и успешно справился со своей задачей. На обратном пути сделали привал около большого дуба. Спустя несколько часов, отряд услышал писк, а сверху на них стали градом сыпаться шишки. На ветвях сидели десятки белок, а под кроной находилось широкое дупло, где

предположительно и обитал Елизар. Вместе с белками, ловко перебираясь с ветки на ветку, обкидал отряд шишками и камнями, заставив его покинуть лес...»

«Состояние Елизара — утратил человеческие черты, способность говорить и мыслить, приобрёл животные повадки от белок, волков, медведей, птиц. Иногда впадает в спячку. Не опасен»

Пока читал, на глаза мне попался особенно старый свиток. Но перед тем, как взять и его, решил заглянуть в комнату в тому самому Елизару и Нате. В первой не было ничего особенного — голые каменные стены и пол, по которому разбросаны звериные кости и сухая трава, в самом углу спал дряхлый старик, закутанный в лохмотья. Иногда нога его задиралась к самому уху и почесывала его...

Комната Наты была обставлена более... по-человечески. Книжные полки, кровать, тумба с посудой, на которой еще были остатки какой-то еды. Из-под кровати раздавались всхлипы и бормотание. Там и обнаружилась Ната. Правда, лет ей было уже далеко не девять, я бы дал все сто пятьдесят... Голова с залысинами, седые волосы торчат клочками, взгляд впалых глаз, окантованных синим обручем размякшей кожи, направлен в никуда. На некоторых пальцах не хватает ногтей, а те, которые еще остались, представляли из себя лишь кусочки того, чем они когда-то были...

Следующий свиток.

Имя: *Ганс Батье*

Возраст: 25

Раса: человек

Редкость дара: *уникальный*

Дар: *божественный кузнец*

«Ганс Батье, когда-то — прославившийся своими работами кузнец, даже барды воспевали его навыки, разнося весть о нём по всему Королевству. С детства был нелюдом, чёрств, заносчив. Происходил из мелкого баронского рода на востоке Королевства. К 14 годам имел собственную кузницу. Дар позволял ему использовать в ремесле не только металлы, почти любому материалу он мог придать нужную форму и даже менять его свойства. Одно из его творений хранится в сокровищнице Королевского рода.

По рассказам его знакомых — Ганс не ладил с людьми, не понимал жестов, намёков, сарказма. Не раз говорил о том, что просто не мог понять, что творится в головах людей. В возрасте 20 лет по совету матери обратился в храм. Настоятель, выслушав его, посоветовал ему «быть с людьми проще, попробовать думать о них, как о изделиях самого Бога». С тех пор Ганс стал еще более закрытым. Используя часть своего огромного к тому моменту состояния, выкупил безлюдный клочок земли на окраине города, позже построил там небольшой дом с кузней. Примерно раз в неделю отлучался туда.

В это же время в городе, где он жил, начинают пропадать люди. Нанятые городской ратушей следователи не смогли обнаружить никакой связи между пропавшими и первое время не могли найти никаких улик. Дело затянулось на несколько лет, число пропавших шло на сотни, пока не выяснилась странная закономерность. Пропавшие были связаны лишь одним — все они были посетителями кузницы Ганса Батье.

В сопровождении городской стражи следователи обыскали кузницу, но, ничего не найдя, отправились и в его загородный дом. Ганс тогда отсутствовал по делам в соседнем баронстве, и следователи смогли полностью и тщательно обыскать его жилище. Там среди множества невероятного качества изделий из привычных материалов они

обнаружили и сотни «странных образцов». Далее по списку: 53 шлема, 71 копье, 24 полных комплекта латных доспехов, 13 хаубержонов, 103 набора столовой утвари, 89 разной формы мечей и сабель.

Изделия выделялись красноватым, бежевым или белым оттенком всех составных частей, некоторые были мягкие и гибкие, также порой двигались, «будто живые», иногда издавали хлюпающие и булькающие звуки. За неимением весомых доказательств с Ганса сняли все подозрения и обвинения. Дело было закрыто по истечении срока давности.

Позже Ганс Батье был тайно доставлен под озёрный город для дальнейших исследований»

«Состояние Ганса — неменяемый. Признал, что использовал плоть и кровь людей для создания выше указанного списка изделий. По его словам, пытался понять, как устроены люди, возможно ли их «перековать» в нечто более хорошего качества. Вины в содеянном не видит. Следует ограничить подвижность, чтобы устранить возможность использования дара»

Его комната была полностью пуста, в стены, пол и потолок были вбиты крупные кольца, за которые крепились толстые тяжёлые цепи. Значительно постаревший Ганс был скован по рукам и ногам, голова закрыта железным шлемом без прорезей, передние конечности обрезаны почти по запястья, осталась лишь нужная часть, чтобы цепи удобно крепились. Одежды на нём не было, кожа в некоторых местах накрепко приросла к железу. Под ним в полу была прорыта глубокая дыра, из которой изрядно смердело...

Глава 18 Кем же быть?

Даже самая гневная и безумная тварь, если она беззубая и дрожащая, не осмелится даже огрызнуться, будет тихо сидеть, осыпая всех и каждого проклятиями. Дай ей вилы, она убьёт двоих или троих, а после сдуется, её забьют и вынесут посмертный приговор. Дай ей возможность изо рта огнём плевать, тут счёт пойдет уж на десятки, но и такую рано или поздно изловят и покарают. Будет тварь нечеловечески быстра, сильна, владеть клинком искусно, счёт пойдет на сотни. Дай магию посильнее — тысячи, ещё — десятки тысяч, ещё — и сотни тысяч, ещё, ещё, ещё, ещё — исчезнет раса, а дай ещё — и станет она править миром...

Всё познаётся в учении — правду говорят. Научишься махать мечом — познаешь боль, обучишься охоте — ценность жизни, художеству — терпению. Бедняк знает ценность крошке, мещанин и крестьянин — труду, аристократ — манерам и знаниям. И всё это пронизывает опыт, встречи и ученье. Порой они могут исправить даже самую озлобленную тварь. Но что же будет, если вырезать весь этот долгий путь, который человека человеком делает?

Безумный кузнец, что делал топоры и ложки из людей. Флагеллант, что, следуя за даром, истязал себя, получая взамен силу, он слепо следовал за божьей благодатью и умер в муках сладостных. Девчушка-некромант, которой не терпелось овладеть искусством мёртвых, дар ласково ей подсказал, она же лишь послушалась... А как вам рыцарь истинный? Принёс он клятву господину, да вот защитить не смог, а после десять лет скитался он по землям, и за спиной его был очень уж увесистый багаж, замотанный в тряпки белые. И все те десять лет родня и не подозревала, что в семейном склепе не хватает одного тела. Талантливый писатель? Написал шедевр, что даже сложно было оценить. И тому была причина — всякий, кто лишь раз прочтёт, уже не понимал, где была реальность, а где рассказ. Писателя постигла та же участь, так и проживает свои дни в забвенье...

Я мог бы продолжать и дальше, ряды комнат за стальными дверями тянулись на многие километры, тысячи и тысячи свитков еще остались непрочитанными. А это были только те, кто еще жив... И сколько же их было до? С момента появления даров сколько?

И что она хотела мне этим показать? Причина убить «бога»? Хах! Единственное желание — разнести нахрен всё это подземелье вместе с городом! И если Марика уже успокоилась, то вот я действительно сейчас готов тут и камня на камне не оставить, а сил уж хватит... Хотелось бы сдержаться, не наломать дров, пока не получу ответы, но поздновато уже — рука сама дернулась, и по коридорам прошёлся грохот, стена покрылась трещинами, посыпалась крошка, а взбесившаяся мана опалила двери, сталь краснела и текла, опадая раскалёнными каплями на землю, и повсюду лес из черного металла, кривые коряги исполосовали всё вокруг, оставив глубокие борозды на всех поверхностях.

Дубовая дверь в конце коридора со скрипом и треском вылетела из петель, две пары не слишком удивленных глаз уставились на меня, но остановиться уже было трудно. Пространство гнулось и искрилось от переполняющей его бушующей маны, полки дрожали, стопки бумаги разлетались по полу, сервиз звенел.

— Нахрена это всё? — спросил я тихо, еле сдерживая злобу. — Устроили тут представление уродов! Глумиться вздумали?! А не смей даже слова сказать про жалость. Если жалко, надо было давно прикончить и остановить страдания. Хочешь, я сделаю?

— Остуди свой пыл, дитя. Ты даже не ведаешь о том, насколько дорог мне ваш род людской! Остановить страдания, говоришь?! Жизнь — это величайшая ценность! Кем бы я стала, если б отобрала её?

— «Кем бы стала?», лицемерная ты мразь. — прошипел я сквозь зубы. — Не хочешь ручки марасть? Нашла себе на старости лет забаву за людишками наблюдать?! Ещё и с Духом Маны спелась, чтобы я за вас все проблемы решил?!

— ТЫ ЗАБЛУЖДАЕШЬСЯ, МАЛЕЦ!

— Закрой свои гнилые рты, червяк! Хотели плача? Так я им стану. Только головы потом собирать не мне. И уж постарайтесь, чтоб и ваших там не оказалось.

— Что ты вздумал, дитя! — гневно выкрикнула Лакус Аква, глаза её тут же расширились, и она поспешно растворилась в воздухе. Опоздай она хоть на мгновение, и её тело по кусочкам свисало бы с сотен и тысяч кривых прутьев, что в миг заполнили эту комнату.

— Пошли, Марика... Пора заняться делом.

...

За те долгие три месяца, что седовласые провели, бороздя просторы океана и преодолевая бурные потоки рек Страны вод, имели место быть несколько событий, о которых стоило бы поведать.

После внезапной ссоры, что была, как гром с небес, и ужалила так больно, словно карающая молния, барон наш пребывал в печали нескончаемой и думал, что имели свойство начинаться, но конца же не имели. А помочь господину в печали, как известно, могут только лишь верные и здравомыслящие слуги. После неудачи к Дэну Остину пришло везение, сколько раз он благодарил судьбу и самих Богов за то, что ниспослали ему такого прилежного, усидчивого и ответственного помощника, что не оставил его и в этот раз. Слуга Евгений или ласкового — «Евгеша» — со всем чувством сострадательным отнесся к горю нашего барона и дал ему очень ценный совет — «Когда даже вы сами не можете понять, что говорить и делать, разве не Боги — единственные, кто выслушают и помогут?». Так, оставив все думы и печали, барон Дэн Остин отправился в столицу, хоть и без надежды на спасение, тем более, что в планах у него уже давно значились некоторые дела в центре Империи.

Итог мы знаем — вместо милостивых божеств Барон встретился с собратом по несчастью, бывшим Первосвященником Зефом Иркой. И было положено начало дружбы на десятилетия, которая, вполне возможно, станет нечто большим, если вы понимаете, о чем я...

Но было и событие размаха более масштабного, которое вершило судьбы всех, если не каждого, что определяло даже будущее стран, и было бы записано на страницах истории. Чтобы запечатлеть его из первых мест, отправимся же в городах на славных землях Империи, казалось бы, ничем не примечательный, но мало кто знает, что сокрыто было там многие века назад. Быть может, город этот застал походы Великих Древних, стоял в истоках образования государств, видал переселения народов и породил людей, чьи имена сейчас всё чаще на слуху...

И город этот по выходкам судьбы ли, по стечению счастливых обстоятельств ли раскинулся на землях герцогского рода, который вот уж триста лет носил почётную фамилию — Рассел. Еще удачней было то, что герцогиня нынешняя была полна ответственности и любви к народу, обделённому по праву крови. И вот уж каждые три года герцогиня Бьянка Рассел выезжала на места, следила, бдела, изучала, а возвращалась лишь

тогда домой она, когда всё шло по хотению её — без сучка и без задоринки. Сегодня же пришёл черёд и города сего...

Покончив с делами и возвращаясь из городской ратуши, оставив ту, мягко говоря, в смятении, Бьянка двинулась... нет, не на выезд, а посмотреть, как же живётся здесь народу. Одета она была так же, как они, а потому и взглядов удивлённых не собрала, заходила в кузни, смотрела лавки, пробовала пищу, была в местах, где побогаче, была и там, где победнее. Но город сей был «так и сяк», не лучше и не хуже прежних, всё, как у всех, всё, как всегда, а значит закопаться надо было глубже. И Бьянка знала тоже, что и Зет, — равно как дворец любой богатства выставляет наверху, а грязь складировать внизу, так и город, радуясь на свету, печалится в тени...

Герцогиня расхаживала по проулкам и не совсем культурным заведениям долго, последние встречали её просто — с безразличием, но там другой был люд, с монетой в кошельке на выпивку и развлечения. Изгнанники же, бедняки, убийцы, воры — весь «стыд и срам» собирался в местах совсем других. Люди это были не простые, закалённые, прожжённые опытом лишений и притязаний, они умели прятаться, умели, стоя прямо перед тобой, не привлекать внимания. Но герцогиня наша тоже не проста была, знала, как и с такими обращаться.

Она ходила меж домов, кварталов и среди рядов торговых, искала взгляды любопытные, озлобленные, измождённые. И находила. Они были как звери — порой идёшь по лесу и не знаешь, не ведаешь, что наблюдают за тобой глаза, сияющие в ночи, как факела. За два или три дня герцогиня узнала всё, что нужно, и не была удивлена — всё было, как всегда и как у всех. Сие её печалило невероятно, жаль, что её печаль не может разделить весь «свет Империи». Как для неё это было смешно и мерзко, что те, кто называют себя лучшими — аристократы, пищать по всем углам о своих манерах, образованности, но не ведают, как живёт народ простой, как одеваются и что едят.

День подходил к концу, пора ужина уже давно прошла, следовало бы и честь знать, но Бьянка была непреклонна, ведь оставалось ещё одно место, квартал обычный, улочка, как все другие, и меж домов развилка от неё, что уходила лишь в тупик. Герцогиня Рассел неспешно и неслышно близилась к ней, все звуки стихли, а город погрузился в сон, лишь луна слегка освещала мощёные изредка дороги и утопанную землю под ногами.

«Давай сюда!», — вдруг зазвучал прелестный голосок из ниоткуда. Бьянка тут же выхватила свою рапиру, что прилагалась к костюму праздничному, однако же в руках искусного воина та превращалась в весьма грозное оружие, и герцогиня собиралась использовать её явно не по назначению.

«Боюсь-боюсь, ха-ха-ха! Спрячь свою железяку и иди уже сюда» — хихикал голосок.

Слух и чутьё Бьянки напряглись до предела, в таком состоянии даже мышь в другом квартале не могла беззвучно для неё проскочить. Однако ничего не было слышно, не чувствовала она и угрозы, а направление голоса так и вовсе не могла определить. Что делать — следовать предчувствию опасности, которое молчало, или подумать хорошенько и не рисковать?

Отбросив все сомнения, Бьянка всё же вошла в переулок, но рапиру свою в ножны не убрала.

«Да, правильно, сюда. Ещё чуть-чуть вперёд... Вот, ты на месте! Погляди»

Проулок упирался в стену какого-то амбара, по краям были разбросаны прогнившие бочки, ящики и весь прочий мусор, который было некуда девать. В самом углу же лежал

комок грязной ткани, дырявый и пахучий, а из-за него же раздавалось то, что привлекло внимание Бьянки еще задолго до того, как она приблизилась к сему месту, — тихое сопение и слабое биение маленького сердца.

«Вот, погляди какой красавец! В меру упитанный, даже волосы есть... вшивый правда, но его только отмыть нужно. Покладистый, как щеночек, не по годам умён и...» — расхваливал голосок свернувшегося калачиком мальчика, что и спал под куском ткани.

«Твою мать, чего ты хочешь?!», — подумалось Бьянке.

«А вот мать мою поминать не надо. Не постоянная она женщина! То бесится, то смеётся, и не понять ведь, о чем думает! Как вспомню, мурашки по коже... Что поделать — Хаос он такой. А к мальчонке приглядишься. Тебе ж наследник нужен, девочка? Вот, воспитаешь, откормишь, вырастет здоровый, как булыжник, и умный, как... как... Умный в общем будет! И дело доброе сделаешь»

Наследник герцогине действительно был нужен, она даже подумывала об усыновлении или удочерении. Обратилась бы в приют или в храм какой, и был бы ей наследник. Но подбирать НАСЛЕДНИКА на улице? Да это же... А что такого? Вот умора будет на злости всей аристократии — выше их окажется простолюдин, да не простой, а самый что ни на есть отброс общества!

«Кто ты?» — задала она вопрос, который мучал её уже долгое время.

«Зови Лисса! Меня... эм, затянуло сюда по некоторым обстоятельствам. Я дар этого мальчонки, так и называется, *Лисса*. Олицетворение безумия и бешенства, ууу! Х-ха-ха-ха-ах! Ну и лицо! Не слыхала о нас? Тут еще, кажется, Арес был, и даже змеюку эту, Уробороса, сюда затянули, но он не из наших»

«Так, и почему тебя сюда «затянуло»?»

«А я почему знаю?! Не беси меня! Весело здесь, и всё тут! Мне нужны чувства, эмоции... понимаешь? Желательно, наихудшие, вот! А в мальчонке их как раз полно, вот я и, ха-ха, присосалась»

«Он хоть даром... тобой управлять умеет?»

«Научим! А на первое время я уж помогу. Но дальше пусть сам справляется!»

«*Лисса*, говоришь... Это то, что превращает человека в монстра, жаждущего крови и разрушений?»

«Точно, оно самое! А что?»

«И нахрена, скажи, мне везти ТАКОЕ в свой дом?»

«Хаа, я говорю, а ты не слушаешь, девчонка... Мне чувства нужны, вот и всё! А их достать можно и без всего этого. Нет, можем и поломать чего, если хочешь. Мне такое нравится! Хи-хи-хи»

Долго герцогине раздумывать не пришлось, она, итак, была человеком излишне импульсивным, и действия её частенько шли впереди разума и здравого смысла. Тем более её с самого начала привлекла мысль вырастить из этого мальчика настоящего наследника, да и детей она любила. Только вот мужчину не нашла... Тут уж не срослось. Хотя, вряд ли на этой земле найдется тот, кто сможет справиться с её характером. Был один, да, как говорится, сплыл! Так, слово за слово, и попал наш совсем юный оборванец в руки к герцогине Бьянке Рассел...

Глава 19 Заварушка на пирушке

Когда наступает переломный момент, который будоражит сознание и заставляет тебя задуматься о том, что было «до» и что будет «после», волей или неволей приходит тот самый момент — решить, кто ты есть. И так уж вышло, что человеком я был не без греха, много ошибался, часто менялся и разнился в собственных принципах и действиях. Так могло быть ранее, когда всё ещё было впереди, но дальше продолжаться так не может — тот самый момент наступил на меня со всей своей нежданной силой...

Кто же я есть? Безвольный «палач» или воин, славный и честный? Несмотря на то, что путь обоих усеян трупами, отрубленными бошками и, конечно же, кровью, как уж без неё, есть существенная между ними разница. Риск. Всё, что он порождает, — страх за себя, за близких, несравнимый ни с чем ужас потерять всё в один момент. Думаю, нет причины объяснять, кто же рискует, а кто нет? А вот причины рисковать поймут не все. Что же толкает воинов в объятия смерти, пусть славной, даже героической, но всё же — смерти? Кого-то зовёт долг, а тот порой бывает посильнее воли к жизни, кого-то толкает безнадёга своими толстыми пальчиками, увешанными кольцами с камнями, кто-то доказывает свою ценность, кто-то защищает, у кого-то просто нет выбора, и такие часто ничем не отличимы от презренных «палачей»... Так есть ли у меня похожая причина, которая не проиграла бы по важности?

Такое сравнивать нельзя, я знаю, но ведь ручки так и тянутся, само моё существо желает вылезти из тела, расправив гордо грудь, и прокричать на весь мир, так чтобы барды потом разносили в песнях этот крик. Сказать, насколько благородна была та причина, по которой, к сожалению конечно, сложили головы свои, быть может, сотни или даже тысячи.

И я таким грехом не обделён. Кому не хочется, чтобы душа его была чиста? Нужна та самая причина, чтоб не прослыть через века лишь жалким убийцей, головорезом, разбойником-изгнанником, которого влечёт Большая дорога и нажива, что можно с неё аккуратненько собрать, таких ещё по неизвестному мне разумению часто восхваляют, как личностей сугубо романтических... Так вот, причина? К счастью, она есть. На том и порешим! Значит настало время рисковать по-крупному.

Хотя, в моём случае трудно определиться, что риск, а что нет. Вроде бы и тогда «во сне» думалось мне, что уж я-то ничего не потеряю! А вон, как оно всё вышло... Буду аккуратнее. Потому и медлю сейчас, взирая на постепенно уходящий ко сну Озёрный город. Работа непростая выдалась, право слово. Не подходит мне такое, хоть тресни, хоть убей! Убийство клановой верхушки — дело непростое, нападёшь на один Клан, все остальные разбегутся, кто куда, а бежать им, уж поверьте, есть куда. У проныр, оказывается, есть неплохие связи и в Королевстве, и в Империи. Гоняться за ними желания я не имею.

— Охо! Снова здорова! — вылез из какого-то подобия таверны немного опьянелый капитан «Морского пса». — Чего это ты, путник, среди ночи шляешься, как неприкаянный?

— А сам-то?

— В этом чудеснейшем заведении, к твоему сведению, кутить можно, пока душонка не нарадуется! Если ты не буйный слишком, хе-хе. — сказал он, достав свою излюбленную трубку.

— Может, ещё просветишь? Есть у вас тут праздник какой или ещё чего, когда вся верхушка четырёх Великих кланов будет в сборе?

— А тебе, мм, фууу... — говорил он, причмокивая и пуская дымные кольца. — зачем такое знать? Затеял чего? Ты лучше сразу скажи, я-то человек свободный и любви особой к Стране не питаю. Хотелось бы заранее понять, когда драть ноги... то есть вёсла.

— Так значит всё же собираются... Вот в тот день можешь и драпать, я даже советую. — раскрыться мужику я не боялся. Кому расскажет, тем меня не найти, а Главы кланов на такие бредни даже внимания не обратят.

Капитан раздумывал, почесывая репу, губы его сложились трубочкой и не расправлялись, жадно притягиваясь к спасительной трубке.

— Собираются. — сказал он всё-таки. — Через неделю ровно пир будет во дворце, День основания Страны вод. Таким, как я, вход туда закрыт... но ты, я чую, разберешься, хех.

— Спасибо, капитан. Из города лучше уезжай на пару деньков, здоровее будешь.

— Вот уж успокоил, морской ёж тебе в задницу! И не повезло же связаться на свою голову... — всё приговаривал он и удалялся восвояси.

Что ж, одной проблемой меньше. Если не соврал, через неделю все мои жертвы соберутся в одном месте. Но даже так, убить одним махом будет трудно. Вспомнить былое и намешать им ядовитого отвара? В лучшем случае половина поляжет... И к Марике за помощью не обратиться, добивать нужно именно мне — такого уж условие.

Идея настигла меня неожиданно на третий день раздумий, это было такой же неожиданностью, как и лягушка, по неведомой мне причине сидящая у меня на лице. Вылупив свои глаза, которые она с некоторой методичностью облизывала языком, лягушка раздувала брюхо, издавала горловые стрекочущие звуки. Они и разбудили меня тем днём.

По обоюдному решению мы решили жить вне города, вокруг него как раз расположилось озерцо, опоясанное плодовыми деревьями. Марику выводило из себя подземная тюрьма, о которой она просто не могла не думать, меня же напрягало присутствие там одной противной и высокомерной сущности. Неприятным было осознание того, что в город всё же придется еще вернуться, дабы завершить начатое. От этого уж никуда не деться.

Раз план готов, пришла пора приготовлений. Так, по мелочи. Позаимствовали некоторые вещи из некоторых лавок и бутиков. Пробрались в пару домов, где так же на время одолжили официальные приглашения во дворец с печатью у их владельцев, благо они были не именные. А чтобы никто не заметил пропажи и, не дай бог, не проговорился, двух причастных успешно упокоили. Надеюсь, их пропажу не заметят слишком рано.

Наконец пришёл тот самый день, даже солнце вставало из-за горизонта как-то иначе, с неким рвением и особой прытью, пытаюсь поскорее приблизить наступление спасительной ночи и начать уже день другой... не такой проблемный. Лучи светили блекло, слегка сконфуженно и даже боязно, будто подозревая, что же ждёт освещаемую ими Страну в ближайшие часы. Зрелище сие было весьма приятным, потому, убедившись, что Марика точно знала, что, как и когда ей нужно было делать, мы гордо и победоносно направились во дворец. Перелезли через стены, прошмыгнули сквозь ряды домов, затерялись в толпе, и вот — мы на пороге круглого дворца.

Внутренняя часть его была уж украшена, арки скреплялись красочными лентами, всюду развевались гобелены с геральдикой, в вазах свежие цветы, столы накрыты, бокалы начищены, еда ждёт всех гостей. На входе стояла стража и слуга во фраке, что проверял приглашения. Взяв Марику под руку, на которой было надеты лишь киртл и сюрко (на большее она не соглашалась), а волосы её были изящно заплетены (ох, знали бы вы, сколько

пота и крови было пролито ради создания этого шедевра), я подошёл к слуге и протянул два конверта с красными печатями. В лице сделался представительным и важный, на что слуга посмотрел с улыбкой явно одобряющей, вот только Марика портила весь маскарад своим полным холода и угрюмости взглядом. Но это не помешало нам попасть во двор после кивка слуги и пожеланий о приятном проведении праздника по случаю настолько известному, что о нём даже упоминать не стоит.

Во дворец, стоит сказать, приглашены были только самые-самые, остальные же пировали по-своему за его стенами, однако же внутри всё равно было по меньше мере несколько сот человек. Хоть в лицо я никого здесь не знал, а Глав кланов нашёл быстро — их разноцветные костюмы ярким пятном выделялись на всём многообразии одежд снующих от одного столика с закусками к другому групп молодых и не очень людей.

— Здравствуйте! Простите, не знаю вашего имени, хоть и крутимся в одних кругах... — подошла к нам пожилая пара, и старушка заговорила.

— Доброго вам дня, госпожа, господин! — кивнул я им. — Так уж вышло, по делам мне с женой пришлось покинуть земли Страны Вод на некоторое время.

— Ох, неужели! Не расскажете ли, где вы были?

— Конечно, госпожа. Путешествие наше пролегало через Имперские просторы.

— Ох, Империя! А...

Дальше шёл весьма нудный и утомительный диалог, от которого я по понятным причинам не мог отказаться. Пара спрашивала меня про Империю, я отвечал. За время разговора сложилось стойкое впечатление, что жители Страны Вод считают имперцев чуть ли не дикарями или хотя бы жалкими оборванцами, прозябающими в бедности. Что ж, каждому своё... К этому времени пожилая пара наконец оставила нас в покое, а лицо Марики сделалось еще более кислым. Неудивительно.

Так прошли примерно пол часа. Все вокруг ходили туда-сюда, заводя бессмысленные беседы с первыми встречными и малознакомыми людьми. Что-то мне всё это напомнило... Мы с Марикой успешно избежали такого утомляющего времяпрепровождения в одной из дамских комнат.

Разговоры вдруг стихли, когда протрубили в трубы и объявили о прибытии Правительницы, точнее её «замены». Мы всё так же оставались в тихой и удобной комнатке, так что я мог лишь слышать её речь.

«Я приветствую вас, дорогие жители Страны вод! Благодарю весь Высший свет и представителей Великих кланов за то, что собрались сегодня здесь по весьма благоприятному поводу! Я искренне желаю вам чтить нашу необъятную историю, помнить, почему для нас так важен сегодняшний день, и, наконец, желаю насладиться пиром, который мы для вас подготовили!»

Показалась Правительница лишь раз и ушла сразу же после своей тирады под звуки восторженных возгласов и хлопков. Всё это вызывало такую скуку, что даже спать захотелось. Впервые за лет десять! И правда, праздник на славу выдалось, тут уж спорить не буду. Но не за тем мы здесь...

Пока господа и дамы наслаждались не слишком приятным общением и напитками, я спустил Марику через удобно расположенное в комнате окно. Там она переоделась в одежды более неприметные и отправилась в условленное место в обход всего замка. Теперь осталось лишь ждать.

Звучала музыка оркестра, собранного из лучших дворцовых трубадуров, смычки плясали

в такт разгорячившихся гостей, а те хихикали и умилялись, сотрясая пол своими каблуками. Старики же в пляс, конечно, не вступали, но тоже наслаждались праздником по-своему, обсуждали свою молодость, перемены в моде, популярные слухи, политику и бизнес. Слуги мелькали тут и там, только и успевая менять пустые серебряные подносы на те, которые ломились от обилия всех самых разных блюд и напитков. Пришло время чего-то посерьёзнее, закуски — это, конечно, хорошо, но пузо ими не набить, особенно если это пузо еле-еле прикрывается дублетом, а пуговицы, скрытые под толстой тканью, так и норовят продырявить чей-то глаз или, как минимум, разбить пару бокалов.

Сквозь весь этот топот, шум, гам, болтовню и музыку немногие смогли расслышать звук отдалённый, непривычный, который явно был не к месту. Всё больше и больше господ стали обращать внимание на этот странный звук, головы их всё чаще оборачивались в сторону запертых ворот. И вдруг в них постучали... нет, заколотили, загремели яростно и с рвением, отчего некоторым стало плохо, а некоторым — страшно: «Вдруг это тварь осколочная ломится к нам в замок?». Тут уж все затихли — и трубадуры, и старики, и молодняк, только теперь они могли внимательнейшим образом расслышать тот самый звук. Ржание коней, топот, возня, истошные крики, возгласы о помощи, и... молитвы. Кто-то прислонился самым наглым образом прямо к воротам и шептал так проникновенно, как возлюбленный не признаётся в своих пылких и страстных чувствах. Он взывал к богам, просил смилостивиться, замаливал свои грехи. Голос иногда его переходил на крик, он часто заикался, порой что-то несвязно бормотал. Концом его молитвы стал дикий возглас, и что-то гулко стукнулось и ворота...

— О, боги милостивые!!! — оказался я в самом центре зала и прокричал, сделал голос свой как можно драматичнее. — Неужели, Смерть Чёрная пришла?! Наконец-то нам воздастся за все грехи наши, и сбудется пророчество!

«Что? Смерть? Пророчество? Что он несёт?», — последовали шепотки.

— Как же вы, слуги Божьи, можете не знать, что пришло оракулам пророчество?! — пока я распинался, ворота стали покрываться чернотой и жалобно заскрипели, через прорези в белокаменных стенах полз густой чернильный туман, он медленно спускался и подбирался к сапогам и туфлям.

— В Имперский храм пришло пророчество еще два месяца тому назад! Боги недовольны родом людским, и потому шлют на нас Смерть Чёрную. Смотрите! — указал я на туман. — Теперь вы верите?! И он не остановится пока не иссушит до костей каждого из нас!

— Но что же делать?!

— Можно же убежать?

— А уплыть? — кричали люди.

— Не будьте глупцами! Если Смерть добралась сюда — в самый центр Страны Вод, то, что вы думаете сейчас твориться за стенами замка? Спасенье есть лишь одно! — сказал я, и сотни пар глаз уставились на меня. — Туман Смерти плавает по ветру, но в землю ходу ему нет! Слышал, что под дворцом этим простирается сеть каналов...

— Точно, есть такая!

— А что же делать с едой?!

— Да хрен с ней, сейчас прятаться надо!

Испуганная толпа стремительно направилась искать проход в каналы, а я же, улыбаясь, спрятался в «тени».

Глава 20 Ёжик в тумане

Проход в те самые каналы был найден на удивление быстро. В который раз убеждаюсь, страх — величайший инструмент. Пока толпа напуганных и даже одичалых гостей в шесть сотен голов пыталась забиться всем скопом в узенький проход, я направился по ту сторону дворцовых стен.

Там горело всё, что только могло гореть, серый дым столбами поднимался по всей округе — так уж повелось, что в панике кто-нибудь обязательно да, например, разобьёт лампу, полную керосина, а потом он по случайности зажжётся... Всё веселье и праздничный настрой были вероломно прерваны и забиты в самые дальние уголки сознания появлением «Черной Смерти». Её кольцо опоясывало город, всё сужаясь к замку, заботливо подсказывая бегущим путь к «спасению». Марика сделала всё в точности так, как я и просил. Громадной высоты кучной вал пожирал улицы, дома, скотину и тех, кого удача обошла стороной, и лишь вереница белых-белых костей, что вскоре обратятся в пыль, тянулась за ним. Даже лучи столь всемогущего светила не могли прорваться сквозь тюрьму черноты столь абсолютной, что ночь ей и в подмётки не годилась.

Вскоре стадо наконец было согнано в загон — молитвы словно в купольном храме отражались от холодных стен, казалось, будто сами Боги вторили им, давая хоть крупицу ветреной надежды, те же, кто отчаялся, устал просить, безмолвно опустили на колени — их взгляд был пуст, пустота эта затягивала многих, одни представляли, какими лучшими людьми они, несомненно, станут в следующей жизни, другие сокрушались, что не успели ещё сделать всё, что хотели на этой брэнной земле. Находчивые же бродили тут и там в поисках света, еды, места более глубокого... Но ни у кого, ни у единой души не возникало мыслей, как им дальше быть, как пережить эту заразу божью, как встать потом с колен, как возродиться и вернуть былую славу и богатства вновь. Верно, в их головах страна разорена, золотистые нивы, пушистые холмы, речные и озерные просторы и даже могучие леса обращены в ничто, земля блистает чернотой, полнится трещинами, из которых извергается пламя погибели, их собратья, друзья и семьи, оставленные где-то там, безвольной гнилой плотью выложили путь наказанию богов. Теперь их осталась лишь жалкая горстка... без надежды на спасение.

Правильно, не думайте о том, что будет дальше, не мечтайте, не молитесь и не смейте даже надеяться на что, всё это каким-то немислимым чудом пройдет мимо вас. Вам же будет проще, уж поверьте...

— Молодец, ты хорошо справилась.

— Угу. побыстрее закончи. Я хотела еще поплавать.

— ...да, хорошо.

Я не смог сказать ей. Ничего. Ни про то, что, быть может, плавать ей придется в одиночестве, что, вероятно, то был последний раз, как мы виделись и разговаривали. Не смог сказать «прощай», не смог сказать, что ей делать дальше, если я вдруг не вернусь...

Ведь я уже знаю — близится конец. Конец всему. Конец вопросам, конец скитаниям, страданиям и радостным моментам, конец порядку и правлению безжалостного Бога. Я слышу хруст, как трепещет моя израненная душа, как она метается в агонии, как она молит прекратить. Наверное, я здесь единственный, кого окутывает буря, вечно жужжащий, противно клацающий своими жвалами шум, он колит, режет и кусает, а когда понимает, что

этим меня уже не пронять, словно искусный стратег, меняет тактику. И вот меня одолевает крик, столь безжалостный, что хочется вырвать себе уши и раздробить голову, голоса напуганные, гневные, молящие сменяют друг друга. Иногда мне слышатся знакомые, я не могу вспомнить, кто они. Те, что пали от моей руки? Те, кого я просто знал? Быть может, это те, кто был мне дорог? Близится месть, месть за них, но я не могу вспомнить ни их голосов, ни взгляда, что когда-то смотрел на меня с любовью. Я даже не могу припомнить цвет волос и глаз, их рост, одежды! Две женщины, один мужчина, и больше ничего...

Я сам стёр их, мне пришлось. Наверное, это именно их голоса сейчас так отчаянно проклинаят меня. За то, что я забыл, хотя мог помнить их всю жизнь. Я ведь мог просто помнить, прокручивать в голове все те радостные события, посещать могилы, делиться добрыми вестями, как и все. Мог ведь? Нет, наверное, даже до того, как потерял, даже если бы не потерял их, пошёл бы такому же пути. Судьба ли это, козни ли существ, что стоят гораздо выше простого человека? Или это просто я такой... странный?

С каждым шагом голоса всё сильнее кричали, теперь я не слышал даже звука собственных шагов, не слышал биения сердца. И вот, в нос ударился запах сырости и затхлости, значит я уже на месте. Какая-то одурманивающая пелена закрывала мой взор, и я лишь смутно видел множества фигур, что копошились впереди. Это их мне нужно убить? Наверное, я уже плохо понимаю.

Кто-то подбежал ко мне и что-то прокричал в лицо, голос смешался с другими, а те будто взбесились, накинулись с новой силой, как стая воронов на холодный труп. Хватит. Хватит... Хватит кричать!

Легкий далёкий треск раздался совсем рядом, и сознание прояснилось, лишь немного. То треснула стена или моя голова? А где тот, кто говорил со мной? Плохо вижу. Ааа, нашёл. Вот ты где... ты и раньше был таким высоким? Я ощупал его тело, странно, но он не пытался меня оттолкнуть, что-то торчало у него из груди, что-то, от чего исходила моя магия. Неужели убил? Ну, когда-то надо было начинать...

Возможно, дальше раздавались крики, гневные возгласы, может, кто-то бежал от меня, а кто-то прямо ко мне. Я... плохо видел и слышал. Просто шёл на запах как дикий зверь. Чувствовал запах кожи, засаленных волос, духов, скрывающих пот. Когда-то он становился совсем близким, уже руками я мог ощущать тепло человеческого тела, под пальцами вибрировала кровь, текущая по жилам, хрустели позвонки и щёлкали хрящи. Немного усилия, и кто-то умирал, а по рукам сочилась горячая жидкость, и даже сквозь вечный шум я слышал треск и чавканье.

Иногда я мог ощутить ману, был даже благодарен её владельцам. Бывало, что-то стучалось в меня, задевало, пыталось оттолкнуть, мешало. Тогда весь коридор покрывался кривыми металлическими шипами, и больше меня там никто не останавливал. С каждым таким коридором, каждым поворотом и развилкой, голоса кричали всё сильнее. Так я понимал, что стал еще на шаг ближе... что убил кого-то.

«Зачем?», — вдруг прозвучал вопрос. Женщина, молодая. Это всё, что я мог понять.

На секунду я её увидел, кто сзади держал её за руки, приставив клинок к горлу. На щеках следы от высохших слёз, простая одежда, огрубевшие руки. Она смотрела на меня с упрёком, как-то отчуждённо, и продолжала смотреть даже когда-то её шею перерезали. Реки крови выливались из её тела, покрывали пол, заполняли собой канал, лезли на стены.

«Зачем?», — говорила она одними губами. Серое сменилось ало-красным. Красные полуразрушенные домики, красные лужи, снопы сена, красное пламя, что охватило всё

вокруг меня. Вот, на тропе под головнёй лежал старик, обугленная кожа его дымилась, из под обрушившейся крыши пыталась выбраться женщина, ноги её были проколоты корягами, руками, покрытыми волдырями, она пыталась вытащить своё дитя. Там дальше была площадь, толпа испуганных людей собралась в кучку, а рядом с ними расхаживали несколько фигур, похожие на угли — все чёрные, истрескавшиеся, и сквозь проломы сиял ярко-оранжевый жар. Когда они открывали свои рты, оттуда валили хлопья пепла.

Совсем рядом в кустах сидел мальчишка с луком. Руки его тряслись, взгляд бегал из стороны в сторону. Вдруг он скривился, схватился за голову, но тут же прикрыл рот, чтобы не закричать. Угольные фигуры стали резать селян одного за другим. А мальчик продолжал сидеть и дрожать, алая слеза вытекла из его глаз, а когда топор занесли над женщиной он дёрнулся. Беспомощно. Бессильно. Упал на колени и лишь дрожал. Отвёл взгляд и отполз назад.

«Зачем?», — спросила меня эта женщина.

Зачем? Причина слишком много. Разве мог я поступить иначе?

«Мог. Посмотри», — мальчик смахнул слёзы и убежал, ветер тормозил его волосы, тряс одежду, пока весь этот ало-красный покров не исчез. А голова женщины полетела с плеч.

«Зачем?», — улыбнувшись, спросил меня бородатый мужчина, над которым опять был занесён клинок. — «Не такого я для тебя желал... все мы»

Вы? Желали? Я даже не могу вспомнить, кто вы такие. Ааа, это вы кричите? Это из-за вас я так страдал?

«Быть может, ты и прав... Прости. Поверь, мы не желали»

Поздно просить прощения, поздно. И его голова отделилась от тела. Вдруг кровавая земля пошла рябью и извергла из своих пучин туманную фигуру, маленькую, но глаза пылали смертным хладом. Прошло несколько мгновений, и все убийцы валялись у его ног. Кривая улыбка разошлась на его лице, изорвала его трещинами. Так и надо, такое мне по душе.

«ЗАЧЕМ?», — хором произнесли головы.

А, я вспомнил. Вспомнил, зачем. Я вспомнил вас. Вспомнил, как вы беспомощно трепались в руках разбойников. Вспомнил как ТЫ смотрел, но не смел двинуться с места, смотрел, как убивают твою жену. Принимал это как данность. Ведь так должно быть. «Убийца убивает», а?! Сколько из было?! Четыре, пять? Ваших детей, друзей, соседей убивали и жгли заживо. А вы смотрели?! И спрашиваете — «зачем»?! И до сих пор вы продолжаете мешать всегда, всегда, всегда! Вы отговариваете, кричите «так нельзя» ... Несчастные рабы. Если бы вас не убили, ничего бы не началось. ВЫ позволили этому случиться! ТАК ЧТО НЕ СМЕЙТЕ МНЕ МЕШАТЬ.

Коридор за коридором я прорывался сквозь наваждения и воспоминания, но крик не отступал. С каждым разом он всё матерел, грубел. Сквозь алую пелену мелькали четыре цвета: желтый, синий, красный и зеленый. Вот вы где. Что-то блеснуло в свете факела, в глазу неприятно зачесалось, а крики стали приглушенными. Тело стало ватным, конечности еле слушались. Что это? Рука, как одеревенелая, лишь со второго раза согласилась подняться. Пальцы ощутили холодность метала, остроту тонкого лезвия... и прошли сквозь него, как через воду. Шипящие расплавленные сгустки упали на пол, выдрал оставшийся кусок из головы, и в тело вновь вернулась сила.

Четыре цвета остались где-то там позади, распотрошённые на полу. Опять мелькали коридоры, повороты и фигуры, которых с каждым разом становилось всё меньше. И чем

ближе это число становилось к нулю, тем больше меня засасывал вихрь голосов. «Зачем-зачем-зачем» — стонали они. Я ведь уже ответил. Что вам еще надо?!

Еще один коридор, но из него нет выхода. Впереди виднелись очертания стены — та самая, за которой скрывались бесчисленные ряды стальных дверей со свитками. Жаль. На вас, бедолаг, не хватит времени. Если выживу, обещаю — вернусь за вами и подарю покой.

Кто-то жался в углу, но не смотрел на меня. Я приблизился почти вплотную, так чтобы видеть лицо. Безжизненная маска, стеклянные глаза. Так вот, каким будет последний? Хоть бы побрыкался...

«Блинк!», — раздался знакомый звук.

Имя: *Зет*

Возраст: *42*

Раса: *человек (может быть изменено)*

Редкость дара: *ошибка*

Дар: *охотник (основной), убийца, температурный маг, Уроборос, воин Ареса, маг созидания, Тень, Пожиратель души (дар располагает возможностью приобретения «особых» привилегий — прав Администратора. Необходимое условие — поглощение астральной энергии)*

Глава 21 К сожалению, День Рождения только раз в году

— РАДЫ МЫ, ЧТО ТЫ НЕ ОТСТУПИЛСЯ ОТ ПУТИ! ПРЕОДОЛЕЛ ВСЕ КО
РАЗУМА И ПРОКАЗЫ ДУШ, НЕПРИЯКАЯННЫХ.

— А уж я-то как рад, не представляешь... Что дальше? — сказал я с явным раздражением. Наконец-то наше совместное пребывание грозит окончиться. Во век бы его теперь не видеть и не слышать... Голоса, крики, боль, что они порождали, отступили, и самообладание вновь вернулось ко мне.

— ТЫ ВСЁ ПОЙМЕШЬ, НАШ СЛАВНЫЙ ВОИН! ЖДИ. НО ВРЕМЕНИ ОСТАЛ МАЛО. А ПОТОМУ ВНИМАЙ, ЗАПОМИНАЙ. БОГ ВСЕМОГУЩ, НЕТ ДЛЯ НЕГО О ПРЕПЯТСТВИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ. НО НЕ ДОЛГО ЕЩЕ СИЛЫ ВСЕЛЕННОЙ БУ ЗАКРЫВАТЬ ГЛАЗА НА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОВ МИРОЗДАНИЯ. НЕ НАРУШЬ И ПОМНИ, ХОТЬ СИЛА ЕГО БЕЗГРАНИЧНА, РАЗУМ СЛАБ. ЗАКЛЮЧЁН В ЕГО ПЛ БОЖЕСТВЕННОЙ СЛАБЫЙ ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК. ПРОШЛОЕ ТЕБЕ ПОМОЖЕТ...

Голоса Духа Маны постепенно затихали, их перекрывали звуки, которых обычному смертному дано слышать лишь в посмертии. То звучал мир по ту сторону жизни, звучали души убитых, отражаясь от стен, неслись они ко мне, преодолевая все преграды. Звучал и сам Дух Маны. Теперь я мог слышать, ЕГО голос и голос тех тысяч дух, что он хранил в себе веками. Звуки расы истреблённой.

Я не видел — чувствовал, как нечто не похожее на всё мирское проникало в меня, заполняло трещины души израненной, меняло её, оставляя неизменной саму лишь суть. Пространство дрожало и кривилось, я мог сам менять его. В начале малые песчинки стали подвластными моей воле, закружились вокруг меня водоворотом, потом и все безмозглые жучки откликнулись на мой зов, растения и горы, воды и рыбы, скот и леса, и даже люди... Одна лишь моя мысль, пусть и мимолётная, была для них приказом.

Вдруг новое чувство зародилось во мне. Что-то чуждое, но то, что всегда было рядом. Его не описать единым словом, не принизить до понятий человеческих, я мог лишь сравнить, что, однако, стало бы величайшим оскорблением для того, что его испытывало. Стенания самого МИРА. Всем существом своим я внимал его боль, как корчился он в агонии. Я видел его неполноценность, теперь он был лишь отголоском себя прежнего — такого прекрасного и единого создания. Но ему не ведома была злость, ярость, потому он и не мог излить её на того, кто так изящно пытал его все долгие столетия. Как двухсотлетний дуб, что не винил грозу и молнию. Лишь жалобно стонал, разбрасывая опалённые ветви, в ожидании неизбежного конца.

Наверное, поэтому же МИРУ нужен правитель, Бог. Не тот, кто будет упиваться властью, не тот, кто будет лишь желать. Тот, кто поймет, будет заботиться и уничтожит его врагов, потому как МИР бессилен против них...

...

В пространстве столь близком и столь же далёком, где нет ничего, но может быть всё, что только пожелает его создатель, хозяин и единовластный правитель, имело место быть интереснейшее действо. Происходило оно потому ли, что его главный актёр был совершенно один, или же потому, что ему был неведом стыд, как не интересовало его и мнение смотрящих, — мы не знаем, но можем строить догадки...

Посреди белёсого полотна одиноко стояло кресло, облюбованное самим Богом, который в ярости и негодовании метался по нему, как уж на сковородке.

— Твою маааать!!!! — кричал он. — Да как этим всем управлять?! Ну, ну, двигайся, чёрт тебя дери! Вот таак... а теперь магию! Оп! Ха-аха-ах-аахахха! Вот это попал так попал — пару десятков разом! О, а у этой только голова-то и осталась. М-да, были бы в моё время такие игрушки...

Бог был весьма увлечён своей новой «игрушкой», не удивительно, ведь в ней было всё, что только можно пожелать — главный герой, олицетворение добра, есть; реалистичность тоже на месте, отзывчивое управление... ну, с этим были некоторые проблемы, которые, правда, решались терпимостью в купе с тренировками. Всё-таки, в игры играть — это вам не говно месить, тут подход нужен!

Фигура сущности, которая сегодня по какой-то причине была красной, дёргала руками, истошно голосила и частенько проводила так называемый «бой с тенью» — искусство, практикуемое некоторыми воинскими племенами в древности. В общем, полностью погрузилось в свою забаву... наверное, поэтому она и не заметила появление наглого самозванца в своей неприступной, казалось бы, обители.

Незванный гость же сначала слегка удивлённо оглядел белое ничто, а после устремил взгляд своих усталых и холодных глаз на Бога. Любой, кто еще пребывал в своём уме, на его месте стал бы неистово молиться. Но, либо он был безумен, либо проповедовал другую религию. Потому и стал неспешно и неслышно приближаться к сей фигуре. Так же без единого звука в его руке стал теплиться боевой двуручный топор — вещь весьма массивная, учитывая, что в его случае она полностью состояла из металла, и к тому же, по его скромным меркам и некоторому опыту, чрезвычайно необходимая для некоторых сторон воинского искусства.

«Вот ведь удача», — подумалось ему, и самозванец поспешил применить топор по назначению. Не было потоков воздуха, рассекаемых лезвием, оно и понятно — воздуха здесь не было, оттого не было и характерного звука взмаха, но было слышно отчётливое чавканье и хруст. Голова Бога, как мячик из кожи, отлетела в сторону. Нам остаётся лишь догадываться, откуда здесь были хоть какие-то звуки при отсутствии воздуха — проделки богов, не иначе...

Безголовое тело распласталось по креслу, а в месте сруба зияла лишь чёрная пустота.

«Так просто?», — гадал незванный гость, но всё же сомневался, ведь привычной ему крови не было — доказательства жизни и смерти. Тем не менее, он сумел объявить о своём появлении и намерениях весьма искусно... и показательно.

Из отрубленной головы, словно щупальца тех океанических гадов, которых он видал в Стране вод, поползли противные отростки, которые вскоре слепились в новое тело для Бога.

— Что это, блять, было?! — провизжал он. Нервно поглазел по сторонам и наконец обнаружил причину, которая нарушила его вековой покой. — Грёбаная крыса!! Что ты... Как ты тут оказался?! Отвечаааай!!

А Зет молчал. Вы бы стали разговаривать, хмм, например, пусть будет с ослом? Наверняка кто-то бы стал, но это лишь значит, что этот кто-то уж очень сильно привязан к ослу. Зет не был, вот и не отвечал, что, однако, еще больше выводило из себя Бога — не привык он к подобному отношению. Хотя, вернее будет сказать, что как раз таки привык, да вот позабыл... Но старые душевные раны так просто не исчезают, лишь покрываются корочкой, образуя вскоре неприятного вида след. Он то его и тревожил, возможно, именно

этот след являлся истинной причиной его не совсем разумного поведения. В прошлом мире ему бы помогли, там были люди которые не прочь, за некоторую плату, конечно же, исцелить тебя и от такого рода травм. Но сей мир — новый и даже спустя столько лет всё еще непривычный для Бога — был более... жестоким.

— Молчишшь, собака?! — с шипением вопрошал Бог. Терпением наша божественная сущность не отличалась, первенство занимала лишь с конца, потому за вопросом сразу последовало наказание за такое невежественное игнорирование.

Над Зетом, что стоял со скучающим видом, вдруг нависла тень, сначала лишь маленькая точка, которая стремительно разрасталась, пока не покрыла собой все видимые и невидимые пределы. Огромная каменная глыба, скорее даже целая гора! неслась на него с высоты. И когда его маленькая на фоне такого исполина фигурка почти скрылась под подножием, раздался грохот, Бог ликовал, пританцовывая в припрыжку. Глыба же, к его сожалению, пошла трещинами и рассыпалась на множество валунов. А зет, которого опоясывал лес из кривоватых металлических деревьев, всё продолжал стоять, как ни в чём не бывало.

Тут-то началось настоящее испытание... не для самозванца, конечно же, а для фантазии и знаний самого Бога. Он посылал раскалённые метеоры, сплющивал стенами, кидался кольями и копьями, превращал пол в лаву, а небеса — в ледяные оковы, насылал орды тварей, армии рыцарей, лучников, конницу. После и сам пустился в бой — из пальцев и глаз его вылетали лучи молний и огня, временами брался за оружие, пытался сделать хоть что-то, а мозг его уже шипел и плавился, работал как никогда. Он, как герои из его любимых новелл, пытался взять средневекового варвара силой НАУКИ!! Но смог вспомнить лишь, что листья зеленые, так как в них хлорофилл... Вряд ли это помогло бы ему, но красивое деревцо с раскидистыми ветвями, полными зелени, всё же наколдовал.

В защиту Бога посмею отметить, Зету тоже приходилось нелегко, его мучили вопросы философские, те, которые привыкли смаковать и пережёвывать беззубые седобородые мудрецы, однако для него сейчас они имели характер более практический. «Как убить того, кто бессмертен?», — всё думал он. По этой же причине его не мог покалечить и Бог, ведь Зет стоял с ним на одном уровне.

«Даже идиотам, бывает, приходят в голову изумительные идеи...», — размышлял он, продолжая провоцировать Бога своим молчанием. Быть может, и правда тот додумается до того, чего обычным смертным не постичь? А значит и останавливать его нет смысла...

Без страха и тени сомнения во взгляде Зет продолжал безмолвно стоять под градом всех мыслимых и немыслимых заклинаний, стихийных бедствий и порождений фантазии Бога. Он всё прокручивал в голове последние слова Духа Маны, где-то там должна была быть подсказка... Зет на это надеялся.

«Законы Мироздания... силы Вселенной... слабоумие Бога... прошлое поможет. Убедился я только в третьем. А что дальше-то? М-да, не так я себе представлял битву с Величайшим Злом, проклятием сего мира и убийцей миллионов... Судьба, оказывается, та ещё шутница. Прошлое... И откуда начать вспоминать? С самого начала?»

— Тыыы!!! — возмущался Бог. — Да как...! НЕВОЗМОЖНО! Ты такой же... как я? — с непонятно откуда взявшейся обидой говорил он. — Тогда ты должен понимать! Наша битва не имеет смысла! Мы бессмертны! Нас ведь невозможно... убить.

Стоит отметить, что и лжец из Бога никудышный, он был как маленький ребёнок, что, заигравшись во дворе, к ужасу матери испоганил совсем новые сапожки. Всеми силами пытался оправдаться, соврать, лишь бы не испытывать на себе ответственность за содеянное.

Аккуратно, маленькими шажочками он близился к Зету, всё продолжая повторять о бессмысленности его борьбы, уверял, что «таких, как они» убить НЕВОЗМОЖНО...

Что ж, сказка, она на то и сказка, легенда на то и легенда... Главный герой, смелый и сильный, прозорливый и хитрый изничтожает пакостное Зло. На самом же деле подобные истории часто имели весьма печальный конец, настолько, что их на за какие богатства не стали бы рассказывать матери своим чадам. Кто-то оказался недостаточно силён, кто-то сдался на полпути, кого-то предали и убили, а кто-то... просто, хмм, зазнался? Поверил в себя? Конечно же, вера в себя — неотъемлемое качество каждого поистине великого человека, но, как говорится, у медали две стороны. Всякое бывает...

Вот и Зет, который всё это время вспоминал своё прошлое, все те моменты, когда он ускользал от загребущих и костлявых рук Смерти в самый последний момент, поверил и сейчас. Уловка обернулась против него же. Хотел заставить Бога раскрыть свои карты, выжить, а после отыграться. Не ожидал он, что козырь будет столь силён...

Как мы и говорили, судить его будет лишь Мир и вы. Но знайте, несчастье — это проклятие, въедчивое, противное, пожирающее саму душу и жизнь. Кому-то удаётся от него избавиться, идут за помощью к колдунам ли, гадалкам ли, встречают нужных людей, отдают то, что дорого, взамен получая толику удачи — не важно. Есть те, для кого сие проклятие вечно, избавиться от него невозможно. Какие, однако жестокие слова... Мудрецы говорят — «Человек живёт как раз для того, чтобы делать невозможное возможным». Бред да и только! Или нет? Мы не верим, не знаем даже, сможет ли нас кто-то переубедить...

Время остановило свой ход, метеориты и цунами замерли по команде, как охотничьи псы по приказу хозяина. И лишь одному существу оно продолжало подчиняться, оно было радо как никогда. Не зря читало столько псевдонаучной литературы в свои последние годы жизни в прошлом мире. Именно это и спасёт его дражайшую жизнь.

Он вытянул свою руку к груди самозванца, и конечность стала меняться. Стала прозрачной, и лишь призрачные жилки продолжали переливаться в ней. Вдруг трещины разошлись по ней, открывая за собой вид на саму Вселенную, мириады звёзд сливались там в танце, направляли свой свет во вне. Он был столь чистым, ярким и, несомненно, прекрасным, что смотреть на него было нельзя. Смертный взглянет и расстанется с жизнью, а если повезёт, то вечная слепота будет его наградой. Но Боги бессмертны, недостаточно просто смотреть, нужно быть ближе... гораздо ближе.

Рука его изожглась пламенем Мироздания, силой подвластной лишь Богам, даже созданное его же властью пространство не могло противиться сему жару, еще пару секунд, и оно исчезнет столь же бесследно, как дым после пожара. Рука медленно близилась к сердцевине незваного гостя, дрожала от боли и напряжения. Даже Богу было тяжело справиться с этой немислимой силой. Каждое лишнее мгновение могло стоить ему вечности исцеления, но он не смел торопиться. За ошибку он бы тоже платил по счетам.

Грудина разверзлась, раскололась на две половины, обнажая плоть не людскую, но божественную — в ней нет столь уязвимой крови, органов и костей, там есть лишь то, что и является знаменем его существования. Душа. Столь прекрасная и идеальная, что слёзы лились из глаз Бога при виде её. «За такое и умереть не жалко...», — даже подумалось ему, но он отбросил эти мысли безжалостно, собственное существование было ему гораздо важнее.

Обожжённые светом звезд персты легонько дотронулись до светоча души Зета и потянули. Оборвались пути, те связи, что держали его на своём законном месте. Когда

осталась лишь одна маленькая ниточка, тело Зета стало меняться даже вне времени — кожа бледнела и осыпалась мёртвыми лоскутами, жизнь тухла в глазах его. Бог взревел и с силой вырвал его душу с корнем! Теперь та теплилась в его ало-красных ладонях. Улыбка перекосило его гладкое лицо, изорвало его, придав форму жуткого оскала. Он смеялся. Смеялся долго, пока его Величайший враг не покрылся трещинами и превратился в уголёк. Сквозь надрывы выливалась сама магма, а изо рта шёл пепельный дым. «Жуткое зрелище», — подумал Бог и легонько дунул, как задул бы он свечку на торте в честь своей ошеломительной победы. Прах Зета разнёсся божественным дыханием по белому-белому полу.

В чёрных глазах-бусинках воронов, рассеявшихся на деревьях-корягах, отражался пологий холм. Дождь моросил их перья, а непрекращающийся стук заставлял вздрагивать, но улететь они не могли — это их дом, и к повадкам своего сожителя вороны уже привыкли.

Металл вбивал дерево в землю, ряды самодельных надгробий протянулись от самого склона до покосившейся хижины вдали. Многие могли бы принять такой облик могил за оскорбление, ведь все уже давно перешли на камень, а кто побогаче, то и на мрамор. Отнюдь никто не перечил — то была его земля, его трупы и его могилы. А кто смел возражать, пополнял стройные ряды деревянных кольев, только лишь добавляя ему работы.

Стук прекратился, вороны знали — теперь была очередь не менее противного скрежета. Человек в кожаном плаще двинулся в сторону монумента, что высился над всем кладбищем. Что-то блеснуло в его руке, и он стал тщательно выцарапывать слова на твёрдой поверхности замшелого камня. То были имена, сотни, тысячи, десятки тысяч имен опоясывали квадратную форму монументального столба. Там не было известных писателей, учёных, воевод и уж тем более правителей. И всё же, если бы у кого-то был шанс лишь мельком взглянуть на эти слова, он бы обнаружил там имя своего деда или бабки, прадеда или прабабки — настолько огромен был список.

Ветер подул, раскачивая ветви, срывая с них мириады еще не опавших листьев, что цельной гурьбой разлетелись в сторону холма. Вороны сердито махали клювами, но ветер вскоре стих. Распогодилось, красноватые тучи слегка разошлись, побелели, луч солнца прорвался сквозь них беспрепятственно. И что-то вновь блеснуло на кладбище. Вороны видели, вороны знали. Стальная табличка красовалась на самом верху монумента. Там была надпись, которую знатоки языка устаревшего перевели бы без труда — «БОГ», гласила она.

Человек в плаще поднял руку, вороны отряхнулись и полетели к нему, их чёрные перья отливали ало-красным под свечением весьма странного явления в небе. Оно появилось из ниоткуда — громадное кольцо, что было будто нарисовано тушью. Кто-то звал его «новой звездой», «новым Солнцем», другие молвили, что то был знак Божий, а третьи окрестили его «знаменем Кары Небесной». Кто-то из них определённо был прав...

Самый жирный ворон с самым чёрным клювом удобно устроился на запястье человека в плаще, а остальные расселись на могильных колах. Мужчина неспешно дошёл к своей хижине, громыхнул дверью, и день его был закончен.

Утро дня следующего начиналось привычно для жителей всей Хеннарии... Они успели привыкнуть к такому утру за последние несколько десятков лет. Темнота постепенно сходила, сменяясь свечением ало-красного кольца, воды пестрели багровым отливом, травы выглядели зловеще в таких цветах, тени нагоняли жуть — так и казалось, сейчас оттуда выпрыгнет какая-то тварь. И только после всходило прежнее светило, своими золотистыми лучами оно возвращало миру его естество, отгоняло все страхи.

Двое коней заржали на кладбище, пришпоренные парой людей в плащах. Один из них знал наверняка — сегодня будет дождь, и в отличие от других стариков, которые с возрастом обретали удивительную способность определять погоду по боли в суставах, его знание было истиной, «божьем провидением».

...

Имперский замок всегда был местом, наполненным шумом, сплетнями и интригами, и

только одна его часть последние пару лет сохраняла тишину — покои предыдущей Императрицы. Женщина была уже не молода, некоторые и до такого возраста не доживали, десять лет назад она передала бразды правления своему наследнику. С тех пор она могла наслаждаться своей беззаботной жизнью, правда, иногда прожитые года и тело, изнурённое битвами, давали о себе знать.

Императрица хворала всё чаще, пять раз врачеватели предписывали ей скорую кончину. Вот только строптивость её характера всегда давала о себе знать. Нынешний Император всегда приговаривал так: «Эта женщина умрёт только тогда, когда сама захочет», и он был прав.

Этим днём усталость и хворь опять застали врасплох Императрицу прямо в её личной библиотеке. Конечно, ей больше по душе приходилось проводить своё свободное время более активным образом, но и роман она была прочитывать не прочь иной раз. Тем более, что её руками Империя стала гораздо более свободной страной, и за последние десятилетия талантов в ней народилось немало. Творчество возшло на новую ступень, стало более раскрепощённым, давая волю безграничной фантазии умельцев.

Верные служанки под руки вели Императрицу в её покои, ноги её стались ватными, двигаться самой было тяжело, но даже в таком состоянии эта женщина не теряла своей прозорливости. Остановившись посреди коридора, она отослала слуг, приподняла подол свободного платья, и вот в её руке уже красовался небольшой кинжал — страшное оружие, особенно, в руках мастера, коим она и являлась. Старые кости скрипели, лоб покрывался испариной, Императрица, как могла, пыталась не выдать своего присутствия — она знала, в её покоях кто-то был. Она резко отворила дверь, и кинжал, пропитанный темной маной, устремился в направлении незваного гостя. Тёмный элемент — страшная штука, даже маленький порез заставит кожу гнить, вызовет дичайшую боль.

Кинжал, не достигнув горла нарушителя, вонзился в толстую обложку книги, которую он своевременно выставил на пути.

— «Роза в терновом кусту». — холодный голос с хрипотцой произнёс название книги. — «Откровенный любовный роман о жаркой и пылкой любви благородной дамы и садовника»... — читал он, а лицо Императрицы пунцово краснело.

— «Страсти под крепостными сводами». — произнесла название второй книги уже девушка, развалившаяся на кровати. — «История о противоречивых отношениях рыцаря и его оруженосца».

— Это грех, не знала? В моё время таких вешали на городской площади... Куда всё катится, эх.

— Когда-нибудь я отрежу твой болтливый язык... — прошипела Императрица. — И хватит вламываться в мои покои! Я ведь даже грамоту тебе выписала на свободное посещение дворца! И где вы шлялись опять?! Десять лет о вас ни слуху, ни духу!

— Опять начала. — сказала девушка.

— Ага, опять.

— Хаа, если не старость, так вы двое сведёте меня в могилу... — простонала Императрица. — Ты, паршивец, так и не рассказал мне конец той истории! Я жду продолжения, Зет. — нахмурилась она.

— Ах да, точно. На чём я остановился?

...

«Прошлое поможет» — в этих словах и крылся ключ к разгадке. Или же будущее? Хрен

разберёшь. Догадайся я секундой позже и помер бы весьма бесславно, даже костей не осталось бы. Всё-таки сны — удивительная вещь, пока ты его видишь, никогда не догадаешься, что всё это не реальность. Я уже бывал в таком сне раньше... или позже? Проживал там каждый свой день от начала до конца, чувствовал боль, вкус пищи, усталость — всё было как наяву. И, если я не смог понять, то «слабоумный» Бог и в помине не сможет.

Уловка удалась на славу. Я сделал то же, что и Дух Маны со мной — погрузил Бога в сон, в иллюзию. Конечно, для её правдоподобия мне не хватало всезнания «старого червяка», но даже так получилось не плохо. Там в этой иллюзии Бог сам поведал мне способ победить его, показал мне силу, способную стереть само существование, уничтожив душу. Но я ей не воспользовался, это было бы глупо. Дух Маны предупредил — «Не нарушай порядков Вселенной», я и не собирался. Лишь поглядывал со стороны, как глупый Бог раз за разом прибегал к этой запретной силе, всё глубже погружаясь в свой сладкий сон. И Вселенная не заставила себя ждать — Кара Небес вскоре настигла Бога, он и так уже порядком нарушил их правил. Приговор был вынесен, и тело его расщепили на миллиарды песчинок, которые красным маревом развеяли по небосводу.

И нет, он всё еще жив, закован где-то там, обречён на вечные страдания. Лучшей участи я и представить себе не мог. С плеч будто свалилась громадная глыба, я наконец исполнил свой долг, сделал всё, что хотел... или не всё? Так или иначе Вселенная и меня не обделила, забрала почти всю ту силу, что на краткий миг сделала меня равным Богу. Теперь остались лишь её отголоски. Дары с тех пор не появлялись. Последнее их поколение уже доживает свой век. Оковы безумца оказались разрушены, больше ничто не повелевало сознанием людей. Действительно, прекрасный конец...

Потом я вернулся обратно, там меня встретила Марика. Вместе мы отправились к моей давней подруге — Бьянке, которой я сейчас и рассказываю эту историю. Решил помочь ей вновь, мы долго готовились и вскоре устроили мятеж в Империи. Её правитель был свергнут, и Бьянка заняла трон. Её руками жизнь улучшалась день ото дня, осталось еще много проблем, но, уверен, её преемник с этим справится.

А я же... Казалось бы, вот он — покой, которого я так желал. Вот только зачем мне было жить дальше? Десятки лет я раздумывал над новым вопросом, искал способы умереть. Как видите, ни к чему это не привело.

...

— Знаешь, я даже завидую вам... — вздохнула Бьянка. — Вечно молодые, вечная жизнь. Столько всего можно успеть сделать!

— Какие жестокие, однако, слова... — усмехнулся я.

— Вот дурак! Ты так и не оставил свои попытки?

— Нет.

— Ну хоть ты скажи ему, Марика!

— Мы не можем умереть. Поэтому я спокойна. Мне нравится так жить — всегда с Зетом. — легко улыбнулась она. Теперь её улыбка больше не навевала ужас.

— И ты туда же... — сокрушался я.

— Разве не осталось того, что ты хотел бы сделать? Уверен, что можешь так просто всё оставить?

— То, что хотел бы сделать? Дай подумать... Надрать зад одной лицемерной особе?

— Точно. Мы долго откладывали. Но она не даёт повода.

— И опять вы двое только о крови, да убийствах!

— Предлагаешь как ты читать извращённые книжонки?

— Это! — указала она на две книжки, которые теперь крепко сжимала в руках. —

Искусство! Ничего ты не понимаешь...

— Да-да... Но, знаешь, может ты и права. Не стоит оставлять всё вот так. Есть тут ещё две особенно мерзкие твари, которые в один момент могут возомнить себя чем-то большим. Кто-то же должен за ними приглядывать?

— Вот, другое дело. Ах, о тебе будут слагать легенды! Только представь — «Тайный страж мира»... Как звучит!

— Только этого мне не хватало... Пойдем, Марика.

— Куда теперь отправитесь?

— Плавать! — вскрикнула радостно Марика.

— Ты слышала. Мы пойдем, не хворай.

— Не дождёшься! Мне еще за сыном приглядывать.

Больше книг на сайте - Knigoed.net